

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук

На правах рукописи

Зайцева Дарья Владимировна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ж.-Л. ТАЛЬЕНА
В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук

Чудинов Александр Викторович

Москва
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТАЛЬЕН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ	
§ 1. Происхождение и начало жизненного пути.....	22
§ 2. Первые шаги на политическом поприще.....	26
§ 3. Член повстанческой Коммуны Парижа 1792 г.....	35
§ 4. Выборы в Конвент.....	50
ГЛАВА 2. ТАЛЬЕН – МОНТАНЬЯР	
§ 1. Начало работы Конвента.....	55
§ 2. Миссия в департамент Нижняя Сена.....	62
§ 3. Миссия в департаменты Эндр и Луара и Луар и Шер.....	64
§ 4. Миссия в Бордо.....	84
ГЛАВА 3. ТАЛЬЕН – ТЕРМИДОРИАНЕЦ	
§ 1. Переворот 9 термидора.....	116
§ 2. Демонтаж системы Террора.....	127
§ 3. Разгром роялистов на Кибероне.....	156
§ 4. Последние недели Конвента и участие Ж.-Л. Тальена в Совете пятисот.....	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Французская революции XVIII в. – это одна из самых изученных и мифологизированных тем в историографии¹, на протяжении многих десятков лет не теряющая своей актуальности. Ежегодно публикуется множество статей и монографий, посвященных различным ее аспектам. Такое внимание исследователей к ней вполне объяснимо, ведь именно Французская революция заложила основы современной европейской политической культуры Запада и оказала огромное влияние не только на Францию, но и на весь мир. Она послужила своего рода «матрицей» всех последующих революций, произошедших в Новое и Новейшее время². Поэтому изучение ее истории позволяет понять истоки и сущность целого ряда феноменов, характерных для эпохи революционного преобразования общества и получивших развитие в последующие периоды. К таковым, в частности, относится и феномен революционного лидерства, который неизменно привлекает повышенное внимание уже не одного поколения историков, пытающихся выявить и понять, как действуют в периоды слома прежних порядков те социальные механизмы, которые позволяют выдвигаться на ведущие роли таким людям, какие при обычном ходе вещей оказываются обречены на вполне заурядное и неприметное существование. В настоящей работе этот феномен будет исследован на примере деятельности такого яркого и противоречивого политика Французской революции, как Жан-Ламбер Тальен (1767-1820).

Научная новизна исследования заключается в том, что здесь впервые

¹ См.: *Гладышев А.В.* Французская революция: взгляд из XXI века // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 66-73; *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007; *Он же.* Накануне "смены вех". Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. ст., посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им А.М. Горького. Екатеринбург, 2008; *Он же.* Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник 2000; *Он же.* История Французской революции: пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017; *Он же.* На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в. // Новое литературное обозрение. 2007. № 86.

² См.: *Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Французская революция. М., 2020. С. 8.

предпринимается попытка комплексного анализа политической деятельности Тальена с использованием новейших методов исторической науки и введением в научный оборот целого ряда ранее неизвестных архивных источников.

Цель – исследовать политическую биографию Тальена, установить факторы, благоприятствовавшие его возвышению и успешной политической карьере, выявить причины постепенной утраты им своего влияния и ухода с политической сцены.

В соответствии с целью были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

1. Выявить особенности политической карьеры Тальена на начальном этапе Революции, когда он проделал путь от рядового активиста до депутата Конвента;
2. Изучить деятельность Тальена в качестве депутата Конвента и народного представителя в миссиях в департаментах Эндр и Луара, Луар и Шер и Жиронда, где, как традиционно считается, он был одним из главных проводников политики Террора;
3. Проанализировать роль Тальена в перевороте 9 термидора и посттермидорианских событиях, в особенности, его роль в демонтаже системы Террора;
4. Исследовать причины заката его политической карьеры.

Объектом исследования является феномен политического лидерства в революционный период.

Предметом исследования является политическая деятельность Тальена в годы Французской революции.

Хронологические рамки. В качестве нижней границы исследования взят 1791 г., когда Тальен начал свою активную политическую деятельность, а в качестве верхней – 1798 г., когда он выбыл из состава Совета Пятисот и уехал в Египет, сойдя с французской политической сцены.

Степень разработанности проблемы. Историография Французской

революции весьма обширна³: ежегодно в России и за рубежом публикуются десятки работ – как обобщающих исследований по истории Революции⁴, так и посвященных её отдельным аспектам⁵. Однако несмотря на столь высокий интерес историков к Французской революции, многие ее страницы всё еще не получили достаточного освещения. К их числу относится и политическая биография Ж.-Л. Тальена. Этот видный деятель Революции снискал себе у современников, а в дальнейшем и у историков весьма противоречивую репутацию, порою приобретающую черты «черной легенды»⁶. Революционный активист, депутат Конвента, представитель народа в Бордо, один из инициаторов термидорианского переворота, осмелившийся первым поднять голос против Робеспьера, участник Египетского похода Бонапарта – столь насыщенная событиями жизнь долгое время не находила своего исследователя, причиной чему были распространенные в литературе представления о его «сомнительной» репутации. Им отдали дань и левые историки, и правые. Так, многолетний лидер «классической» (прореволюционной) историографии М. Вовель называл Тальена «террористом-отступником»⁷, а видный правый историк-наполеонист Ж. Тюлар утверждал, что этот революционер «опозорил Революцию»⁸. Другие же расценивали его как фигуру малозначительную и не заслуживающую пристального внимания. Упоминали Тальена, как правило, лишь в связи с переворотом 9 термидора, его деятельностью в качестве

³ Подробнее см., например: *Блуменау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII века (1945-1993 гг.). Брянск, 1995, *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009, *Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М., 2017.

⁴ Из новейших см. например: *Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* указ. соч., *Jourdan A.* Nouvelle histoire de la Révolution. P., 2018, *Leuwers H.* La Révolution française, P., 2020, *Martin J.-C.* Nouvelle histoire de la Révolution française. P., 2019.

⁵ См. например: *Митрофанов А.А.* Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М., 2020, *Beaurepaire P.-Y.* Atlas de la Révolution française : un basculement mondial, 1776-1815. P., 2021, *Fiechter J.-J., Tornare A.-J.* Révolution française et christianisme : l'exemple du réseau Chaffoy en Franche-Comté, 1794-1797. Gollion, 2021, *Jones C.* The fall of Robespierre : 24 hours in revolutionary. Oxford, 2021, *Le Directoire : forger la République, 1795-1799 / sous la dir. de L. Chavanette ; introduction d'A. Forrest.* P., 2020, *Martin J.-C.* Infographie de la Révolution française. P., 2021, *Idem.* L'Exécution de Louis XVI. P., 2021, *Tackett T.* Anatomie de la Terreur : le processus révolutionnaire, 1787-1793. P., 2020, *Waresquiel E. de.* Les derniers jours de Marie-Antoinette. P., 2021.

⁶ *Зайцева Д.В.* «Черная легенда» о Ж.-Л. Тальене // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 464–475.

⁷ *Vovelle M.* La Révolution française. P., 1992. P. 38.

⁸ *Tulard J.* Les Thermidoriens. P., 2005. P. 11.

комиссара Конвента в Бордо и предполагаемым участием в сентябрьских убийствах. Кроме того, его биографию бегло затрагивали историки, изучавшие жизнь его супруги, светской львицы термидорианской эпохи Терезы Кабаррюс. Причем, даже те обрывочные и разрозненные сведения о Тальене, что встречаются в исторических работах, как правило, сопровождаются оценочными суждениями с ярко выраженной негативной окраской, формируя образ кровожадного и коррумпированного политика, прочно закрепившийся в трудах как зарубежных, так и отечественных авторов.

Авторы классических обобщающих трудов по истории Французской революции обычно упоминают Тальена вскользь и с исключительно негативными коннотациями. Так, Луи Блан в своем многотомном труде о Французской революции характеризовал Тальена как одного из людей, «у которых буйное настроение является лишь случайным возбуждением испорченного сердца или расчетом скептического ума, и которые могут, смотря по интересам данной минуты, совершать под давлением обстоятельств человеколюбивые поступки, не будучи гуманными, и делать жестокости, не будучи жестокими»⁹. По мнению этого историка, Тальен относился «к разряду эгоистов и сладострастников», о чем свидетельствовало исключительное влияние на него Терезы Кабаррюс, которое «незаметно убило в нем сперва “сентябриста”, а потом революционера». Тальен, по словам Блана, увидев Терезу, «влюбился в нее и вскоре стал надеждою роялистов»¹⁰. Касаясь неоднозначной темы сентябрьских убийств, Блан объявлял Тальена одним из их соучастников, но тут же, не слишком заботясь о логике, добавлял, что он «спас от них нескольких людей»¹¹.

Ипполит Тэн, не любивший якобинцев вообще, лично Тальену ставил в вину участие в сентябрьских событиях 1792 г., когда «весь цвет будущих террористов» – Тальен, Росиньоль, Шометт и другие – сделали «свой первый

⁹ *Blanc L. Histoire de la Révolution française. P., 1867. T. 10. P. 149.*

¹⁰ *Ibid. P. 155.*

¹¹ *Ibid. P. 150.*

шаг в крови»¹². Кроме того, по словам этого автора, Тальен был самым наглым и чувственным «между столькими странствующими сатрапами», «грабителем и распутником», отправлявшим людей на гильотину в Бордо. И наконец, Тэн считал Тальена едва ли не от рождения приверженным «коррупции», поскольку этот «король воров, дырявые карманы которого наполняются только для того, чтобы сейчас опорожниться», был сыном «повара знатного вельможи» и потому, вероятно, имел соответствующие «семейные традиции, так как для него власть служит средством для пополнения его чулана с провизией, причем он съедает всё, что может съесть, а остальное превращает в деньги»¹³.

Будучи идейным оппонентом Тэна, историк и социалист Жан Жорес, тем не менее, фактически сходил с ним в оценке личности Тальена, мимоходом характеризуя того как человека, «жаждущего влияния и громкой известности и умевшего произносить цветистые речи, исполненные ложного пыла»¹⁴. Поддержал Жореса и продолжатель его подходов к изучению Революции, лидер проробеспьеристской историографии 1920-х гг. Альбер Матъез, обозвавший Тальена и других будущих термидорианцев «продажными проконсулами» и «кровожадными монтаньярами»¹⁵.

Луи Сорель тоже упоминал Тальена наравне с Баррасом, Фрероном и Фуше как комиссара, превышавшего свои полномочия, «продажного и кровожадного депутата», и полагал, что он «в Бордо пустил с молотка революционную справедливость, дабы угодить своей любовнице»¹⁶.

Альбер Собуль, во второй половине XX в. являвшийся бесспорным лидером «классической» историографии Революции, тоже считал необходимым бегло коснуться деятельности Тальена в Бордо как комиссара Конвента. По словам Собуля, Комитет общественного спасения, заподозрив Тальена и еще некоторых депутатов в злоупотреблении властью, направил к ним своих агентов для расследования. В Бордо поехал Марк-Антуан Жюльен, выявивший, как

¹² Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб., 1907. Т. 3. С. 143.

¹³ Там же. Т. 4. С. 136.

¹⁴ Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. P., s.d. Т. 3. P. 11-12.

¹⁵ Mathiez A. La Révolution française. Т. 3. P., 1985. P. 242.

¹⁶ Sauré L. Le jour où finit la Terreur. P., 1962. P. 34.

считает Собуль, «злоупотребления» Тальена и добившийся его отзыва¹⁷. Тальен, вынужденный вернуться в Париж, стал одним из лидеров заговора против Робеспьера, организованного бывшими «проконсулами», отозванными из своих миссий. Это были, по словам Собуля, «рьяные проводники террора», которые почувствовали нависшую над ними угрозу и решили нанести превентивный удар. Наиболее заинтересованными в перевороте оказались Каррье, Фуше и особенно те, «кто совершил должностные преступления, – Баррас, Фрерон, Тальен»¹⁸.

Современный французский историк Ж.-К. Мартен, напротив, отмечает, что Тальен, находясь в миссии в Бордо, избегал преследований семей знатных людей и роялистов. Историк подчеркивает, что Тальен поссорился с Робеспьером из-за того, что тот «хотел отправить на гильотину красивую и богатую Терезу Кабаррюс, ставшую его (Тальена – Д.З.) любовницей». Примечательно, что Мартен ставит Тальена в один ряд с наиболее печально знаменитым комиссаром Конвента Ж.-Б. Каррье, который, по словам историка, «в этой компании (Тальена и Барраса – Д.З.) не является нетипичным ни по своим репрессивным отклонениям, ни по экономическим успехам»¹⁹.

Французский историк П. Серна также полагает, что Тальен» во время миссии в Бордо был отозван из-за своих «убийственных поборов и не получил ничего, кроме презрения, от Робеспьера»²⁰.

Среди авторов, писавших о Терезе Кабаррюс, также оказалось немало тех, кто негативно высказывался о ее супруге. Ж. Берто, например, прямо называет его организатором сентябрьской резни и обвиняет в крайней политической беспринципности: «...Демагог в душе, готовый поддержать самые радикальные инициативы, если они укрепят его положение. <...> Он с ликованием проголосует за то, чтобы отправить на гильотину Дантона, Камила Демулена,

¹⁷ Собуль А. Первая республика (1792–1804). М., 1974. С. 129.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Martin J.-C. Nouvelle histoire de la Révolution française. P., 2012. P. 418.

²⁰ Serna P. La République des girouettes. Seyssel, 2005. P. 369.

Фабра д'Эглантина. Затем, чтобы набить себе карманы, начнет играть роль «миссионера Республики»²¹.

По словам историка Л. Соноле, имя Тальена «повсюду сеяло страх. Несмотря на то, что ему было всего двадцать шесть лет, Тальен уже имел за плечами ужасное прошлое, полное насилий, грабежей и убийств. Известно, каким путем угодничества и кровавых дел он поднялся до своего поста депутата Конвента»²². Соноле упоминает об одной из первых миссий Тальена – миссии в Туре, в ходе которой тот, по словам автора «заполнил тюрьмы, яростно преследуя дворян, священников, торговцев, собственников, приводя в негодование весь город своими спекуляциями и злоупотреблениями»²³.

Соноле, как и многие другие историки, уничижительно отзывался о происхождении Тальена, называя его «хитрым плебеем», наделенным «приземленным умом и пустой словоохотливостью», который прибыл в Бордо, одержимый жадой власти и обогащения²⁴. В основном негативно упоминают Тальена и другие авторы биографий Терезы Кабаррюс – М.-Э. Буркен²⁵, Ж. Кастельно²⁶, М. Феррюс²⁷.

Парадокс ситуации состоит в том, что никто из этого хора «обвинителей», включая всех вышеупомянутых мэтров историографии Французской революции, специальным изучением биографии Тальена не занимался, а лишь воспроизводил распространенные в литературе клише, традиционно связанные с его именем.

Те же немногие авторы, кто не спешил сразу же заклеить Тальена как коррупционера и террориста, а пытался взглянуть на его деятельность поближе, были далеко не столь категоричны. Прежде всего, здесь стоит отметить очерк французского исследователя Анри Лакапа²⁸, вышедший в середине прошлого

²¹ Bertaut J. Madame Tallien, P., 1946. P. 39.

²² Sonolet L. Madame Tallien. P., 1909. P. 43.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 45.

²⁵ Bourquin M.-H. Monsieur et Madame Tallien. P., 1987.

²⁶ Castelnau J. Madame Tallien. Révolutionnaire, favorite, princesse. P. 90.

²⁷ Ferrus M. Madame Tallien à Bordeaux pendant la Terreur. Bordeaux, 1933.

²⁸ Lacape H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959.

столетия и посвященный непосредственно Тальену. По словам автора, прочтя произведение писателя Арсена Уссе «Богоматерь Термидора»²⁹, посвященное Терезе Кабаррюс и затрагивающее биографию Тальена, он обратил внимание на то, что в книге Уссе много выдумок, характер Тальена практически не раскрыт, а ряд важных моментов вообще остался в тени. Обескураженный, Лакап решил провести собственное исследование, по итогам которого открыто заявил: «Я без колебаний голосую за реабилитацию народного защитника»³⁰.

В первой части работы Лакапа рассматриваются основные вехи жизни Тальена, вторая посвящена особенностям его личности, отношениям с семьей и женщинами. Лакап, в отличие от других авторов, не спешит клеймить Тальена, а пытается рассматривать его биографию максимально беспристрастно, хотя, в конце концов, откровенно попадает под обаяние своего героя: «Я восхищаюсь Тальеном, потому что он умел любить и принимать решения. Я завидую ему в моменты его волнения и энтузиазма <...> Я жалею его, потому что он боролся без успеха, сражался без надежды, потому что он с достоинством ушел в неизвестность, в страдания и забвение, потому что умер одиноким, непризнанным, почти неизвестным»³¹.

Еще одна работа, непосредственно посвященная биографии этого деятеля революции, вышла в свет в 1997 г.³² Ее автором стала прямой потомок Тальена, историк Тереза Шарль-Вайян. Ссылаясь на материалы семейных архивов, а также на документы Национального архива Франции, она подробно изложила биографию своего знаменитого предка, порою, правда, откровенно приукрашивая ее и обходя молчанием отдельные неудобные факты, что, впрочем, учитывая их родственную связь, вполне объяснимо.

Еще один биограф Терезы Кабаррюс, К. Жиль, попытавшийся, в отличие от большинства своих коллег, самостоятельно разобраться в наиболее известных эпизодах деятельности ее супруга, тоже оказался в своих выводах

²⁹ *Houssaye A. Notre-Dame de Thermidor. P., 1895.*

³⁰ *Lacape H. Op. cit. P. 14.*

³¹ *Ibid. P. 177.*

³² *Charles-Vallin T. Tallien : le mal-aimé de la Révolution. P., 1997.*

далеко не столь категоричен, как они. Хотя, подобно им, он и полагает, что Тальен был причастен к сентябрьским убийствам, но подчеркивает, что его роль в тех трагических событиях была второстепенной. К тому же, считает Жиль, во время убийств Тальен предпринял попытку спасти несколько человек. Однако то, что его имя так или иначе было связано с этими событиями, сказывалось на репутации Тальена до конца его жизни³³. Что касается миссии в Туре, то, по мнению Жилия, вопреки всему, что писали о Тальене, тот не проводил там каких-либо незаконных репрессий, а, напротив, предпочитал насилию диалог³⁴.

Эпизод биографии Тальена, едва ли не больше других привлекавший внимание историков и даже ставший предметом их специальных исследований, — его миссия в Бордо в качестве комиссара Конвента. Этот сюжет, в частности, рассматривался автором работы об истории революционного террора в Бордо, А. Виви, опиравшимся на широкий круг таких материалов департаментского архива, как постановления народных представителей, письма Тальена и его коллег в Конвент, а также отчеты об арестованных и приговоренных к смертной казни. Изучив столь обширную базу источников, Виви не обнаружил сведений о каких-либо конкретных случаях коррупции, в которой другие историки нередко обвиняли Тальена. Постепенное снижение накала террора в Бордо Виви связывает с влиянием на Тальена Терезы Кабаррюс, отмечая, что, благодаря своему великодушию и милосердию, эта женщина оставила о себе светлую память в истории города³⁵.

Современный британский историк А. Форрест, посвятивший свое исследование эволюции городского общества в Бордо периода Революции, также использовал богатый архивный материал департаментского архива Жиронды³⁶. Излагая события периода Террора, он упоминает Тальена, но не акцентирует внимания на его деятельности, очевидно, не придавая ей того

³³ Gilles C. Madame Tallien. Biarritz, 1999. P. 86.

³⁴ Ibid. P. 87.

³⁵ Vivie A. Histoire de la Terreur à Bordeaux. Bordeaux, 1877. T. 2. P. 155.

³⁶ Forrest A. Society and politics in revolutionary Bordeaux. Oxford, 1975.

решающего значения, которое обычно приписывалось ей в данном контексте, и практически не дает ей каких-либо оценок.

В недавно вышедшем сочинении Ж.-К. Фово о Терроре в Бордо Тальен описывается как один из революционных деятелей, проводивших «во имя любви к свободе» политику репрессий. Правда, автор оговаривается, что при этом Тальен лично следил за тем, чтобы обращение с заключенными было как можно более гуманным³⁷. Историк обвиняет Тальена в чрезмерной роскоши, предполагая, что ее источником, по всей вероятности, стали деньги осужденных и конфискованные драгоценности³⁸. Однако ни на какие источники Фово не ссылается, а отталкивается от работ других историков, что существенно снижает ценность его выводов, имеющих вторичный характер.

В отечественной историографии специально Тальеном вообще никто не занимался, а историки, которые так или иначе касались его личности, просто воспроизводили всё ту же «чёрную легенду», распространенную во французской историографии.

Автор известной работы о Термидоре К.П. Добролюбский упоминает в связи с переворотом имя Тальена как бывшего террориста и коррумпированного депутата наряду с Фуше, Баррасом и Фрероном, которые «были отозваны из миссии и спасали свою жизнь»³⁹. Добролюбский подчеркивает, что Тальен – комиссар, «торговавший в Бордо правосудием, арестовывавший бордоских купцов и отпускавший на свободу тех, кто давал большие взятки»⁴⁰.

Е.В. Тарле в своем труде «Наполеон» вспоминает еще об одном весьма неоднозначном эпизоде из биографии Тальена – о его миссии на Киберон в 1795 г. и причастности к расстрелу взятых там в плен роялистов: «Тальен и его друзья, оказавшиеся достаточно сильными в июне 1795 года, чтобы гильотинировать ежедневно в течение всего месяца парижских рабочих, подавно не могли не оказаться достаточно сильными, чтобы в июле того же

³⁷ Fauveau J.-C. La Tallien, la Terreur à Bordeaux. Bordeaux, 2016. P. 75-76.

³⁸ Ibid. P. 95.

³⁹ Добролюбский К.П. Термидор: очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794-1795 гг. Одесса, 1949. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 5.

1795 года расстрелять на Кибероне сколько угодно дворян и священников»⁴¹.

В другом месте той же работы имя Тальена служит Тарле фактически синонимом продажности и кровожадности: «Всех этих Тальенов, Фреронов, Бурдонов, Буасси д'Англа, Баррасов – можно было совершенно справедливо обвинить и в воровстве, и в животном эгоизме, и в зверской жестокости, и в способности на любую гнусность, но в трусости их обвинить было нельзя»⁴².

Наиболее же беспощадным критиком Тальена среди отечественных историков был А.З. Манфред. Являясь биографом и горячим поклонником Робеспьера, лидер послевоенной советской историографии Французской революции испытывал, похоже, настоящую ненависть к тому, кто в жаркий день 9 термидора первым поднял голос против робеспьеристского триумvirата, проложив тем самым Неподкупному дорогу на эшафот. Поэтому при любом упоминании имени Тальена историк обрушивался на него со всей силой своего неподражаемого красноречия. Характерно, например, то, как в одной из работ он собственными словами пересказывает содержание знаменитой записки, отправленной Терезой Кабаррюс из тюрьмы Тальену накануне 9 термидора: «“Мне снился сон” – так начиналась записка. Тереза излагала содержание этого странного сна. Ей снилось, что ее завтра казнят, но что если бы на свете были не *плаксивые слюнтяи*, а настоящие мужчины, то всё еще можно было бы повернуть»⁴³. Автор явно утрирует к невыгоде Тальена известный нам по источникам и сам по себе достаточной жесткий текст этого послания: «Управляющий полицией только что ушел; он приходил сообщить мне, что завтра я окажусь перед трибуналом, то есть на эшафоте; это столь непохоже на тот сон, который я видела сегодня ночью: Робеспьера больше нет и тюрьмы открыты... Но, благодаря вашей беспримерной трусости, еще не скоро во Франции найдется кто-то, способный воплотить это в жизнь»⁴⁴.

⁴¹ Тарле Е. Наполеон. М., 1936. С. 30.

⁴² Там же.

⁴³ Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой Французской Революции. М., 1978. С. 403.

⁴⁴ Ouvrard G.-J. Mémoires. Bruxelles, 1826. Т. 1. Р. 32-33.

Упомянув Тальена в ряду других участников термидорианского переворота, Манфред не скупился для них на эпитеты: «воры, убийцы, казнокрады, вымогатели, взяточники, грабители, мародеры, составившие состояние на ограблении своих жертв»⁴⁵. Лично же для него находятся и более выразительные характеристики: «Забрызганный с ног до головы кровью погубленных им людей, изобличенный в казнокрадстве, взяточничестве, грабежах, <...> преступник», «презренный Тальен»⁴⁶, спекулянт и мздоимец⁴⁷.

Горячий оппонент А.З. Манфреда в том, что касалось оценок Робеспьера, В.Г. Ревуненков, тем не менее, в обобщающем труде о Французской революции добросовестно воспроизвел, подобно своему оппоненту, все те общие места о продажности и кровожадности будущих термидорианцев, которые традиционно присутствуют в работах представителей «классической» историографии: «...Комиссары Конвента, руководившие репрессиями в этих краях (Марселе, Тулоне, Бордо – Д.З.), бывший маркиз Баррас, плебей, сын дворецкого Тальен, ультралевый журналист Фрерон оказались вдобавок глубоко коррумпированными людьми; они присваивали себе имущество казненных, брали в любовницы их жен и т.п.»⁴⁸.

Е.В. Киселева в статье о миссии Марка-Антуана Жюльена в Бордо, говоря о Тальене и его коллеге-депутате Изабо, которых собственно и приехал проверять Жюльен, так же использует уже известные нам клише: Они «превратились в покровителей крупной бордосской буржуазии и стали использовать свое положение для личного обогащения. Они не брезговали ничем. Взятничество, казнокрадство, вымогательство – и, как результат этого, смягчение террора против богатых купцов. <...> Вступив в контакт с местными воротилами, Тальен и Изабо становятся и сами дельцами, нуворишами. Революция им больше не нужна. Она мешает им удовлетворять их страсть к

⁴⁵ Манфред А.З. Три портрета... С. 404.

⁴⁶ Там же. С. 405.

⁴⁷ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 198.

⁴⁸ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Л., 1983. С. 139.

роскоши, наслаждениям, богатству»⁴⁹. Однако в подтверждение этих характеристик каких-либо ссылок на конкретные документы автор, к сожалению, не приводит, хотя в целом статья построена на богатом материале Российского государственного архива социально-политической истории и, в частности, хранящегося там фонда Жюльена. Это наводит на мысль о том, что Жюльен, отправленный Робеспьером в Бордо проверять деятельность Тальена, либо не нашел на того убедительного компромата, который отложился бы в указанном фонде, либо эти документы, если таковые существовали, прошли мимо внимания исследовательницы.

В последние годы появилось несколько специальных работ, посвященных отдельным аспектам деятельности Тальена. Так, во Франции вышла статья П.-Э. Мюнье⁵⁰ о журналистской карьере Тальена, где автор изучает историю становления и эволюции газеты, издававшейся Тальеном. В статье исследовательницы М. Хардер анализируются особенности политической карьеры Тальена и причины ее стремительного взлета⁵¹. Автор характеризует Тальена как лицемера, который умело использовал свои связи для продвижения и получения новых должностей, достаточно легко отказываясь от прежних союзов, если те становились невыгодными⁵². Комплексного же исследования политической деятельности этого революционера, во всем богатстве ее оттенков и нюансов, до настоящего времени не проводилось.

Таким образом, в биографии Тальена до сих пор белых пятен гораздо больше, чем достоверно установленных фактов. Остается дискуссионным целый ряд столь важных аспектов его политической карьеры, как роль в сентябрьских убийствах 1792 г., деятельность в миссиях в Туре, Бордо и на Кибероне в качестве комиссара Конвента. Остается практически неисследованным обширный массив архивных материалов, позволяющих

⁴⁹ Киселева Е.В. Миссия Марка-Антуана Жюльена в Бордо (1794 год) // Французский ежегодник 1972. М., 1974. С. 178-179.

⁵⁰ Mugnier P.-H. Le journalisme, l'autre carrière de Tallien // La Révolution française au miroir des recherches actuelles. P., 2011. P. 23-33.

⁵¹ Harder M. Reacting to Revolution: the political career(s) of J.-L. Tallien // Experiencing the French Revolution / Ed. D. Andress. Oxford, 2013. P. 87-112.

⁵² Ibid. P. 93.

пролить свет на эти страницы его жизни, в частности, те содержащиеся в фондах РГАСПИ документы, которые касаются миссии Тальена в Бордо⁵³. Историкам еще предстоит исследовать биографию этого противоречивого революционного деятеля, попытавшись выйти за рамки «черной легенды», прочно связанной с его именем еще со времён самой Революции.

Методологической основой работы являются методы новой биографической истории⁵⁴, предполагающей акцент внимания исследователя на интерпретации поступков человека, а также использование реконструкции личной жизни «отдельных исторических индивидов» в качестве «средства познания того исторического социума, в котором они жили и творили»⁵⁵. В работе наряду с официальными источниками используются также источники личного происхождения (письма и мемуары) – как самого Тальена, так и его современников: друзей, коллег, политических противников и случайных знакомых. Использование методов «новой биографической истории» позволяет не только проанализировать роль Тальена в ключевых событиях эпохи Революции, но также понять внутреннюю мотивацию его поступков, выявить, как те или иные события личной жизни Тальена, его взгляды и устремления, а также межличностные отношения влияли на его политические шаги.

Поскольку задачей работы является изучение политической карьеры Тальена, для комплексного исследования этого вопроса использован междисциплинарный подход, а в качестве вспомогательных методов применены методы политологии, в частности, результаты исследований по теориям политического лидерства. За основу взята концепция Е. Холландера, разработавшего теорию «кредита доверия» (*Idiosyncrasy Credit*), под которым Холландер понимает право лидера на нестандартное поведение, которое

⁵³ РГАСПИ. Ф. 317. Оп. 1.

⁵⁴ См. например: *Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* Новые аспекты биографии в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М., 2012. С. 167-176, *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика». М., 2011, *Она же.* «Персональные тексты и "новая биографическая история": от индивидуального опыта к социальной памяти» // «Сотворение Истории: Человек - Память - Текст». Казань., 2001.

⁵⁵ *Ретина Л.П.* «Персональные тексты и "новая биографическая история"... С. 345.

ограничено определенными рамками⁵⁶. Согласно этой теории, лидер получает «кредит доверия» благодаря своему социальному статусу и соответствию ожиданиям группы. Получив от группы «кредит доверия», он располагает возможностью расходовать его, либо же пополнять в зависимости от правильности или ошибочности предпринимаемых им действий. Лидер может израсходовать кредит доверия за счет нестандартного поведения лишь до определенных границ, после чего последуют «санкции», т.е. «кредит» дает «определенную свободу отклонений от принятых правил, что было бы невозможно для тех, у кого такого доверия нет»⁵⁷. В настоящей работе предпринимается попытка использования данной концепции при анализе взлёта, развития и упадка карьеры Тальена.

Исследование строится на основе широкого круга *источников*, как архивных, так и опубликованных:

Из *неопубликованных источников* в первую очередь следует назвать материалы французского Национального архива (Archives Nationales de France), прежде всего – постановления, издававшиеся Тальеном и его коллегами во время миссии в Бордо, в частности, о создании Военной комиссии и об учреждении Революционного наблюдательного комитета⁵⁸, решения этой Военной комиссии, выносившей приговоры лицам, подозревавшимся в модерантизме и роялизме⁵⁹, доносы агентов Комитетов общественного спасения и общей безопасности Эрона и Мотта⁶⁰, следивших за Тальеном, а также свидетельства очевидцев покушения на Тальена в сентябре 1794 г.⁶¹

В работе также использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории, относящиеся к деятельности Тальена в Бордо и хранящиеся в фонде М.-А. Жюльена (РГАСПИ, ф. 317). Наиболее

⁵⁶ Hollander E. Emergent Leadership and Social Influence // Leadership and Interpersonal Behavior. N.-Y., 1961. P. 45.

⁵⁷ Ibid. См. так же: Hollander E. Conformity, Status and Idiosyncrasy Credit // Psychological Review. 1958. P. 117-127; *Idem*. Leaders, groups and influence. N.-Y., 1964; *Idem*. Leadership dynamics: a practical guide to effective relationships. N.-Y., 1978.

⁵⁸ AN. AF II. 170.

⁵⁹ AN. AF II. 171.

⁶⁰ AN. AA. 57/1533/6.

⁶¹ AN. F7. 4775/24.

значимыми для настоящего исследования оказались следующие материалы данного фонда: заметка жителя Бордо С.-Л. Удая (Sainte-Luce Oudaille) «Восемнадцать месяцев из истории Бордо, или с момента прибытия Тальена, Изабо, Бодо и Шодрон-Руссо до конца их миссии»⁶², мемуар «Серьезные обвинения в адрес четырех интриганов, творивших в Бордо притеснения и всякие мерзости» члена администрации дистрикта Бордо, гражданина Лемоаля⁶³, письмо Тальена, адресованное Национальному клубу Бордо⁶⁴. Необходимо отметить, что ранее этот круг источников, относящихся непосредственно к Тальену, в исследованиях не использовался, за исключением вышеупомянутой статьи Е.В. Киселевой.

Были также использованы следующие собрания *опубликованных документов*:

Протоколы заседаний Законодательного собрания, Национального Конвента и Совета пятисот, опубликованные в сборнике «Парламентские архивы с 1787 по 1860 гг.»⁶⁵, а также опубликованные А. Оларом протоколы заседаний Якобинского клуба, членом которого был Тальен⁶⁶.

Пресса. Ежедневное издание *Le Moniteur universel*, публиковавшее дискуссии депутатов по самым острым политическим вопросам; издававшаяся Тальеном газета *L'Ami des citoyens*; а также другие периодические издания эпохи Французской революции - *La Sentinelle*, *Révolutions de Paris*, *Le Courrier des 83 départemens*, *Le Censeur des journaux*, *L'Historien*.

Публичные выступления Тальена в «Братском обществе обоих полов», создателем которого он был, например, размышления о причинах, породивших Революцию⁶⁷, его речи в Конвенте и Совете пятисот, в частности, рассуждения о сентябрьских событиях 1792 г.⁶⁸, о сущности Террора⁶⁹ и другие⁷⁰. К этой же

⁶² РГАСПИ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 497.

⁶³ РГАСПИ, Ф. 317, Оп. 1. Д. 498.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 470.

⁶⁵ Archives parlementaires de 1787 à 1860. P., 1879-1913.

⁶⁶ La Societe des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris / par F.-A. Aulard. P., 1889-1897.

⁶⁷ Tallien J.-L. Discours sur les causes qui ont produit la Révolution française. P., 1791.

⁶⁸ *Idem*. La vérité sur les événements du 2 septembre. P., s.d.

группе источников относятся опубликованные выступления видных деятелей Революции – М. Робеспьера⁷¹, Ж.-П. Марата⁷², Л.А. Сен-Жюста⁷³.

Мемуары таких видных деятелей революционной эпохи, как П. Баррас⁷⁴, Б. Барер⁷⁵, А.К. Тибодо⁷⁶, М. Годой⁷⁷, Ж. Фуше⁷⁸. Ранее в исторической литературе высказывались сомнения в подлинности мемуаров Фуше, однако современный историк Э. де Варескель, изучивший его биографию, установил их аутентичность, отметив, что Фуше вёл переговоры с издателем насчет прижизненной публикации своих мемуаров в Австрии, но тогда ему помешала цензура, а потому мемуары были опубликованы уже после его смерти, в 1824 г. в Париже книгопечатником Леружем⁷⁹.

Отдельный массив мемуарных источников составляют воспоминания участников событий, связанных с экспедицией роялистов на Киберон 1795 г., - К. Руже де Лиля⁸⁰, А. Мерсье дю Роше⁸¹, Л.-Г. де Вильнёва⁸², Л.В. де ля Вильгурье⁸³. Использовались также мемуары других современников Французской революции: А.Ф. д'Аллёнвиля⁸⁴, А.В. Арно⁸⁵, Ф. Гуэ⁸⁶, Э.Г. Ланглуа⁸⁷.

Переписка. Письма и отчеты Тальена из миссий были опубликованы А.

⁶⁹ *Idem*. Discours prononcé à la Convention Nationale dans la Séance du 11 fructidor, l'an 2 de la République sur les principes du Gouvernement révolutionnaire. P., s.d.

⁷⁰ *Idem*. Rapport fait à la Convention Nationale dans la séance du 9 thermidor, an 3. P., s.d.; *Idem*. Projet de resolution sur un message du Directoire relatif aux abus introduits dans la vente des domaines nationaux. Séance du 16 germinal, an 6. P., 1798; *Idem*. Raport au nom d'une commission spéciale sur quelques parties de la législation concernant les prises maritimes. Séance du 24 germinal an 6. P., 1798; Eclaircissemens véridiques de Tallien en réponse aux Eclaircissemens nécessaires de Collot, ancien membre du Comité de Salut Public. P., s.d.

⁷¹ *Робеспьер М.* Избранные произведения в 3-х томах. М., 1965.

⁷² *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. М., 1956.

⁷³ *Сен-Жюст Л.А.* Речи. Трактаты. СПб., 1995.

⁷⁴ Mémoires de Barras, membre du Directoire. T. 1. P., 1895.

⁷⁵ Mémoires de B. Barère. T. 2. La Haye, 1842.

⁷⁶ *Thibaudeau A.C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. T. 1. P., 1827.

⁷⁷ *Godoy M.* Mémoires du Prince de la Paix. T. 1. P., 1836.

⁷⁸ Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante, ministre de la police générale. Osnabrück, 1966.

⁷⁹ *Waresquiel E. de*, Fouché: les silences de la pieuvre, P., 2014. P. 39.

⁸⁰ *Rouget de Lisle.* Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes, 1995.

⁸¹ *Mercier du Rocher A.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de Vendée. Loudéac, 1989.

⁸² *Villeneuve, L.-G. de.* Mémoires sur l'expédition de Quiberon. P., 1819.

⁸³ *Villegourio de la, L.V.* Ma sortie de Quiberon. Saint-Brieuc, 1815.

⁸⁴ *Allonville A. de.* Mémoires secrets de 1770 à 1830. T. 3. P., 1841.

⁸⁵ *Arnault A.V.* Souvenirs d'un sexagénaire. T. 1. P., 1833.

⁸⁶ Souvenirs du Baron Hüe / publiés par le baron de Maricourt. P., 1903.

⁸⁷ *Langlois E.-H.* Souvenirs de l'Ecole de Mars et de 1794. Rouen, 1836.

Оларом в «Сборнике актов Комитета общественной безопасности»⁸⁸. Письма Тальена, адресованные Робеспьеру, а также донесения Робеспьеру от его агентов, следивших за Тальеном накануне переворота 9 термидора, изданные в сборнике «Неопубликованные документы, найденные у Робеспьера, Сен-Жюста, Пейяна и других»⁸⁹.

Донесения полицейских агентов, опубликованные А. Оларом в сборнике «Париж во время термидорианской реакции и Директории»⁹⁰. Сборник содержит сведения об основных темах, которые обсуждались посетителями столичных кофеен, театров и клубов, собиравшиеся полицейскими агентами. Данный источник представляется одним из наиболее ценных для анализа публичной сферы Парижа революционной эпохи.

Структура работы определяется логикой поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава, состоящая из четырех параграфов, посвящена становлению политической карьеры Ж.-Л. Тальена. Во второй главе, включающей в себя четыре параграфа, исследуется деятельность Тальена как депутата и комиссара Конвента в период революционного правления. В третьей главе, которая состоит также из четырех параграфов, анализируется деятельность Ж.-Л. Тальена после переворота 9 термидора. Диссертация включает в себя список использованной литературы и источников.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать ее научные результаты при организации лекционно-семинарских занятий по Новой истории Запада, разработке специальных учебных курсов по истории Франции, учебных пособий и методологических руководств по истории Французской революции XVIII в.

Положения, выносимые на защиту:

- Главными факторами, обеспечившими политический взлет Тальена в

⁸⁸ Recueil des actes du Comté de Salut Public avec la correspondance officielle des Représentants en mission et le Registre du conseil Exécutif Provisoire / par F.-A. Aulard. P., 1883-1889.

⁸⁹ Papiers inédits, trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. T. 3. Genève, 1978.

⁹⁰ Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire exécutif / par F.-A. Aulard. P., 1898-1902.

начальный период Революции, стало активное и умелое использование им таких средств социальной коммуникации, как политические клубы и своя газета, что позволило ему получить достаточно широкую известность и обрести кредит общественного доверия;

- Став депутатом Конвента Тальен проявил себя как активный политик, что позволило ему завоевать политический авторитет и получить назначения в ответственные миссии;
- В ходе своей миссии в Бордо Тальен проявлял умеренность в проведении репрессий, которых от него требовали центральные власти, и это в дальнейшем негативно повлияло на его политический вес и дало информационный повод оппонентам для дискредитации Тальена;
- В посттермидорианский период Тальен принял активное личное участие в демонтаже системы Террора и дал теоретическое обоснование самого феномена террора, обеспечив тем самым наиболее эффективное преодоление его последствий;
- С переходом после 1795 г. Франции от революционного порядка управления к конституционному возник спрос на лидеров иного качества, нежели прежние революционные вожаки, а потому способности Тальена эффективно действовать в кризисных ситуациях, востребованные в период разрушения Старого порядка, оказались неактуальны с переходом Революции в стадию созидания;
- Противоречивая позиция Тальена в ряде кризисных моментов Революции (сентябрьские убийства 1792 г., высадка роялистов на Кибероне) дала политическим оппонентам возможность негативного истолкования его действий и позволила развернуть кампанию диффамации, которая привела к постепенной утрате им кредита общественного доверия, обусловившей в конечном счете уход

Тальена с политической арены;

- В историографии сложилась «черная легенда» о Тальене – образ коррупционера и убийцы, который широко тиражировался историками, но не нашел подтверждения в источниках.

Апробация работы. Основные положения настоящей диссертации были представлены автором на 8 конференциях международного и всероссийского уровней, а также были отражены в 7 статьях, 6 из которых опубликованы в изданиях, рецензируемых в международной базе данных Web of Science.

ГЛАВА 1. ТАЛЬЕН В ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Происхождение и начало жизненного пути

Жан-Ламбер Тальен родился 23 января 1767 г. в Париже. О его родителях сохранилось мало сведений – известно лишь, что звали их Жанна Гумбер и Ламбер Тальен, в брак они вступили поздно, и Жан-Ламбер был их единственным ребенком. Оба служили Николя-Шарлю де Малону, маркизу де Берси. Старший Тальен был дворецким маркиза и управляющим его летней резиденцией – замком Блэр в Турени. Некоторые биографы наделяли Тальена итальянскими корнями, рассказывая, что в середине XVII в. в город Арденн на северо-востоке Франции приехал из Италии некий Фредеричи, за свое иноземное происхождение получивший среди местных прозвище «итальянец» – «l'italien», которое со временем трансформировалось в фамилию Tallien⁹¹.

Маркиз де Берси сыграл большую роль в жизни юноши. В 1785 г., уже в преклонном возрасте, он составил завещание, в котором перечислил всех тех, кто находился у него в услужении, назначив им денежные выплаты, пропорциональные их жалованию, выслуге лет и важности выполняемых ими обязанностей. Помимо того маркиз назначил содержание детям своих слуг. В частности, Тальену предназначалась пожизненная пенсия в размере 600 ливров в год, которую он имел право получать после смерти отца. Когда отец умер, Тальен передал право на получение этой пенсии своей матери⁹².

Благодаря расположению маркиза де Берси, который испытывал к Тальену почти отеческие чувства, тому с юных лет довелось общаться с аристократией и познакомиться с её образом жизни как в Париже, так и в Турени. Кроме того, Тальен имел доступ к библиотеке маркиза, которая вызывала у него живой интерес⁹³. Благодаря этому, юноша был хорошо начитан, и приобретенные им знания в дальнейшем обеспечили его речам большую выразительность. В

⁹¹ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 5.

⁹² Bourquin M.-H. Op. cit. P. 21.

⁹³ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 18.

одном из своих первых публичных выступлений Тальен, рассуждая о причинах Французской революции, попытался найти их истоки в многовековой истории Франции, начав свою речь с рассуждений о первых франкских королях: «Франкский народ, вышедший из лесов Германии и расселившийся по Галлии, в ту пору подчинялся только тем вождям, которых сам же выбрал, чтобы они вели его в битву. Фарамонд, Хлодион, Мервей и Хильдерик I были скорее полководцами, нежели королями. Королем же стал Хлодвиг. Этот вождь обладал выдающимися качествами, но подпортил их жестокостью, извинить которую можно, только вспомнив о варварских нравах тех времен, когда он жил»⁹⁴. Анализируя глубинные причины Революции, что, по его мнению, накопились за столетия существования Французского королевства, Тальен делал экскурсы в разные эпохи, свободно оперируя именами королей, кардиналов и министров, которые, по его словам, на протяжении столетий поддерживали деспотичное правление и угнетали народ.

Благодаря протекции маркиза, Тальен получил неплохое образование – окончил парижский колледж кардинала Лемуана. Одним из его наставников был известный историк и педагог, аббат Шарль Франсуа Ломонд. Во время Революции Ломонд окажется в заключении за отказ принять гражданское устройство духовенства, но спасется и выйдет на свободу благодаря Тальену⁹⁵. Родители хотели, чтобы Тальен после окончания колледжа поработал клерком в судебной системе, а в дальнейшем стал нотариусом. Однако юриспруденция мало привлекала их сына. В своих мемуарах его дочь Термидор Тальен отмечала, что несмотря на советы матери, которая умоляла Тальена полностью посвятить себя изучению законов, он в поисках славы, «к чему его побуждали собственные амбиции», занялся написанием и публикацией сочинений, «прекрасно отражавших господствующие мнения той эпохи»⁹⁶. Свободное же время Тальен предпочитал проводить в кофейнях и театрах. Особенно часто он

⁹⁴ Tallien J.-L. Discours sur les causes qui ont produit la Révolution française. P., s.d. P. 2.

⁹⁵ Hoefler J.C.F. Nouvelle Biographie générale. T. 31. P., 1862. P. 85.

⁹⁶ Tallien T. Cahiers de souvenirs. Цит. по: Charles-Vallin T. Op. cit. P. 25.

посещал популярное в те времена кафе «De l’Ecole», владельцем которого был Жером Франсуа Шарпантье – тесть видного деятеля Революции Жоржа Дантона⁹⁷. Тогда кофейни, театры и клубы имели огромную популярность, составляя часть того публичного пространства, где активно обсуждались новости политики и культуры, где формировалось общественное мнение. Поскольку социальный статус на этих импровизированных дискуссионных площадках не играл главенствующей роли, бойкие молодые люди из небогатых семей, имевшие достаточное образование и определенные ораторские способности, нередко задавали здесь тон дебатам, приобретая симпатии и авторитет у завсегдатаев подобных заведений. Это публичное пространство последних лет Старого порядка и стало той «школой жизни», где Тальен получил свои первые навыки общественной активности, столь пригодившиеся ему в дальнейшем.

Термидор Тальен в своих мемуарах рассказывает: «Мой отец с пылом предавался развлечениям и дружил с молодыми людьми, которые часто брали его с собой на спектакли. Однажды, придя во Французскую комедию на премьеру “Севильского цирюльника”, он не смог попасть в зал и, прогуливаясь в коридорах театра, вдруг встретил Бомарше, который спросил его, почему тот не в зале.

"Все места заняты", – ответил мой отец.

"Вот так причина! – ответил Бомарше. – Дайте взятку, взятку, молодой человек, и вы добьетесь успеха!"

Однако мой отец не давал взяток ни там, ни где-либо еще»⁹⁸.

Сегодня уже невозможно установить достоверность этого эпизода. Не исключено, что Термидор таким образом просто пыталась реабилитировать в глазах читателей образ отца, чье имя для многих современников и потомков было неразрывно связано с коррупцией. Однако сама по себе ситуация, когда молодые люди могли вот так, запросто, встретиться с именитым драматургом в

⁹⁷ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 22.

⁹⁸ Tallien T. Cahiers de souvenirs. Цит. по Charles-Vallin T. Op. cit. P. 23.

театре и переговорить с ним, не выглядит совершенно невероятной: театры, так же как кофейни, были местом встреч и общения людей разного статуса и состояния.

По воспоминаниям современника, роялистского офицера Армана Франсуа д'Аллёнвиля, Тальен, который воспитывался вместе с детьми маркиза, «был проникнут современными философскими идеями, мнил о себе слишком много и страдал от того, что его имущественное положение при существовавшем тогда порядке не может подняться до желаемого им уровня. Поэтому он так возненавидел уготованную ему судьбу и с готовностью прибег к тем средствам, которые могли разрушить преграды, стоявшие на пути его честолюбивых устремлений»⁹⁹. Несомненно, у преданного сторонника короля, каким был д'Аллёнвиль, имелись веские причины не любить Тальена, однако и он отмечал, что в Тальене «уживались два человека: первый добрый от природы и друг всего хорошего, второй – человек, которого угнетало его низкое социальное положение, и который стремился его изменить»¹⁰⁰.

В Париже Тальен часто бывал у своей тетки, содержавшей гостиницу «L'Union»¹⁰¹. Именно там он познакомился с одним из постояльцев – Жан-Батистом Бростаре, адвокатом парламента Бордо и депутатом Генеральных штатов от третьего сословия. Бростаре, не имевший еще в Париже достаточно связей и нуждавшийся в личном секретаре, предложил Тальену стать его помощником¹⁰². Там же Тальен завел знакомство с Юг-Бернаром Маре, тогда – революционным журналистом, а в будущем – министром Наполеона и Луи-Филиппа. Маре предложил ему работу в типографии Панкука, где публиковалась знаменитая газета *Le Moniteur universel*, первым редактором которой стал сам Маре. В конце 1790 г. Тальен записался в Якобинский клуб и стал активно участвовать в шедших там дискуссиях¹⁰³. Так начался его путь в политике.

⁹⁹ Allonville A. de. Mémoires secrets de 1770 à 1830. Т. 3. Р., 1841. Р. 309-310.

¹⁰⁰ Ibid. Р. 310.

¹⁰¹ Arnault A.V. Souvenirs d'un sexagénaire. Т. 1. Р., 1833. Р. 212.

¹⁰² Bourquin M.-H. Op. cit. Р. 26-27.

¹⁰³ Ibid. Р. 27.

§ 2. Первые шаги на политическом поприще

В период Французской революции XVIII в., говоря словам историка О. Кошена, «философия становится политикой, ложа – клубом, а философ – гражданином»¹⁰⁴. Именно такой переход – от слова к делу – произошел и в жизни Тальена¹⁰⁵. Подобно многим политикам той эпохи, он делал свои первые шаги в Революции как активист местного масштаба и журналист. Неплохое образование, склонность к общественной деятельности и ораторские способности позволили ему в начале 1791 г. открыть «Братское общество обоих полов» в своем родном квартале Марэ. Характерным отличием этого клуба от множества других ему подобных, заполнявших политический ландшафт того времени, было участие в нем не только женщин, что уже само по себе было революционным новшеством, но и подростков, о чем, в частности, сообщала влиятельная газета *Révolutions de Paris*:

«Спешим известить об учреждении нового народного клуба в секции Красных детей, который носит название “Братское общество”. Господин Тальен, президент этого общества и член Общества друзей конституции, написал нам, что все граждане, гражданки и их дети, начиная с двенадцатилетнего возраста, принимаются бесплатно в “Братское общество”, которое будет доводить до сведения народа декреты Национального собрания»¹⁰⁶.

Первое выступление Тальена в созданном им же политическом клубе было посвящено причинам Французской революции и завершалось пылким призывом к согражданам: «Жизнь и судьбу каждого из нас нужно принести в жертву родине, нашей общей матери! Давайте повторим клятву “жить свободно

¹⁰⁴ Кошен О. Малый народ и революция / Пер. с франц. О.Е. Тимошенко. М., 2004. С. 41; См. также: Дарнтон Р. Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение / (Пер. с англ. Г. Дашевского). № 37. 1990. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html>. (Дата обращения 02.03.2022); Зайцева Д.В. Публичное пространство в Париже термидорианского периода // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 1 (45) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001339-1-1/> (дата обращения: 08.01.2021); Кунов Г. Политические кофейни. Парижские силуэты времен Великой французской революции. Л., 1926; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.

¹⁰⁵ См.: Зайцева Д.В. От клерка до депутата: начало политической карьеры Ж.-Л. Тальена // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М.: ИВИ РАН. С. 52-67.

¹⁰⁶ *Révolutions de Paris*. № 79. 1791. 8-15 janvier. P. 31.

или умереть”, и пусть этот девиз будет с нами повсюду, пусть он всегда остается в нашем сознании. Будем же готовы в любой момент претворить его в жизнь. Так мы заставим наших врагов уважать нас, а народы мира восхищаться нами, чтобы они последовали нашему примеру, разорвав цепи, которые их всё еще связывают. Пусть все народы однажды станут свободными, как французы!»¹⁰⁷. И это, и последующие выступления Тальена пользовались большой популярностью, и со временем число участников его общества возросло настолько, что им пришлось искать новое место для заседаний. В марте 1791 г. клуб переместился в здание старинного монастыря Минимитов на Королевской площади¹⁰⁸.

Одновременно Тальен продолжал участвовать в работе Якобинского клуба, неоднократно внося предложения и высказывая мнения по разным вопросам. В период «Вареннского кризиса» он 25 июля 1791 г. от имени своего «Братского общества» заверил якобинцев в преданности их клубу, сообщив, что фельяны предложили его обществу вступить с ними в переписку, однако «Братское общество» твердо решило остаться верным якобинцам, считая, что «истинные друзья конституции находятся там, где есть Петионы и Робеспьеры»¹⁰⁹.

В эпоху Революции карьера многих политических деятелей зачастую была сопряжена не только с участием в работе клубов, но и с журналистской деятельностью. В этот период быстрыми темпами развивалась пресса, которая в XVIII столетии переживала существенные перемены: именно тогда стремительно возросло число издаваемых газет, рассчитанных на массового читателя. Пресса превратилась в инструмент политических дискуссий о злободневных событиях, государственных реформах или основных идеях политической философии¹¹⁰. Кроме того, на рубеже XVIII–XIX вв. периодические издания во многом представляли собой коммерческие

¹⁰⁷ Tallien J.-L. Discours sur les causes... P. 23-24.

¹⁰⁸ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 32.

¹⁰⁹ La Société des Jacobins: Recueil de documents sur l'histoire des club des Jacobins de Paris. T. 3. P., 1892. P. 52.

¹¹⁰ Шартье Р. Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения: Исторический словарь. М., 2003. С. 299.

предприятия и зачастую приносили своим владельцам неплохую прибыль¹¹¹. Тальен тоже решил вступить на это поприще. Осенью 1791 г. он собрался издавать собственную газету-афишу *L'Ami des citoyens* («Друг граждан»). Это название ему уступил его приятель, известный революционный журналист Л.-М. Фрерон, который ранее выпускал одноименное издание. Однако Тальен был крайне стеснен в средствах, и для публикации газеты ему пришлось прибегнуть к помощи якобинцев¹¹². В начале сентября 1791 г. на заседании клуба один из его членов заявил, что враги развернули против якобинцев войну, на что необходимо дать решительный ответ. Поскольку недруги прикладывают все усилия, чтобы ввести народ в заблуждение, нужно сделать все возможное для его просвещения. Для достижения этой цели предлагалось оказать материальную поддержку автору издания *L'Ami des citoyens*, а также создать редакционную коллегию в помощь издателю. Тальен поднялся на трибуну и поблагодарил Общество якобинцев за поддержку, заявив, что полученных от клуба средств ему достаточно для выпуска первых трех номеров газеты. Он также сказал, что с радостью примет учреждение редакционной коллегии. Ж. Петион ответил, что клубу не трудно покрыть расходы на издание патриотического листка, единственная цель которого – распространение хороших принципов. Что же касается редакционной коллегии, то, по словам Петиона, лучше довериться патриотизму автора, тот им всегда руководствуется¹¹³. Уже через месяц, 5 октября 1791 г. вышел первый номер газеты *L'Ami des citoyens*, в котором Тальен заявил:

«В эпоху революции все граждане должны стать солдатами. Все должны сражаться в равной мере чтобы завоевать свободу. Несмотря на то, что революция закончена, готическое здание прежней власти разрушено, создано народное представительство на незыблемых основах справедливости и равенства, принята Конституция, которая должна обеспечить счастье грядущих

¹¹¹ Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814). М., 2019. С. 16. См. также: Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016;

¹¹² Charles-Vallin T. Op. cit. P. 37.

¹¹³ La Société des Jacobins. Т. 3. P., 1892. P. 118.

поколений и подготовить падение деспотов, добрые граждане даже в это время по-прежнему должны выполнять важную задачу – распространять свет и образование, без которых невозможно сохранить свободу»¹¹⁴.

Здесь же Тальен сообщал, что в газете предполагается публиковать краткие отчеты о работе Законодательного собрания, а также новости Парижа и департаментов «с верностью и беспристрастностью». Он подчеркивал, что постарается сделать газету доступной для своих менее образованных сограждан¹¹⁵. Издание стало выходить дважды в неделю на 16 страницах.

21 октября газета *Moniteur universel* опубликовала заметку, посвященную газете Тальена, где анонсировалась стоимость подписки на нее, адреса, по которым ее можно приобрести, и перечислялись ее основные задачи¹¹⁶. Спустя два с половиной месяца в *Moniteur* снова появился небольшой анонс, автор которого в восторженном тоне отзывался о Тальене и его газете:

«Ее (газеты – Д.З.) автор Тальен, известный своим гражданским рвением и благородной защитой нескольких жертв власти, является первым, кто использовал в интересах революции старую систему религиозных учреждений применив ее к политическому просвещению народа. Он основал братское общество, в котором проводит гражданские проповеди: в дни, посвященные отдыху, он регулярно разъясняет необразованным гражданам их права и обязанности. Впоследствии он использовал новый способ просвещения людей, начав публиковать еженедельную газету <...>.

Газета, которую Тальен на протяжении пяти месяцев публикует в Париже, способствует поддержанию общественного спокойствия. Его цель – довести до сведения людей законы и внушить к ним уважение.

Нам она кажется решающей ещё одну задачу, смело выполняемую редактором: пролить свет на причины народных волнений, предотвращая подстрекательские движения, всегда пагубные для счастья людей и интересов

¹¹⁴ L'Ami des citoyens № 1. 1791. 5 octobre. P. 1.

¹¹⁵ Ibid. P. 2-3.

¹¹⁶ Moniteur . 1791. 21 octobre. P. 1.

свободы; для того, чтобы побудить граждан к полезному и справедливому наблюдению за действиями властей и происками врагов.

Несколько административных и муниципальных органов уже подписались на эту газету, которую они публикуют общими усилиями, и мы должны заметить, что такая независимая цензура со стороны официальных властей в отношении публикуемых ими газет гарантирует, что те не будут использованы для введения людей в заблуждение. Мы добавим, что их причастность к этому изданию, уже известному чистотой своих принципов, также полезна для предотвращения дурного влияния, которое производит ничем не ограниченная публикация других газет-афиш, исполненных преувеличенного рвения или же преступных намерений, замаскированных под патриотизм <...>.

Достаточно прочесть № 23 *L'Ami des citoyens*, касающийся уплаты взносов, и вы будете поражены простотой, мудростью и уверенностью, которые там царят...»¹¹⁷.

В ходе муниципальных выборов осенью 1791 г. Тальен включился в полемику относительно кандидатур на пост мэра Парижа, раскритиковав в своей газете генерала Лафайета: «Если бы для того, чтобы быть мэром Парижа, было достаточно обладать любезностью, умением общаться с людьми и при необходимости льстить им, мы полагаем, что Лафайет прекрасно подошел бы на эту должность. Но здесь нужен человек, сведущий в управлении, человек, привыкший работать, и мы считаем, что Лафайет далек от этих качеств. Против него говорит и тот факт, что он родился дворянином и связан с семейством де Ноайль, которое пользуется большой благосклонностью двора»¹¹⁸.

Из выдвинутых на пост мэра кандидатур Тальен поддержал Петиона:

«Петион всегда проявлял себя как патриот, ревностный защитник прав народа, не запятнавший себя интригами или заговорами. К тому же он отличается порядочностью и нравственностью; он хороший сын, супруг и отец,

¹¹⁷ Moniteur. 1792. 7 janvier. P. 4.

¹¹⁸ L'Ami des citoyens № 12. 1791. 12 novembre. P. 6-7.

верный друг и добрый гражданин. Я отдаю ему свой голос»¹¹⁹.

Тогда же Тальен высказался в поддержку П.-Л. Рёдерера, претендовавшего на должность прокурора-синдика парижского департамента, и охарактеризовал его как человека, которому присущи «настоящий патриотизм, строгий нрав, большая любовь к работе, желание творить добро, великие познания в управлении»¹²⁰.

Наличие у Тальена своей газеты повысило его политический вес в среде якобинцев. Его выступления перед ними становятся всё более пространными и решительными. Вместе с тем, в них можно заметить и такую характерную для этого молодого активиста черту, как отсутствие пиетета перед любыми авторитетами, в том числе и признанными лидерами Якобинского клуба. Это ярко проявилось весной 1792 г. в дискуссии об отношении к солдатам полка Шатовьё, ранее поднявшим мятеж в г. Нанси. После подавления бунта некоторые из его участников были казнены, другие приговорены к каторжным работам. Участь последних и обсуждалась в Клубе с большим оживлением: якобинцы зачитывали письма граждан, ратующих за бывших солдат, объявляли о собранных в пользу тех пожертвованиях и устраивали бурные дискуссии. Когда бунтовщики были наконец амнистированы, в Париже начались приготовления к торжественной их встрече. 6 апреля Колло д'Эрбуа обеспокоился задержками в подготовке праздника и потребовал устроить его в ближайший же понедельник. Тальен возразил, что невозможно завершить к этому дню необходимые приготовления, способные придать празднику должную торжественность. Он также подчеркнул, что мероприятие следует рассматривать не как восхваление собственно солдат полка Шатовьё, но как праздник всего народа, как триумф свободы над деспотизмом – праздник, в котором чествование солдат станет только одним из эпизодов, хотя, несомненно, и очень важным, поскольку именно их освобождение служит поводом для торжества. Тальен не видел проблемы в проведении мероприятия

¹¹⁹ Ibid. P. 10.

¹²⁰ Ibid. P. 9.

восемью днями позже, заметив, что из-за его переноса «мы не сделаемся меньшими патриотами». Колло д'Эрбуа не стал с ним спорить, а, напротив, воздал должное его патриотизму и предложил компромисс: провести праздник тогда, когда будет удобно, но пусть солдаты полка Шатовьё придут в Национальное собрание в ближайший понедельник. Присутствующие встретили это компромиссное предложение аплодисментами. Однако «излишняя» самостоятельность Тальена, настоявшего на своем и убедившего якобинцев прислушаться к его мнению, похоже, не понравилась их признанному лидеру Робеспьеру, который решил оставить последнее слово за собой: «Несомненно, солдаты Шатовьё должны прийти в понедельник, и этот понедельник станет днем празднования. Люди должны делать все, чтобы выразить свою радость, несмотря на то, готовы ли украшения или нет»¹²¹. Как видим, мнения Тальена и Робеспьера, пусть и по частному вопросу, решительно разошлись – в первый, но далеко не в последний раз. Когда оба предложения были вынесены на голосование, верх одержал Робеспьер: якобинцы решили провести праздник в ближайший понедельник, 9 апреля и назначили для этого комиссаров, одним из которых, возможно в качестве компенсации, сделали Тальена¹²². Ему же доверили и рассылку приглашений на торжество¹²³.

18 апреля 1792 г. в Якобинском клубе обсуждали предложение вынести из парижской Ратуши бюст Лафайета, который был поднесен городу в дар от штата Вирджиния и установлен в сентябре 1786 г.¹²⁴ На этом же заседании присутствовали двое граждан, которые пожаловались на то, что накануне с ними грубо обошлись некие лица в форме национальных гвардейцев. Конфликт произошел из-за того, что эти граждане «свободно» (то есть, вероятно, не слишком почтительно) высказали свое мнение о «герое на белом коне», как называли Лафайета, главнокомандующего национальной гвардией. Председатель отметил, что свидетелем этой сцены был прокурор-синдик

¹²¹ La Societe des Jacobins: recueil de documents... Т. 3. P. 463-464.

¹²² Ibid. P. 467.

¹²³ Ibid. P. 471.

¹²⁴ Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991. С. 113.

парижского муниципалитета П.-Л. Манюэль. Якобинец Добиньи предложил отправить двух комиссаров к Манюэлю, который, по его словам, «не проявил достаточной твердости в поддержке этих граждан». Однако председатель не поддержал инициативу Добиньи и объявил заседание закрытым. Это возмутило Тальена, который заявил: «Вообще очень удивительно, что заседание завершается в тот момент, когда свобода подвергается нападению. Если вы оставите это действие безнаказанным, завтра же совершится новое». Коллеги, посчитав подобное замечание справедливым, тут же назначили двух комиссаров – самого Тальена и Добиньи¹²⁵.

Следует отметить, что Тальен нередко выступал в Клубе с предложениями или замечаниями по текущей работе Клуба. Например, после нескольких незначительных инцидентов в зале заседаний он предложил, чтобы туда допускались только те граждане, которые уплатили членские взносы¹²⁶.

18 мая 1792 г. на заседании Клуба обсуждалось самоуправство мировых судей. Добиньи, изобличая их произвол, рассказал, что накануне вечером национальные жандармы, по приказу мирового судьи округа, задержали и увезли в фиакре некую даму. Супруг, не захотевший ее покидать, сел туда же, после чего их доставили к мировому судье Бюобу (Buob), который, заявил Добиньи, гораздо больше подходит для службы в полиции Константинополя, нежели Парижа. Бюоб вызвал к себе одну лишь женщину, тогда как ее супруг предпринимал тщетные попытки пойти с ней. Наконец, несмотря на его решительные протесты, женщину силой увели в центральное бюро полиции, а оттуда увезли в неизвестном направлении. Всё, что она могла сделать, чтобы оповестить супруга о своем положении, это бросить ему записку из окошка фиакра, в котором ее увозили. В то время молва широко обсуждала существование некоего тайного «Австрийского комитета», агенты которого якобы стремились проникнуть в судебные органы для того, чтобы всячески вредить национальной гвардии и жителям Парижа. Якобинец Люлье вслед за

¹²⁵ La Societe des Jacobins: recueil de documents... Т. 3. P. 511-512.

¹²⁶ Ibid. P. 575.

рассказом Добины посетовал на повсеместное засилье австрийцев, заметив, что судья, арестовавший женщину – австриец, причем, это не единственный инцидент с судьей-австрийцем за последнее время. Итог обсуждению подвел Тальен, подчеркнувший, что необходимо содействовать намерению муниципалитета провести реформу полиции, для чего нужно подготовить петицию в Национальное собрание по этому вопросу. Кроме того, заявил он, «г-н Бюоб, этот преступный мировой судья, покровительствует Австрийскому комитету. Поэтому я требую, чтобы была подготовлена петиция, которая разоблачит все злодеяния полиции и которая позволит добиться наказания для Бюоба». Предложения, внесенные Тальеном, были немедленно приняты¹²⁷.

8 июля 1792 г. Тальен впервые выступил в стенах Законодательного собрания. Он пришел туда с делегацией от секции Королевской площади, чтобы выразить протест против отрешения от должности мэра Парижа Петиона и прокурора Парижской коммуны Манюэля. Накануне, 20 июня 1792 г., в годовщину Клятвы в зале для игры в мяч, парижские секции организовали шествие, в ходе которого толпа вторглась в Тюильри и захватила Людовика XVI, подвергнув его унижениям в течение нескольких часов. События того дня еще сильнее раскололи общество и обострили политические противоречия. Администрация департамента, в который входил Париж, обвинила Петиона и Манюэля в преступном бездействии и отстранила их от должности. Выступая в их защиту от имени своей секции, Тальен сказал:

«Париж испытывает боль; мы пришли от имени большинства горожан искать у вас утешения и просить справедливости. Петион отстранен от должности контрреволюционной властью. Петиону, нашему отцу, нашему другу предъявлено обвинение – и за что?! За то, что он не стал проливать кровь в день 20 июня. За то, что не вооружил граждан против граждан. За то, что не превратил годовщину одной из самых памятных вех нашей революции в день траура. <...> Мы торжественно заявляем, что мэр, прокурор Коммуны и

¹²⁷ Ibid. P. 591.

муниципальный корпус пользуются нашим полным доверием и, не побоимся сказать, доверием всех добрых граждан столицы. Преследования, которым они подвергаются в данный момент, делают их еще более дорогими для нас; каждый из нас взял на себя обязательство быть защитником своих должностных лиц от угнетения и разоблачителем их преследователей. <...> Мы также заявляем, что директория департамента Парижа утратила наше доверие, и просим вас <...> как можно скорее отменить временное отстранение от должности мэра и прокурора Коммуны»¹²⁸.

Речь Тальена была встречена аплодисментами, а его обращение направлено в Комиссию двенадцати, учрежденную 6 марта 1792 г. с целью представлять Собранию «все меры, относящиеся к восстановлению и поддержанию общественного спокойствия»¹²⁹. 13 июля, после очередной дискуссии в Законодательном собрании, Петион был восстановлен в должности мэра¹³⁰.

§ 3. Член повстанческой Коммуны Парижа 1792 г.

Новый виток активности Тальена связан с его деятельностью на посту секретаря повстанческой Коммуны Парижа, которая в августе 1792 г. сыграла решающую роль в событиях, приведших к падению во Франции монархии.

Ко второй половине лета 1792 г. Австрия и Пруссия, с которыми Франция еще в апреле того же года вступила в войну, закончили сосредоточение своих сил у французских границ и приготовились к наступлению. Во главе армии коалиции стоял авторитетный военачальник герцог Брауншвейгский. Накануне наступления, 25 июля, он выпустил манифест с обращением к парижанам, в котором объявил, что «город Париж и все его жители без каких-либо различий должны сразу же и без всякого промедления подчиниться королю». Если же дворец Тюильри подвергнется захвату или какому-либо посягательству, «если даже малейшее оскорбление будет нанесено королю, королеве или королевской

¹²⁸ Moniteur. 1792. 9 juillet. P. 4.

¹²⁹ Mitchell C.J. The French Legislative Assembly of 1791. Leiden, 1988. P. 167.

¹³⁰ Moniteur. 1792. 17 juillet. P. 3.

семье, если тотчас же не будет сделано ничего для обеспечения их безопасности, сохранности и свободы», то герцог Брауншвейгский угрожал произвести «образцовое, способное запомниться навсегда возмездие», предав Париж полному разрушению, учинив его жителям расправу и подвергнув заслуженному наказанию виновных в преступлениях мятежников»¹³¹. В Париже об этом манифесте стало известно 3 августа. В тот же день радикально настроенные активисты из парижских секций решили осуществить низложение короля. В ночь на 10 августа они собрались в городской Ратуше, отстранили от власти законный муниципалитет, который, впрочем, и сам с готовностью уступил им свои полномочия, а вместо него создали повстанческую Коммуну. В полночь был подан сигнал к началу восстания. Ранним утром повстанцы двинулись на штурм королевского дворца Тюильри, однако получили отпор от его гарнизона. Депутаты Законодательного собрания предложили Людовику XVI, который с семьей пришел искать у них защиты, отдать приказ гарнизону сложить оружие. Людовик приказал защитникам Тюильри сдаться. Толпа ворвалась во дворец и жестоко расправилась со всеми, кто там находился. После этого Коммуна принудила Собрание объявить об отстранении монарха от власти и принять закон о выборах в Национальный Конвент.

После низложения Людовика XVI в Париже установилось двоевластие Законодательного собрания и самозванной Коммуны, опиравшейся на вооруженную силу парижских секций и пытавшейся указывать Собранию, что оно должно делать¹³². Тальен стал активным участником этого противостояния двух центров революционной власти.

К сожалению, мы не располагаем документами самой Коммуны, погибшими во время пожара 1871 г. По словам историка Ф. Брэша, который провел колоссальную работу по поиску уцелевших фрагментов печатных и рукописных протоколов повстанческой Коммуны 1792 г.¹³³ и на их основе

¹³¹ Déclaration que S.A.S. le Duc régnant de Brunswick-Lunebourg, commandant les armées combinées de LLMM L'Empereur et le roi de Prusse, adressée aux habitants de la France. 1792. P. 5.

¹³² Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. С. 130-132.

¹³³ Braesch F. La Commune du 10 août 1792. Procès-verbal de l'assemblée générale de la section des Postes (4

написал фундаментальный труд, Тальен, наряду с Бийо-Варенном, Трюшоном, Парисом и некоторыми другими, уже 10 августа принял на себя обязанности секретаря Коммуны, а начиная со следующего дня, 11 августа, стал фактически единственным секретарем, который подписывался как «главный секретарь» (*secrétaire-greffier*), в то время как остальные так и остались рядовыми секретарями (*secrétaires*)¹³⁴.

В сентябре Тальен был избран депутатом Конвента, однако до начала заседаний этого нового органа продолжал исполнять обязанности секретаря Коммуны. Более того, в течение нескольких дней после 9 сентября он в отсутствие Манюэля брал на себя обязанности прокурора Коммуны. По свидетельству Брэша, последние документы за подписью Тальена в должности секретаря Коммуны датируются 21 сентября 1792 г. – временем начала работы Конвента¹³⁵

Хотя Тальен исполнял обязанности секретаря Коммуны менее полутора месяцев, за этот небольшой промежуток времени он успел громко заявить о себе, не раз выступая от имени муниципалитета в Законодательном собрании. Так, 27 августа он заявил с трибуны Собрания, что по имеющимся у него сведениям один из депутатов прежней Коммуны и несколько его коллег намеревались получить паспорта, чтобы покинуть Париж и отправиться в департаменты, «оскверненные аристократией». Также он добавил, что несколько секций постоянно слали ему сообщения о том, что некоторые депутаты хотят получить паспорта под вымышленными именами. Узнав об этом, Тальен велел канцелярии Коммуны не выдавать депутатам никаких паспортов вообще. После этого заявления Собрание выразило Тальену уважение и одобрило его действия¹³⁶.

Следующий визит Тальена в Собрание состоялся 31 августа, когда он вместе с Петионом от имени Генерального совета Коммуны объяснил мотивы

décembre 1790-5 septembre 1792) [compte-rendu] // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. P., 1912. P. 52.

¹³⁴ Braesch F. La commune du dix août 1792. Genève, 1978. P. 304.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Moniteur. 1792. 22 août. P. 4.

поведения Коммуны 10 августа после жалобы на нее от умеренной секции Ломбардцев. Тальен, в частности, заявил следующее:

«Законодатели! Временные представители Парижской коммуны были оклеветаны, их осудили, так и не заслушав: они пришли просить у вас справедливости. Призванные народом в ночь с 9 на 10, чтобы спасти отечество, они должны были сделать то, что сделали. Народ не ограничивал их полномочия; он сказал им: "Идите, действуйте от моего имени, и я одобрю всё, что вы сделаете". <...> Вы подняты нами на вершину как представители свободного народа. Именно вы дали нам почетный титул представителей Коммуны и захотели напрямую пообщаться с нами. Народ одобрил все, что мы сделали. Это не горстка мятежников, как некоторые хотели бы верить, это – миллион граждан. Спросите их о нас и повсюду вам скажут: "Они спасли отечество!" <...> Секция Ломбардцев пришла протестовать против наших действий, но мнение одной единственной секции не отменяет желания большинства других секций Парижа. Вчера граждане на наших трибунах все еще признавали нас своими представителями; они поклялись, что сохранят свое доверие к нам. Если вы нанесете удар по нам, вы нанесете удар и по тем людям, которые совершили революцию 14 июля, которые закрепили ее 10 августа и которые будут ее отстаивать. <...> Вы нас услышали, выскажите свое мнение, мы здесь. Люди 10 августа хотят лишь справедливости и подчиняются только воле народа»¹³⁷.

Эта речь Тальена произвела впечатление на слушателей и даже была ненадолго прервана аплодисментами. Однако президент Лакруа заявил, что образование временной Парижской коммуны противоречит существующим законам. Она является следствием чрезвычайного кризиса и острой необходимости, но теперь, когда эти опасные обстоятельства позади, вместе с ними должны прекратить свое существование и временные власти. «Вы хотите, господа, обесчестить нашу прекрасную революцию?» – обратился к

¹³⁷ Moniteur. 1792. 2 septembre. P. 3-4.

представителям Коммуны Лакруа. Ответа со стороны Петиона и Тальена не последовало, однако к барьеру вышли три гражданина, один из которых заявил, что они «пришли от имени народа, который ждет у дверей, чтобы увидеть представителей Коммуны, находящихся здесь. Мы умрем, если нужно, вместе с ними». Несколько членов Собрания заметили, что никакой опасности представителям не угрожает, а президент заявил, что Собрание «просит вас передать своим согражданам, что оно в равной степени будет поддерживать как свободу народа, так и должное уважение к органам власти». На этом дискуссия закончилась, и депутаты занялись обсуждением других вопросов¹³⁸.

2 сентября Тальен как представитель Коммуны был направлен в парижские тюрьмы, где разворачивались события, получившие название «сентябрьские убийства». Ему было поручено представить Коммуне отчет о происходящем. Этот злополучный эпизод со временем оброс мифами и имел печальные последствия для репутации и карьеры Тальена, во многом потому, что сам он позднее попытался оправдать сентябрьскую резню¹³⁹, стремясь сохранить свой авторитет в глазах монтаньяров¹⁴⁰.

Сентябрьские убийства 1792 г. – один из наиболее известных, но до сих пор активно дискутируемых эпизодов истории массовых движений периода Французской революции XVIII в. Со 2 по 4 сентября в Париже разъяренные толпы врвались в тюрьмы и чинили кровавую расправу над заключенными. Позже аналогичные события произошли в Версале, Реймсе, Лионе и ряде других городов¹⁴¹. Говоря об общем числе жертв, убитых в тюрьмах, некоторые современники определяли его в 8 тыс. (выступление Ланжюине в Конвенте 8 февраля 1793 г.). Историки называют более скромные цифры: так, М. Терно

¹³⁸ Ibid. P. 4.

¹³⁹ Tallien J.-L. La vérité sur les événements du 2 septembre. P., s.d.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Зайцева Д. В. Сентябрьские убийства 1792 года в политической карьере Ж.-Л. Тальена // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 97-108.

¹⁴¹ См.: Ozouf M. Massacres de septembre : qui est responsable ? / L'Histoire. №342, mai 2009, p. 52-55; Simien C. Les massacres de septembre 1792 à Lyon. Lyon, 2011; Idem. Rumeurs et Révolution : la saison des massacres de septembre 1792 / Annales historiques de la Révolution française. №402, octobre-décembre 2020, p. 3-31;

насчитал в Париже 1368 погибших¹⁴².

До сих пор остается открытым вопрос о виновниках произошедшего. По словам Ж. Вальтера «все представители публичной власти, коллективно или индивидуально, были виновны, но виновны только в том, что побоялись, что доказали своим поведением, трусливым и эгоистичным, слабость их собственных революционных институтов, которые они преподносили как оплот нового социального порядка»¹⁴³. Нет однозначного ответа и на вопрос, являлись ли эти убийства запланированной и тщательно организованной акцией, или же были вызваны исключительно паникой и ужасом, овладевшими толпой «при звуках набата и выстрелах вестовой пушки, – когда народ вдруг вообразил, что ему угрожает опасность со стороны могущих освободиться аристократов»¹⁴⁴, и впал в состояние психоза, когда «одного жеста, одного возгласа было достаточно, чтобы подать сигнал к линчеванию»¹⁴⁵. П. Карон, посвятивший сентябрьским убийствам фундаментальное исследование, отмечал, что состояние источников не позволяет утверждать, что убийства были «организованы административно»¹⁴⁶. А вот Ф. Блюш, также специально изучавший данный сюжет, считает, что, если нехватка источников и не дает оснований говорить об организации властями этих убийств, то все же отнюдь не исключает возможности того, что резня тем не менее была организована революционными активистами¹⁴⁷. Напротив, по мнению М.-Г. Буркен, утверждение о том, что убийства были тщательно подготовлены, согласованы и оплачены представляется невозможным по целому ряду причин, что, впрочем, не опровергает того факта, что им способствовали призывы Ж.-П. Марата к истреблению врагов Революции и бездействие, то есть фактически пассивное соучастие, министра юстиции Ж. Дантона¹⁴⁸.

¹⁴² *Ternaux M.* Histoire de la Terreur. Т. 3. Р., 1863. Р. 548. С этими цифрами согласен и А. Лакап, см.: *Lacap H.* NoticesurTallien. Bordeaux, 1959. Р. 26.

¹⁴³ Цит. по: *Lacap H.* Op. cit. Р. 33.

¹⁴⁴ *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. М., 1998. С. 11.

¹⁴⁵ *Ozouf M.* Massacres de septembre: qui est responsable? // *L'Histoire*. 2009. № 342, mai. Р. 52.

¹⁴⁶ *Caron P.* Les massacres de septembres. Р., 1935. Р. 357.

¹⁴⁷ *Bluche F.* Septembre 1792: Logiques d'un massacre. Р., 1986. Р. 131.

¹⁴⁸ *Bourquin M.-H.* Op. cit. Р. 108.

Не прекращаются споры и о том, кто из политических деятелей и в какой степени был замешан в этих событиях. Два года спустя обвиняемым в причастности к убийствам оказался и Ж.-Л. Тальен, ставший к тому времени одним из лидеров термидорианского Конвента. В 1794–1795 гг., когда содействие сентябрьской резне перестало считаться доблестью, политические противники Тальена начали активно выдвигать против него такое обвинение. Попробуем проанализировать, в чем именно обличали они Тальена и какие предпосылки для этого существовали, а также какую именно роль сентябрьские события 1792 г. сыграли в его политической карьере.

Когда 2 сентября 1792 г. развернулась резня в тюрьмах, Тальен по-прежнему занимал пост секретаря повстанческой Коммуны Парижа. С началом массовых убийств, Совет коммуны, поняв, что ситуация выходит из-под контроля, создал антикризисный комитет. Тот, в свою очередь, поручил Тальену и Трюшону организовать ночное дежурство в Ратуше¹⁴⁹.

В ночь со 2 на 3 сентября в Законодательное собрание, затребовавшее у Коммуны отчета о ситуации, прибыли члены таковой Тальен, Трюшон и Гиро. Трюшон сообщил, что «в настоящий момент большая часть тюрем пуста; убиты около 400 заключенных»¹⁵⁰. Тальен добавил, что в Аббатстве, где, в частности, перебили и задержанных за изготовление фальшивых ассигнатов, спаслось всего 11 человек¹⁵¹. По его словам, хотя комиссары и «сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать бесчинствам», они так и не сумели остановить «зверскую месть народа»¹⁵².

Что именно делал Тальен, исполняя свою миссию? Действительно ли он пытался «воспрепятствовать бесчинствам» или же, напротив, поощрял их? На сей счет современниками и историками высказывались разные мнения.

По словам мадам де Сталь, Тальен вместе с другими представителями

¹⁴⁹ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 52.

¹⁵⁰ Buchez Ph. J. B., Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution française ou Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 17. P., 1835, P. 353.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² Extrait de la collection generale des decrets rendus par l'assemblee legislative du 1er septembre 1792 au 20 du meme mois. T 2. P., s.d. P. 607.

Коммуны спас нескольких человек, в том числе и ее саму: «На следующий день Тальен <...> пришел ко мне по поручению Коммуны, чтобы сопроводить меня до ворот. Ежеминутно мы узнавали о новых убийствах. Несколько человек, подвергавшихся опасности, находились в тот момент в моей комнате. Я молила Тальена не упоминать о них; он дал обещание и сдержал свое слово»¹⁵³.

Ссылаясь на доклад Трюшона, сопровождавшего Тальена в его миссии, историк А. Лакап пишет, что они взяли под свое покровительство мадемуазель Турзель и мадам де Сен-Брис¹⁵⁴. Согласно воспоминаниям Франсуа Гуэ, камердинера Людовика XVI, опубликованным в 1903 г. его правнуком, бароном де Марикуром, Тальен в те дни спас и Гуэ тоже. По словам камердинера, «Безнадежное положение, в котором я оказался, совершенно подкосило мое здоровье. Ещё несколько дней, и я бы погиб, когда консьерж сказал мне, что Тальен вместо того, чтобы с участием отнестись к моей судьбе, ещё сильнее затянет мои путы. Подстрекательская газета, которую он издавал под названием "Друг граждан", не предвещала мне встречи со снисходительным заступником. Но каково же было мое удивление! Вместо свирепой внешности, которую рисовало мое воображение, я увидел человека с приветливым лицом и манерами, в которых не было ничего иного кроме утешения. Первые же его слова вызвали мое доверие. Я рассказал ему о выдуманных причинах моего ареста, о его продолжительности, об ухудшении своего здоровья и, наконец, об опасностях, которым я ежедневно подвергался в заключении. Должен сказать, Тальен был глубоко тронут моим положением»¹⁵⁵.

Косвенно, все эти свидетельства подтверждаются словами самого Тальена, который, говоря о сентябрьских убийствах той же осенью 1792 г. (когда участие в них еще не считалось преступлением!), заметил, что горестные события тех дней ему скрасило счастье, испытанное им при возвращении «безутешным

¹⁵³ *Staël A.L.G. Considérations sur la révolution française // Staël A.L.G. Ouvrage posthume / Publié en 1818 par M. le duc de Broglie et M. le baron de Staël. T. 1. P., 1862. P. 400-401.*

¹⁵⁴ *Lacap H. Op. cit. P. 34.*

¹⁵⁵ *Souvenirs du Baron Hüe / publiés par le baron de Maricourt. P., 1903. P. 125-126.*

семьям отцов, супругов, детей», спасенных «от народной мести»¹⁵⁶.

Историки же к Тальену не столь благосклонны. В биографии его супруги Терезы Кабаррюс, написанной в 1936 г. принцессой Шиме, утверждается, что прокурор Коммуны «Манюэль <...> отправил Тальена вознаградить и подстегнуть убийц»¹⁵⁷. Правда, исследовательница М.-Э. Буркен приводит свидетельство А.-Г. Журдана, председателя секции Четырех Наций (там находилась тюрьма Аббатства, где происходили убийства), отрицающее непосредственное отношение Тальена к денежному вознаграждению убийц¹⁵⁸.

А. Лакап тоже упоминает о том, что Тальену вменяли в вину подписание приказов о денежном вознаграждении убийц, инициированном Бийо-Варенном¹⁵⁹, правда, сам же и это утверждение и опровергает, отмечая, что указанные выплаты были, по-видимому, вознаграждением не за убийства, а за выполненные затем погребальные работы¹⁶⁰.

Ф. Блюш выдвигает предположение, что в ночь на 3 сентября Тальен представил Законодательному собранию ложный отчет, а сам, в сущности, был активным и сознательным соучастником убийц, однако никакого подтверждения этой версии не дает¹⁶¹.

Возможно, поводом для обвинений Тальена послужила фраза, прозвучавшая из его уст за несколько дней до начала сентябрьской резни. 28 августа, выступая в Собрании, Дантон призвал к народной войне и предложил собрать и отправить к границам всех граждан, способных носить оружие. Для вооружения граждан было предложено разрешить муниципалитетам задерживать подозрительных и изымать оружие у них. Собрание приняло предложенные Дантоном меры, и уже в ночь на 30 августа были проведены обыски и аресты в домах «подозрительных». 31 августа Тальен так высказался о проходящих обысках: «Оружие, конфискованное у подозрительных, мы

¹⁵⁶ *Buchez Ph. J. B., Roux P.* Op. cit. T. 20. P., 1835. P. 159-163.

¹⁵⁷ *Bourquin M.-H.* Op. cit. P. 108.

¹⁵⁸ Ibid.

¹⁵⁹ *Lacap H.* Op. cit. P. 25.

¹⁶⁰ Ibid. P. 33.

¹⁶¹ *Bluche F.* Op. cit. P. 167.

принесем вам, чтобы вложить его в руки защитников Отечества. Мы арестовали неprisягнувших священников; через несколько дней земля Отечества будет очищена от них»¹⁶². Впрочем, подобное заявление носило достаточно абстрактный характер и не выходило за рамки обычных для революционного дискурса риторических угроз. Прямого же доказательства причастности Тальена к организации сентябрьской резни никому из историков найти так и не удалось.

Тем не менее, его присутствие в составе комиссии по тюрьмам, а также некоторые последующие высказывания относительно сентябрьских событий дали повод политическим противникам обвинить его позднее в причастности к убийствам.

Первое время после сентябрьских убийств монтаньяры отнюдь не считали их преступлением, а, напротив, рассматривали скорее как благо. На заседании Якобинского клуба 5 ноября 1792 г. Колло д'Эрбуа выступил с речью, встреченной громкими аплодисментами: «День 2 сентября является великим знаменем нашей свободы. Мы горюем о некоторых последствиях, которые он произвел, но без этого дня революция никогда не свершилась бы. Не было бы свободы, не было бы Конвента»¹⁶³. Ему вторил Барер: «Этот день, о котором не следовало бы больше говорить, чтобы не порицать революцию, сохранился в памяти обычного человека как преступление, поскольку был нарушен закон; но в глазах государственного деятеля он повлек за собой два важных следствия: устранил заговорщиков, которых, казалось, был не в состоянии поразить меч правосудия, и разрушил все губительные замыслы, порожденные гидрой фельянизма, роялизма и аристократии, которая подняла свою безобразную голову за крепостными стенами Вердена и Лонгви»¹⁶⁴. Вместе с тем Барер вслед за Колло д'Эрбуа повторил: «Мы оплакиваем несчастья 2 сентября»¹⁶⁵.

Вскоре после убийств Тальен выпустил памфлет «Правда о событиях 2

¹⁶² *Bourquin M.-H.* Op. cit. P. 101.

¹⁶³ *Moniteur.* 1792. 14 novembre. P. 463.

¹⁶⁴ *Ibid.*

¹⁶⁵ *Ibid.* P. 464

сентября»¹⁶⁶ в ответ на осуждение происшедшего, высказанное Ж.-П. Бриссо¹⁶⁷. Эта брошюра была написана предположительно в конце октября – начале ноября 1792 г.¹⁶⁸ Необходимость ее публикации новоиспеченный член Конвента объяснял тем, что в Париже распространилась клевета о сентябрьских событиях, и депутаты из департаментов исполнились в этой связи предубеждениями, которые необходимо развеять. Тальен также рассказал о своей роли в тех событиях и попытался дать свое объяснение их причин¹⁶⁹. Он подчеркнул, что оказался причастен к этим событиям лишь потому, что стремился спасти людей, которые находились в тюрьме, не будучи осуждены по закону.

Что касается причин массовой резни, то главной среди них, по словам Тальена, стал заговор в тюрьмах, где якобы получило широкое распространение печатанье фальшивых ассигнатов. Предполагалось, что на эти деньги будут подкуплены «негодяи», которые освободят и вооружат заключенных. Еще одну причину он видел в медлительности судов, из-за чего задержанные ожидали окончательного приговора по 2–3 года. Также весомым поводом к началу бойни стала распространившаяся новость о том, что Верден взят армией герцога Брауншвейгского. Парижская коммуна призвала народ к оружию, но горожане всерьез опасались, что их семьи в отсутствие мужчин могут пострадать от «злодеев», которые заключены в тюрьмах и вот-вот вырвутся на волю. Поэтому, решив, что, прежде чем сражаться с внешним врагом, нужно уничтожить врага внутреннего, жители столицы устремились в тюрьмы.

В завершение памфлета Тальен, признавая чудовищность произошедшего, отмечает, что на действия, «которые в спокойное время должны были бы быть наказаны по всей суровости закона, во времена революции и потрясений нужно набросить вуаль забвения, и оставить истории хлопоты по увековечению и оценке революционной эпохи, которая была гораздо более полезной, чем нам

¹⁶⁶ *Buchez Ph. J. B., Roux P.* Op. cit. T. 20. P. 159-163.

¹⁶⁷ *Bourquin M.-H.* Op. cit. P. 108.

¹⁶⁸ *Ibid.*

¹⁶⁹ *Buchez Ph. J. B., Roux P.* Op. cit. T. 20. P. 159-163.

кажется»¹⁷⁰.

Как видим, в своем памфлете Тальен, хотя и выразил сожаление о происшедшем, не осудил сентябрьские убийства, а скорее оправдал их. Такая точка зрения вполне согласовывалась с настроениями, господствовавшими среди монтаньяров, признававших массовую резню в тюрьмах хоть и трагическим, но полезным событием. Тальен, изложив публично свои взгляды, с одной стороны отмежевался от участников резни – сам-то он, мол, оказался там исключительно для того, чтобы спасти жизни заключенных, с другой – оправдывал этих убийц.

Ф. Блюш, тщательно проанализировав этот текст, заключил, что Тальен приводит противоречивые сведения. Так, упомянув о заговоре, якобы существовавшем в тюрьмах, Тальен затем пишет, что «все заговорщики» были заключены в Аббатстве. Однако идея заговора, якобы составленного по сговору между собой заключенными нескольких тюрем, выглядит парадоксальной¹⁷¹. Историк объясняет противоречия этого текста предположением, что Тальен дескать принял участие, прямое или косвенное, в уничтожении заключенных, потому, мол, путается в показаниях¹⁷². Но, как уже отмечалось, в подтверждение этой гипотезы никаких фактов Ф. Блюшем не приводится.

Оправдание Тальеном «сентябристов» необходимо рассматривать в политическом контексте того времени. Сразу после начала работы Конвента в нем развернулась ожесточенная борьба между двумя политическими группировками, составлявшими меньшинство в составе депутатского корпуса, но претендовавшими на то, чтобы вести его за собой, а именно – между жирондистами и монтаньярами. Первые, в основном представители провинциальных элит, требовали привлечения к ответственности виновников сентябрьской бойни в Париже, к каковым причисляли деятелей Коммуны, часть которых, будучи избрана в Конвент, составила ядро группировки монтаньяров, а

¹⁷⁰ Ibid. P. 163.

¹⁷¹ *Bluche F.* Op. cit. P. 165.

¹⁷² Ibid. P. 167.

другая часть, оставшаяся в Ратуше, оказывала своим бывшим коллегам поддержку извне¹⁷³. Иными словами, обвиняя «сентябристов», жирондисты на деле метили в «партию» монтаньяров, к которой принадлежал и Тальен. Поэтому, чтобы защитить ее и лишить оппонентов столь сильного оружия, Тальену не оставалось ничего другого, как оправдывать убийц.

Тема причастности Тальена к сентябрьской резне всплыла двумя годами позже, после переворота 9 термидора. Свержение Робеспьера резко изменило политическую ситуацию в стране: жившая до того в постоянном страхе Франция начала выходить из Террора. Новое правительство постепенно демонтировало институты, осуществлявшие ранее политику репрессий. Хотя остававшиеся в Конвенте монтаньяры всячески стремились отмежеваться от «террористического помешательства» Робеспьера, им пришлось защищаться от нападков термидорианцев, одним из лидеров которых был Тальен. А поскольку лучшая защита – нападение, последние из монтаньяров в ответ атаковали самого Тальена, обвинив в том, что и он был террористом: «в особенности его осуждали за ту роль, которую он предположительно сыграл в убийствах»¹⁷⁴.

7 ноября (17 брюмера III года Республики) во время выступления Камбона, отчитывавшегося о своих финансовых действиях во время кризиса, Тальен попытался его прервать, на что получил жесткую отповедь: «Я обвиняю тебя, кровожадное чудовище <...> Мое поведение опровергнет все слухи, я не отрекаюсь ни от одного из своих мнений; я обвиняю тебя в том, что ты, по меньшей мере своими воззрениями, запятнал себя теми убийствами, что произошли в парижских тюрьмах <...> я обвиняю тебя в том, что ты покровительствовал разбою»¹⁷⁵. Тальен не нашелся что ответить на это обвинение¹⁷⁶.

В январе 1795 г. во время дискуссии об упразднении смертной казни, которую Тальен предлагал сохранить для опасных преступников, кто-то из зала

¹⁷³ См.: Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Указ. Соч. С. 142–143, 145–146.

¹⁷⁴ Caron P. Op. cit. P. 207.

¹⁷⁵ Moniteur. 1794. 10 novembre. P. 620.

¹⁷⁶ Ibid.

назвал его «сентябрьским убийцей». На сей раз Тальен дал решительный отпор своему обвинителю, воскликнув: «Хорошо! Я принимаю обвинение, повторите его с трибуны!»¹⁷⁷. На трибуну никто не вышел и Тальен продолжил: «Здесь много тех, кто обвиняет меня в том, что я сентябрьский убийца, лишь затем, чтобы заглушить мой голос, потому что они знают, что я видел всё. Они знают, что я пользовался властью, которой в то время обладал, чтобы спасти от убийц многих людей, они знают, что я единственный в Коммуне решился броситься в гущу этой кровожадной толпы, чтобы не позволить им проникнуть в тюремные камеры, доверенные Коммуне... В тот раз я исполнил свой долг, и я исполню его снова, разоблачив зачинщиков того кровавого дня, которые заседают среди нас»¹⁷⁸. Угроза эта, по всей видимости, была адресована Панису, поскольку он был последним из тех, кто, помимо самого Тальена, находился под подозрением в организации и поддержке сентябрьских убийств, ибо к тому времени остальные обвиняемые – Дантон, Манюэль и Робеспьер уже были мертвы, а Бийо-Варенн находился в ссылке¹⁷⁹.

Журналист и бывший фельян Шарль Лакретель, теперь рьяно боровшийся против террористов, под которыми, как считает Матъез, он «подразумевал всех тех, которые работали для революции»¹⁸⁰, опубликовал в 1795 г. «Ответ Лакретеля-младшего Тальену», обвинив последнего в многочисленных злодеяниях как человека, «чья юность была отдана преступлениям»¹⁸¹. Автор памфлета вопрошал: «Есть ли преступления Горы, к которым вы не имеете отношения? Я нахожу ваш след 31 мая, равно как и 2 сентября; я обнаруживаю его в последствиях этих событий, еще более страшных, чем предшествующие им ужасы»¹⁸². Он упрекал Тальена в том, что тот занял место секретаря Парижской коммуны – «той самой Коммуны, которая породила все

¹⁷⁷ *Moniteur*. 1795. 22 janvier. P. 508.

¹⁷⁸ *Ibid.*

¹⁷⁹ *Granier de Cassagnac M.A.* Histoire des girondins et des massacre de septembre. P., 1860. P. 497.

¹⁸⁰ *Матъез А.* Термидорианская реакция. М.-Л., 1931. С. 74.

¹⁸¹ *Lacretelle C.* Reponse de Lacretelle le jeune à Tallien. P., s.d. P. 1.

¹⁸² *Ibid.* P. 7.

преступления и организовала 2 сентября»¹⁸³. Упомянув о сентябрьских убийствах, Лакретель пишет: «Границы закрываются, тюрьмы наполняются, в дома граждан ежечасно происходят вторжения, войска <...> доверены самым жестоким злодеям. Кто издал эти приказы? – Парижская коммуна. – Кто их подписал? – Тальен, секретарь Парижской коммуны»¹⁸⁴. В качестве доказательства автор приложил изданный Коммуной документ от 6 сентября 1792 г. с подписью Тальена, призывавший народ бороться с внешними врагами, а также уже упомянутый выше отчет Тальена и его коллег Законодательному собранию о событиях 2 сентября. Однако, хотя документы и имели отношение к сентябрьским событиям, они едва ли могли послужить доказательством непосредственного участия Тальена в организации таковых.

Лакретель, после падения Робеспьера ставший одним из лидеров «позолоченной молодежи», вел ожесточенную борьбу против бывших монтаньяров, а потому его нападки на Тальена вполне объяснимы: по словам П. Карона, «было неизбежным то, что термидорианская реакция в охоте на террористов не забудет об участниках сентябрьских убийств»¹⁸⁵.

Выдвигавшиеся против Тальена обвинения нашли свой отклик в общественном мнении. В донесении агентов парижской полиции от 15 сентября 1795 г. встречается информация о том, что «в секции Ле Пелетье несколько частных лиц поднялись на трибуну и высказались против Конвента и Комитета общественной безопасности; кроме того, один член позволил себе назвать представителей чудовищами и убийцами, упрекая их в событиях 2 и 3 сентября <...>»¹⁸⁶. Тремя днями позже в одном из парижских кафе «пылко высказывались против представителя Тальена и, несмотря на мнимое доказательство его невиновности, он был обвинен в том, что являлся одним из главарей убийств, произошедших в первые дни сентября 1792 г.»¹⁸⁷. 21 сентября уже в другом

¹⁸³ Ibid. P. 5.

¹⁸⁴ Ibid. P. 6.

¹⁸⁵ Caron P. Op. cit. P. 207.

¹⁸⁶ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T.2. P., 1898. P. 244.

¹⁸⁷ Ibid. P. 254.

месте «представители Лежандр, Тальен, Фрерон и Дюбуа-Крансе были названы народными убийцами и соучастниками резни первых дней сентября 1792 г.»¹⁸⁸.

Как видим, отсутствие прямых доказательств того, что Тальен приложил руку к организации массовых убийств в сентябре 1792 г., отнюдь не мешало политическим противникам использовать для компрометации факт его участия в комиссии Коммуны. То, что Тальен в 1792 г., подобно большинству его коллег по Горе, попытался в своем памфлете в силу текущей политической конъюнктуры оправдать участников резни, хотя сам же ранее пытался ограничить трагические последствия их действий, обернулось спустя два года против него самого. Оказавшись после 9 термидора в кардинально изменившейся политической ситуации, он из-за ранее высказанного в печати мнения оказался удобной мишенью как для «правых», так и для «левых» – последних, ставших его политическими противниками. Тем и другие своими нападками сумели добиться того, что имя Тальена оказалось в общественном мнении, а затем и в историографии неразрывно связано с сентябрьскими убийствами.

§ 4. Выборы в Конвент

В те же сентябрьские дни, когда происходили убийства заключенных в тюрьмах, начались выборы в Национальный Конвент, продлившиеся до 19 сентября и осуществлявшиеся в Париже под строгим контролем Якобинского клуба. Право голоса имели все французы мужского пола, которые достигли 21 года, отвечали годичному цензу оседлости и могли обеспечивать себя собственным трудом¹⁸⁹. Тальен тоже выдвинул свою кандидатуру на пост депутата, однако в ходе предвыборной кампании подвергся нападкам со стороны Ж.-П. Марата и М. Робеспьера.

21 августа близкий к жирондистам Ж.-Б. Луве привел в своей газете *La Sentinelle* список достойных на его взгляд кандидатов, среди которых был и

¹⁸⁸ Ibid. P.261.

¹⁸⁹ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Указ. соч. С. 141.

Тальен¹⁹⁰. В ответ на эту публикацию Марат в *L'Ami du peuple* обрушился с критикой почти на всех кандидатов, поддержанных Луве, и представил собственный список тех, кто, по его мнению, являются превосходными патриотами, «которые всегда будут выступать вместе с бесстрашными защитниками отечества»¹⁹¹ и могут претендовать на посты депутатов Конвента, причем, в их числе также оказался Тальен. Таким образом, идейные соперники Луве и Марат сошлись в том, что Тальен заслуживает должности депутата Конвента.

Однако через несколько дней, выступая на собрании выборщиков, Марат изменил свое мнение, обосновав это так: «Я только что узнал, что господин Тальен всегда был беззаветно предан Рёдереру, что он яростно противился празднованию в честь полка Шатовьё, что он упрямо возражал против внесенного в избирательный орган предложения об уничтожении мемориальных предметов, выставленных в Пантеоне в память о недостойном мэре Этампа»¹⁹². В завершение своей речи Марат назвал Тальена алчным интриганом, ищущим мест и с отчаянием наблюдающим, как они от него ускользают¹⁹³.

На том же собрании к обвинениям против Тальена присоединился и Робеспьер. Ему также не понравились публичное выражение Тальеном своих симпатий к Петиюну и Рёдереру. Кроме того, он упрекнул издателя *L'Ami des citoyens* в том, что тот не отражал должным образом в своей газете текущие события, не поддержал празднование в честь полка Шатовьё, а также заметил, что Тальен «был слабым, когда слаб народ, и сильным, когда народ силен». Тальен, как свидетельствует протокол заседания, ответил на эти нападки «живо и убедительно», положив начало бурным дебатам, которые, тем не менее, не

¹⁹⁰ La Sentinelle. № 52. 1792. 21 août. P. 1.

¹⁹¹ Марат Ж.-П. Избранные произведения. Т. 3. М., 1956. С. 127.

¹⁹² В марте 1792 г. в ходе беспорядков, вызванных дороговизной, толпа убила Ж.Г. Симоно, мэра Этампа. Законодательное собрание подавляющим большинством приняло решение увековечить память Симоно, однако Марат выступил в защиту действий толпы и против каких бы то ни было почестей убитому мэру.

¹⁹³ Assemblée électorale de Paris. 2 septembre 1792 - 17 frimaire an II. Procès-verbaux de l'élection publiés par E. Charavay. P., 1905. P. 36.

привели к поддержке его кандидатуры¹⁹⁴.

В тот же день, 13 сентября, газета *Le Courrier des 83 départemens*, издаваемая противником Марата, журналистом А.-Ж. Горса (который сам избирался в Конвент от департамента Сена и Уаза), вступилась за Тальена: «Обсуждение кандидатов является мерой полезной, важной и необходимой: прекрасно видеть, как гражданин проходит через горнило различных мнений; замечательно наблюдать, как сама дружба испытывает совесть кандидата, который должен быть призван в Национальный Конвент, куда важно принимать только людей безупречных и достойных тех важных обязанностей, которые им будут поручены. Но эта дискуссия должна быть благородной; дух интриги и партий должен быть изгнан. Тальен находился в строю, Тальен оказывает истинные услуги обществу, Тальен был одним из первых основателей народных обществ, Тальен является издателем *L'Ami des citoyens* – газеты, которая с такой пользой борется против *Le Chant du Coq* (роялистская газета – Д.З.); Тальен обладает добродетелями. <...> Когда было произнесено его имя, несколько голосов подряд обвинили его <...> Мы не будем вдаваться в подробности вопросов, которые ему задавали, наша совесть говорит нам, что на все он ответил с достоинством и честью»¹⁹⁵.

Луве в своих мемуарах пишет, что Тальен на выборах сам допустил оплошность, отмежевавшись от Робеспьера. Взойдя на трибуну, он заявил: «Я не Бриссо», чем вызвал аплодисменты публики, однако затем добавил: «Но я и не Робеспьер». Эта фраза повлекла за собой неодобрительный ропот присутствующих и нелестные комментарии в адрес Тальена¹⁹⁶. После этого Тальен уже не имел шансов пройти в депутаты от Парижа, выборы которых проходили под строгим контролем Робеспьера и его сторонников. Он не набрал в столице необходимого числа голосов, и был вынужден баллотироваться от департамента Сена и Уаза, где получил поддержку большинства выборщиков –

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ *Le Courrier des 83 départemens*. 1792. 13 septembre. P. 8-9.

¹⁹⁶ *Assemblée électorale de Paris*. 2 septembre 1792 - 17 frimaire an II. P. 37.

422 голоса из 681¹⁹⁷.

Таким образом, уже начальный этап Революции 1790–1792 гг. оказался весьма успешным для политической карьеры Тальена: за короткий промежуток времени он прошел путь от рядового, никому не известного клерка до депутата Национального Конвента. Столь быстрый взлет был обусловлен рядом факторов, среди которых, прежде всего, стоит отметить активную деятельность Тальена одновременно в разных областях. Так, он утверждается в публичном пространстве как политический оратор, для чего успешно использует две разные трибуны. В престижном и влиятельном Якобинском клубе, где практически любое выступление приобретало широкую огласку, Тальен часто брал слово по текущим вопросам, создавая для общественности информационные поводы говорить о нем. Вместе с тем, его, пока еще небольшой политический вес не позволял ему использовать эту, фактически общенациональную, трибуну для пространных выступлений по глобальным вопросам: записные ораторы и вожаки якобинцев едва ли потерпели бы такую конкуренцию. Поэтому для подробного изложения своей точки зрения по злободневным проблемам Тальен имел еще одну трибуну – собственное народное общество, где конкурентов у него не было. Здесь он мог говорить сколько угодно и о чем угодно и, хотя эти выступления не получали столь широкой огласки, как речи ораторов Якобинского клуба, в Париже о них знали, что тоже работало на создание революционной репутации Тальена. Впрочем, его траектория восхождения в данном отношении была отнюдь не уникальна. Такие видные деятели Революции, как М. Робеспьер, Ж. Дантон, Б. Барер и целый ряд других, тоже поднялись к вершинам власти через трибуны политических клубов.

Важную роль в политическом восхождении Тальена сыграло также наличие у него своей газеты. В годы Революции залогом успешных

¹⁹⁷ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 61.

политических карьер целого ряда ее лидеров была их популярность на поприще журналистики. Хорошо известны примеры Ж.-П. Марата, К. Демулена, Ж.-П. Бриссо и Ж.-Р. Эбера, которых издаваемые ими издания вознесли на вершину политического Олимпа. Однако свои газеты имели в разные периоды карьеры и многие другие деятели Революции, включая, к примеру, Робеспьера и Барера, чьи имена обычно мало ассоциируются с журналистикой.

В 1792 г. Тальен уже завоевал в столице достаточный политический авторитет для того, чтобы 10 августа быть включенным в состав самозванной Коммуны Парижа, возглавившей восстание против монархии. С этого момента начался новый виток его политической карьеры. Войдя во власть на местном уровне, Тальен начинает бороться за политический авторитет уже в общенациональном масштабе. Его выступления от имени Коммуны в Законодательном собрании снискали одобрение большинства депутатов и получили известность и далеко за пределами Парижа, обеспечив Тальену достаточно широкую популярность, которая позволила ему, несмотря на противодействие Марата и Робеспьера, избраться в депутаты Конвента, набрав необходимое количество голосов.

Отметим также, что уже на самом раннем этапе политической карьеры Тальена у него наметился конфликт с Робеспьером. Что было тому причиной? Возможно, Робеспьер мог быть недоволен тем, что в свое время Тальен на страницах *L'Ami des citoyens* поддержал на муниципальных выборах Петиона и Рёдерера, которые не принадлежали к числу сторонников Неподкупного. Характерно также, что при обсуждении будущего праздника в честь полка Шатовьё, Робеспьер, в отличие от готового к компромиссам Колло, внес предложение прямо противоположное тому, чего добивался Тальен. Обидное поражение последнего при голосовании, очевидно, должно было показать слишком активному новичку, кто настоящий «хозяин» в Якобинском клубе. При этом каких-либо серьезных идеологических противоречий в воззрениях двух политиков не просматривалось. Возникает вопрос, действительно, ли нападки

Робеспьера были вызваны озвученными им мотивами, по большому счету не слишком значимыми, или же имела место скрытая ревность предводителя якобинцев, с таким трудом добившегося в свое время политического признания, к молодому, харизматичному претенденту на лидерство среди левых, не боявшемуся настаивать на своем мнении и стремившегося держаться независимо? Как бы то ни было, на данном этапе Тальену удалось добиться своего и получить мандат депутата Национального Конвента, вопреки оппозиции Робеспьера.

ГЛАВА 2. ТАЛЬЕН – МОНТАНЬЯР

§ 1. Начало работы Конвента

21 сентября 1792 г. начал свою работу Национальный Конвент, где главные роли взяли на себя две соперничавшие политические группировки: монтаньяры, преимущественно члены столичных политических клубов, искавшие поддержки у парижских «низов», и жирондисты, пытавшиеся опираться на провинциальные городские элиты. Впрочем, размежевание между этими республиканскими группировками произошло еще в конце 1791 г., когда они разошлись по вопросу о войне. Жирондисты тогда ратовали за вооруженный экспорт революции в другие страны, а будущие монтаньяры и, в частности, Робеспьер сомневались в необходимости войны, опасаясь, что она приведет к власти военных.

В Конвенте жирондисты заняли правую сторону. Они были противниками чрезвычайных мер, выступали за строгое соблюдение правовых норм, выражали недовольство диктатом Коммуны и осуждали сентябрьские убийства. В их число входил целый ряд известных революционных лидеров: Петион, Бриссо, Верньо, Гаде, Кондорсе и другие. Левую сторону зала заняли их оппоненты – монтаньяры, которые были сторонниками радикальных политических методов. Монтаньяров возглавляли такие видные деятели Революции, как Робеспьер, Дантон, Марат, Кутон, Демулен и другие¹⁹⁸. К монтаньярам примкнул и Тальен.

Став депутатом Конвента, он уже 21 сентября выступил со своей первой парламентской речью при обсуждении вопроса о статусе председателя Конвента, которого предполагалось переизбирать каждые две недели. Тальен высказался против предложения депутата Манюэля о том, чтобы председатель размещался в Национальном дворце и при нем всегда находились атрибуты закона и силы, а также чтобы всякий раз при открытии им заседания все

¹⁹⁸ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Указ. соч. С. 142-143.

граждане вставали. По словам Манюэля, «эта дань суверенитету народа будет постоянно напоминать нам о наших правах и обязанностях». Тальен же заявил, что подобный вопрос вообще не должен подниматься, поскольку за пределами зала заседаний председатель – такой же гражданин, как все, а потому само по себе обсуждение данного вопроса недостойно народных представителей. Собрание единогласно отклонило предложение Манюэля, а Тальен продолжил:

«Прежде всего я прошу, чтобы Собрание взяло на себя торжественное обязательство не расходиться, пока не даст французскому народу систему правления, основанную на принципах свободы и равенства. Я прошу его дать клятву не издавать никаких законов, которые отклоняются от этих принципов. Эта клятва должна постоянно служить ориентиром для народных представителей во всех их делах. Тех же, кто ее нарушит, необходимо принести в жертву справедливой мести народа. Я прошу, чтобы Собрание немедленно дало эту клятву в присутствии народа, который нас избрал для принятия конституции и которому мы должны сказать, что заботимся о его благополучии»¹⁹⁹.

Коллеги Тальена встретили его предложение аплодисментами.

На следующий день, 22 сентября, в Конвенте выступил представитель делегации от Орлеана, который заявил, что муниципальные власти утратили доверие граждан. В этой связи речь зашла об опасности роялизма и необходимости обновления состава судов и местных властей. Некоторые депутаты высказались в поддержку такого решения, однако Тальен заявил, что Конвент, хотя и должен подтвердить временные замены, которые были сделаны избирательными органами и против которых не протестовал народ, не имеет оснований объявлять о полном обновлении административных и судебных органов. На сей раз не все согласились с ним, и после непродолжительной дискуссии Конвент декретировал, что все административные, муниципальные и судебные органы должны быть обновлены. Тогда Тальен предложил внести

¹⁹⁹ Moniteur. 1792. 22 septembre. P. 3-4.

дополнительную статью о том, что судьей может быть избран любой гражданин, даже не будучи специалистом в области права²⁰⁰. Это предложение Тальена вызвало громкие аплодисменты его коллег и породило оживленную дискуссию, но все же не было принято.

На одном из последующих заседаний Тальен вступил в спор с коллегами по вопросу о военном лагере. Еще летом 1792 г. был выдвинут проект закона о создании под Парижем лагеря для 20 тыс. добровольцев, которых департаменты должны были направить в столицу для обеспечения ее безопасности. Людовик XVI наложил на закон вето, но после событий 10 августа этот проект все же решили воплотить в жизнь. 5 октября в Конвенте выступил депутат Э.-Ф. Летурнёр, представивший отчет о положении дел на строительстве лагеря. В ответ Тальен заметил, что работы ведутся уже достаточно давно, однако почти не сдвинулись с мертвой точки, и потому едва ли получится создать лагерь быстрее чем за полтора месяца. Он также добавил, что с каждым днем нужда в таком лагере уменьшается. К тому же Париж уже отправил на фронт 22 тыс. чел., и, если теперь потребовать у секций мобилизовать людей еще и для лагеря, то это может вызвать беспорядки²⁰¹. Однако Тальена не поддержали другие депутаты, в частности, Ж.-Д. Ланжюине и П.-Ж. Камбон. В результате было принято решение перенаправить вопрос в Военный комитет.

Следующее выступление Тальена было посвящено проблеме неприсягнувшего духовенства. После принятия летом 1790 г. декрета о гражданском устройстве духовенства²⁰², упразднившего существовавшую ранее церковную иерархию, для всех священнослужителей была введена обязательная гражданская присяга. Уже после свержения монархии Законодательное собрание приняло 26 августа 1792 г. закон, объявлявший неприсягнувших священников внутренними врагами и предписывавший им покинуть пределы

²⁰⁰ Moniteur. 1792. 23 septembre. P. 3.

²⁰¹ Moniteur. 1792. 7 octobre. P. 2.

²⁰² См.: *Блуменау С.Ф.* Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. Брянск, 2011.

королевства в течение двух недель²⁰³. 23 октября в Конвенте было зачитано постановление секции Санкюлотов о том, что имущество неприсягнувших священников должно опечатываться так же, как имущество эмигрантов. Представители секции попросили, чтобы их предложение было передано в Комитет общей безопасности. Депутат Лакруа потребовал от Конвента сейчас же отвергнуть это предложение, однако ему резко возразил Тальен, заявив, что покинувшие страну неприсягнувшие священники должны считаться эмигрантами, а следовательно, с их имуществом необходимо обойтись так же, как и с имуществом эмигрантов. По мнению Тальена, секция Санкюлотов, поспешившая опечатать их дома, заслуживает одобрения Конвента, и потребовал, чтобы постановление секции Санкюлотов передали в Законодательный комитет, а Конвент выразил ей поддержку²⁰⁴. В результате пожелание Тальена было частично учтено, и Конвент передал постановление Законодательному комитету для подготовки доклада по данному вопросу. Наложение же печатей решили приостановить до представления этого доклада.

Осень 1792 г. ознаменовалась рядом громких военных побед Франции, в том числе над австрийцами в Бельгии. 2 ноября в Конвенте было зачитано письмо генерала Валанса (*Valence*), где сообщалось, что после ухода австрийцев из бельгийского замка де Латур французские гренадеры обнаружили там трофеи – знамена, которые австрийцы отняли у бельгийцев еще в 1790 г. Валанс выразил надежду, что Конвент распорядится вернуть найденные знамена бельгийцам. После публичного прочтения письма адъютант генерала Валанса взошел на трибуну, чтобы продемонстрировать членам Конвента упомянутые в письме знамена. Депутат Дюко заявил, что их следует передать генералу Дюмурье с тем, чтобы он вернул знамена бельгийцам. Однако Тальен счел необходимым вновь продемонстрировать свой радикализм и выразил негодование: «Я вижу на этих знаменах кресты – метки, связанные с фанатизмом феодальной аристократии. Вы помните, что революция в

²⁰³ Документы истории Великой Французской революции. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.В. Адо. М., 1990. С. 409.

²⁰⁴ *Moniteur*. 1792. 24 octobre. P. 3.

бельгийских провинциях была совершена священниками в их собственных интересах. Я требую, чтобы вместо этих жалких эмблем бельгийцам были отправлены три трехцветных знамени»²⁰⁵. Однако его предложение не нашло поддержки у коллег, и депутаты последовали совету Дюко.

Одним из поворотных событий Революции стало обсуждение в Конвенте судьбы короля Людовика XVI. На заседании 13 декабря Тальен высказался резко против отсрочки суда над королем: «Мы отомстим за оскорбленное национальное величие. Я требую не допустить, чтобы под предлогом выработки окончательного решения сроки были продлены»²⁰⁶.

Через несколько дней, во время одной из дискуссий, депутат Лекуантр выразил удивление, что Людовик был лишен возможности увидеться с женой и детьми на протяжении восьми дней ожидания суда и попросил дозволения королю встретиться с семьей. Просьба Лекуантра была встречена аплодисментами и тут же был принят соответствующий декрет. Но Тальен и тут выступил против, так как этот, казалось бы, сугубо частный вопрос имел прямое отношение к почти неприкрытой борьбе за власть между Конвентом и Коммуной Парижа. Последняя считала короля своим пленником, и Тальен решительно встал на ее сторону. Он заявил, что Конвент напрасно просит снисхождения для Людовика, ведь «если муниципальный орган этого не захочет, декрет не будет исполнен». Тальен также заметил, что крайне неразумным было бы позволить Луи Капету контактировать с сообщниками (под которыми подразумевались супруга и сестра бывшего монарха), поскольку они могут согласовать свои показания на будущем процессе. В конечном счете, после непродолжительной дискуссии, решено было запретить Людовику встречаться с женой и сестрой, но дозволялось видеться с детьми²⁰⁷.

В декабре 1792 г. состоялся суд над королем, а 15–17 января 1793 г. по его итогам депутаты Конвента вынесли свой приговор, проголосовав по четырем

²⁰⁵ Moniteur. 1792. 3 novembre. P. 3.

²⁰⁶ Moniteur. 1792. 15 décembre. P. 2.

²⁰⁷ Moniteur. 1792. 17 décembre. P. 3.

вопросам: 1) Виновен ли Луи Капет в заговоре против общественной свободы и в покушениях на общую безопасность государства? 2) Будет ли приговор Национального Конвента вынесен на утверждение народа? 3) Какому наказанию следует подвергнуть Луи Капета? 4) Следует ли отложить исполнение приговора Луи Капету?

Тальен вместе с другими монтаньярами проголосовал за признание короля виновным, за смертную казнь и против утверждения приговора народом, следующим образом обосновав свое мнение: «Луи пролил французскую кровь: Монтобан, Ним, Жалес, Нанси, Марсово Поле и день 10 августа. Интересы государства и интересы народа требуют, чтобы закон был исполнен. Я голосую за смерть»²⁰⁸. 18 января, когда обсуждался вопрос об отсрочке исполнения приговора, Тальен высказался против нее, обратившись к левой стороне зала с такими словами: «Я обосновываю свое предложение мотивами гуманности. Луи знает, что осужден; он также знает, что для него попросили отсрочку. Я спрашиваю, не является ли варварством заставлять человека так долго находиться в ожидании своей участи? Я прошу решить этот вопрос безотлагательно, чтобы не продлевать переживания осужденного»²⁰⁹. Левая сторона встретила его предложение возгласами «Поддержать! Вынести предложение на голосование!». В результате Конвент большинством голосов решил казнить Людовика без отсрочек.

Участие в дискуссии, определившей судьбу короля, стало одним из последних значительных выступлений Тальена в Конвенте 1793 г. Уже в феврале он был отправлен с миссией в городок Форж-лез-О департамента Нижняя Сена, за которой последовали поездки и в другие регионы Франции.

Таким образом, поднявшись с локального уровня политики на уровень политики общенациональной, Тальен не довольствовался ролью рядового депутата Конвента, а продолжал бороться за лидерство и в национальном представительстве. Для этого он применял те же средства, которые позволили

²⁰⁸ Moniteur. 1793. 20 janvier. P. 14.

²⁰⁹ Moniteur. 1793. 22 janvier. P. 3.

ему выдвинуться сначала у себя в секции, а затем и в масштабах Парижа, а именно – выдвигая максимально радикальные предложения по любому вопросу, в обсуждении которого он принимал участие.

Сегодня мировая историография, используя достижения лингвистического поворота, связывает динамику революционного процесса во Франции XVIII в. с нарастающей радикализацией дискурсов. «...Целью подобного движения влево были легитимность и власть, которые получал тот, кто говорил от имени Революции и тем самым определял ее суть. Быстрое распространение дискурсов, соперничавших между собой в радикализме, было связано с желанием занять ведущие позиции, дабы опередить других конкурентов в борьбе за легитимность и присвоить себе оставшуюся ничейной власть. “Экстремизм идей”, “непрестанная болтовня” и “мания простых принципов”, обрекавшие на крах любые попытки остановить революционный поток, были <...> проявлением динамики самой революции <...> Ведь в революционном процессе сегодняшней радикализм есть завтрашняя умеренность: здесь всегда найдется кто-то еще более радикальный. <...> Непрерывная радикализация Французской революции с 1789 по 1794 г. стала результатом динамики, органично присущей революциям как типу общественных изменений, независимо от принципов, провозглашаемых самими революционерами»²¹⁰.

Едва ли Тальен в пылу повседневной политической борьбы поднимался до теоретического уровня обобщения современной ему революционной практики, однако, вероятно, интуитивно он прекрасно понимал ее суть – держаться на гребне революционной волны, выдвигая максимально радикальные предложения. Его умение быть всегда на виду, делать смелые и запоминающиеся заявления, постоянно создавая информационные поводы говорить о себе, являлось для него залогом политического успеха. Его реплики в парламентских дебатах были порой мелочными, порой парадоксальными (как, например, предложение позволить любому гражданину стать судьей вне

²¹⁰ *Генифе П.* Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003. С. 206–207.

зависимости от наличия юридического образования), но всегда максимально радикальными. Иногда настолько, что не находили поддержки у большинства депутатов, однако всегда вызывали их бурную реакцию, привлекая внимание к их автору.

§ 2. Миссия в департамент Нижняя Сена

Национальный Конвент был главным государственным органом Республики, занимаясь не только законотворчеством, но и сосредоточив в своих комитетах значительную часть полномочий исполнительной власти. Проводниками его политической воли на местах выступали депутаты, отправленные с чрезвычайными полномочиями в миссии по департаментам и армиям²¹¹.

Одна из первых таких миссий была поручена Тальену. Связана она была с громким событием: 20 января в ресторане парижского Пале Руаяля бывшим гвардейцем короля Филлипом Николя Мари де Пари был убит депутат Конвента Луи-Мишель Лепелетье де Сен-Фаржо, который накануне проголосовал за казнь короля. Новость о смерти народного представителя всколыхнула парижское общество, и в стенах Конвента даже заговорили о роялистском заговоре. Спустя несколько дней стало известно о самоубийстве в городке Форж-лез-О в департаменте Нижняя Сена некоего человека с такой же фамилией Пари (Pâris). Тальену и его коллеге Лежандру поручили отправиться в этот город, провести расследование самоубийства и выяснить, не является ли погибший убийцей депутата Лепелетье²¹².

Тальен чрезвычайно ответственно отнесся к данному поручению. В течение нескольких дней он и Лежандр проделали большую работу, о чем 5 февраля отчитались в Конвенте. Погибший действительно оказался убийцей Лепелетье. Он покинул Париж в субботу, 26 января, то есть на следующий день после того, как по распоряжению Комитета общей безопасности прошел обыск

²¹¹ Подробнее см. : *Biard M.* Missionnaires de la République: les représentants du peuple en mission, 1793-1795. P.: Éditions du CTHS, 2002.

²¹² Recueil des actes du Comité de salut public. P. 27-28.

в доме на улице Ларошфуко в Париже, где, как предполагалось, он скрывался. Пари предпринял все необходимые меры, чтобы остаться неузнанным. Он передвигался пешком в форме национального гвардейца и даже постригся на якобинский манер. Ночь с воскресенья на понедельник он провел в Жизоре, который покинул на следующий день ранним утром. После прибытия в Гурнэ, Пари свернул с главной дороги и направился по той, что вела в Форж-лез-О. Путь этот был настолько труднопроходимым, что даже местные жители избегали пользоваться им, особенно зимой. Тальен и Лежандр установили, что Пари прибыл в Форж-лез-О в понедельник 31 января и остановился в небольшой гостинице, где на него сначала никто не обратил внимания. Однако за ужином он проявил неосторожность, использовав вместо столового ножа кинжал, спрятанный в трости, чем вызвал подозрения у окружающих. Позже заметили, что ходит по комнате с растерянным и обеспокоенным видом. Затем он опустился на колени и несколько раз поцеловал свою правую руку. Граждане, видевшие это, объяснили такое поведение тем, что он был пьян. На следующее утро торговец кроличьими шкурками Огюст, который накануне видел Пари в гостинице и которому тот показался крайне подозрительным, доложил о нем в муниципалитет. Оттуда в гостиницу направились три жандарма, чтобы сопроводить приезжего бюро муниципалитета. Жандармы вошли в комнату Пари и спросили у него, кто он, откуда прибыл, куда направляется и есть ли у него паспорт. Он ответил, что следует из Дьеппа в Париж и паспорта у него нет. Жандармы попросили его проследовать с ними в муниципалитет. Ответив согласием, Пари затем выхватил двухзарядный пистолет и разрядил его себе в голову, отчего скончался на месте. При нем нашли портфель, в котором находились 1218 ливров ассигнатами и геральдическая лилия из посеребренной меди. Не обнаружив в портфеле никаких бумаг, которые могли бы раскрыть личность погибшего, обыскали тело и под одеждой обнаружили два документа, которые, по словам Тальена, невозможно показать депутатам Конвента, «так как они залиты кровью злодея, а мы не хотим демонстрировать вам это

отвратительное зрелище».

Один из документов представлял собой выписку из книги записей прихода Сен-Рош в Париже о том, что Пари родился 12 ноября 1763 г. Второй документ был свидетельством об увольнении его из королевской гвардии и датировался 1 июня 1792 г. На обратной стороне рукой Пари было написано следующее: «Не стоит беспокоиться, у меня не было сообщников в удачном уничтожении негодяя Сен-Фаржо. Если бы он случайно не попался мне под руку, я бы сделал всё еще более эффектно. Я бы избавил Францию от царубийцы, от Орлеанского [герцога] отцеубийцы. Не стоит беспокоиться. Все французы трусы, которым я говорю:

*Народ, чьи злодеяния повсюду сеют ужас,
С покоем и наслаждением я расстаюсь с жизнью.
Только смертью можно искупить позор,
Запечатленный на наших лицах кровью нашего короля*

Подписано Пари-старшим, гвардейцем короля, убитого французами».

Затем Тальен сообщил, что изначально планировалось доставить труп в Париж, ибо таково было желание некоторых местных жителей, однако потом сочли эту меру бесполезной и отдали распоряжение на месте предать тело Пари земле. Погребение происходило в присутствии представителя муниципалитета. В завершение доклада Тальен добавил, что найденные у Пари документы переданы в специальное бюро и выразил надежду, что они будут опубликованы. Также он попросил о награждении бдительного гражданина Огюста, который сообщил в муниципалитет о подозрительном незнакомце и тем самым способствовал «очищению земли от злодея». Конвент постановил выдать Огюсту 1200 ливров и опубликовать отчет Тальена²¹³.

§ 3. Миссия в департаменты Эндр и Луара и Луар и Шер

Четко и оперативно проведенное Тальеном следствие в Форж-лез-О,

²¹³ Moniteur. 1793. 7 février. P. 3.

побудило Конвент дать ему новое ответственное задание – отправиться в миссию на Луару, чтобы осуществить там объявленный в феврале 1793 г. призыв новобранцев в армию Республики²¹⁴. Франция, ведя внешнюю войну, остро нуждалась в новых войсках, поскольку уже имевшиеся стремительно сокращались из-за потерь, дезертирства и оттока добровольцев, у которых закончился годичный контракт на службу²¹⁵. 23 февраля 1793 г. Конвент был вынужден принять декрет о дополнительном наборе в армию 300 тыс. человек.

9 марта Конвент издал декрет о миссиях своих представителей в департаментах Республики, куда они едут с целью «уведомить сограждан о новых опасностях, которые угрожают родине, и собрать достаточные силы для изгнания врагов». Эти комиссары Конвента получали право требовать у местных властей отчеты об их деятельности, принимать любые меры, которые посчитают необходимыми для восстановления порядка там, где происходят волнения, и арестовывать всех, кого сочтут подозрительными. Комиссарам было также дозволено использовать при необходимости вооруженную силу²¹⁶. Согласно данному декрету, депутатам Тальену и Ж.-Ф. Гупийо предстояло ехать в департаменты Эндр и Луара и Луар и Шер.

Однако попытка произвести набор новобранцев спровоцировала 12 марта на Западе Франции широкомасштабное крестьянское восстание, центром которого стал департамент Вандея, давший название всему движению²¹⁷. Впрочем, рекрутский набор стал лишь детонатором этого социального взрыва. Недовольство крестьян зрело практически с самого начала Революции. Политика властей в области религии, в частности принятие гражданского устройства духовенства и репрессии против неприсягнувших священников, презрение революционных активистов города к сельской культуре и традициям, откровенно агрессивное поведение городских революционеров по отношению к

²¹⁴ Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794 гг. Сб. Документов и материалов / Под ред. Лукина Н.М. М., 1927. С. 322.

²¹⁵ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Указ. соч. 2020. С. 163-164.

²¹⁶ Recueil des actes du Comité de salut public. T.2. P., 1889. P. 299-300.

²¹⁷ См.: Мягкова Е.М. Необъяснимая Вандея. М.: Academia, 2006; Сеше Р. Вандея: от геноцида к «меморициду». Пер. с фр. Ю.В. Минеевой // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН. С. 36-54.

духовенству, в том числе сельскому, - всё это вызывало массовое недовольство крестьян, которое в конце концов и привело к восстанию²¹⁸.

Весной 1793 г. вандейцы успешно громили относительно немногочисленные на Западе Франции войска Республики. Гражданская война быстро распространялась на новые области. Поэтому Тальену, отправленному в регион, граничащий с «военной Вандеей», как называли охваченную восстанием территорию, пришлось в этой миссии заниматься не только обеспечением призыва, но и мобилизацией сил и средств для борьбы с повстанцами.

По пути к месту назначения Тальен и Гупийо 17 марта отправили из Блуа письмо Конвенту, исполненное революционного энтузиазма. При этом, однако, комиссары констатировали, что ситуация в окружающих департаментах крайне сложная. К ним, докладывали они, только что прибыл чрезвычайный курьер от директории департамента Эндр и Луар с депешами из соседних департаментов Вандея и Дё-Севр, где только что вспыхнуло мощное восстание, а патриоты перебиты. Поэтому, сообщали далее Тальен и Гупийо, им пришлось заняться организацией вооруженных сил, «чтобы прийти на помощь своим братьям». Для этого оба решили тем же вечером отправиться в Тур и принять там необходимые меры: «Мы заставим подняться граждан повсюду, мы возглавим их войска, мы или погибнем вместе с ними, или отпразднуем триумф свободы». Комиссары обещали извещать Конвент во всех подробностях о своих дальнейших действиях. В заключение они предположили, что начавшееся движение является результатом действий «большой сети, сплетенной врагами свободы. Покушение на нашего коллегу Бурдона в Орлеане, оскорбления и провокации в отношении многих других, это – следствие заговора: но на сей раз он не удастся. Окажите нам содействие, коллеги, обезглавьте заговорщиков, пусть все они будут наказаны, это единственный способ спасти Республику!»²¹⁹.

Два дня спустя, 19 марта, комиссары отправили в Конвент новый отчет,

²¹⁸ Forest A. The French Revolution. Oxford, 1995. P. 150.

²¹⁹ Ibid. P. 381-382.

сообщив, что по прибытии в Тур без малейшего промедления занялись сбором сил для оказания помощи республиканцам из департаментов Вандея, Дё-Севр и Мен и Луара. Тальен и его коллега отмечали, что Директория департамента Эндр и Луара уже предприняла необходимые меры и по прибытии в Тур комиссары обнаружили множество собранных там вооруженных отрядов. Они писали: «Понедельник был очень беспокойным, ежечасно мы получали всё более тревожные новости, повсюду у нас просили незамедлительной помощи. Мы тотчас же ускорили отправку войск. Среди этих катастрофических событий нас радовало зрелище прибытия всё новых многочисленных отрядов из всех коммун департамента». Комиссарам даже пришлось сдерживать «рвение этих добрых граждан, которые приходили в таком количестве, что возникали опасения, хватит ли всем продовольствия». В конце концов, из Тура в города Сомюр и Шинон выступило 12 тыс. человек, снабженных всем необходимым. Комиссары отдали также распоряжение мануфактуре Рипо в Сомюре выдать достаточное количество пороха для этих 12 тыс. человек.

Тальен и Гупийо подчеркивали, что повстанцами руководят опытные командиры, тогда как у республиканцев на весь департамент из высших офицеров есть один только генерал-лейтенант (*lieutenant général*) Виттингоф, да и тот преклонного возраста: его плохое здоровье заставляет сомневаться, сможет ли он перенести тяготы похода. Поэтому, писали депутаты, будет очень кстати, если военный министр отправит в департамент несколько бригадных генералов, необходимых для командования формируемыми здесь многочисленными войсками. Кроме того, комиссары просили коллег прислать им несколько инженеров, в которых также имелась острая необходимость²²⁰. Завершалось письмо заверениями, что «усердие граждан велико, рвение местных властей огромно, поэтому мы абсолютно уверены в успехе армии патриотов против разбойников, но нельзя терять ни минуты!». Комиссары подчеркивали, что «опасности нарастают с каждым мгновением. Мы

²²⁰ Ibid. P. 409.

отправляем вам эту депешу срочным курьером и просим вас прислать с ним же ответ <...>. С вашей помощью и помощью добрых граждан, мы сможем восстановить спокойствие и разогнать негодяев»²²¹.

Новое письмо из Тура в Париж последовало через два дня, 21 марта. Комиссары переслали в столицу новости из департамента Мен и Луара, полученные той же ночью: сообщалось, что армия противника разделилась на три колонны, и точно так же разделилась армия патриотов. Кроме того, Тальен и Гупийо с оптимизмом докладывали, что весь департамент Эндр и Луара пришел в движение: «со всех сторон сюда стекаются многочисленные батальоны. Берега Луары заполнены вооруженными людьми, боеприпасами и продовольственными обозами. Соседние департаменты также оказывают нам существенную помощь. Мы отправляем наши силы в Сомюр, чтобы поддержать Анже, и в Шинон, чтобы помочь Туару, где в настоящий момент сосредоточилась большая часть армии патриотов. Единственное, чего нам не хватает и о чём мы уже писали, это старшие офицеры – мы испытываем в них острую потребность»²²².

Также они рапортовали, что в департаментах Луар и Шер и Эндр и Луара, набор в армию подходит к концу, «несмотря на тайные происки врагов Революции». Комиссары отмечали, что сложность их миссии усугубляется брожением на местах, но заверяли коллег, что масштаб стоящих перед ними задач их не страшит. Также они сообщали, что местные власти оказывают им содействие, «с первых минут опасности предприняв наиболее мудрые меры не только для того, чтобы отбросить врага, но и для того, чтобы сдержать недоброжелателей»²²³. Город Тур, докладывали Тальен и Гупийо, переведен на военное положение и готов при необходимости выдержать осаду. На благополучный исход последней есть все основания надеяться, поскольку из всех городов и коммун департамента в Тур поступают люди, боеприпасы и

²²¹ Ibid. P. 409-410.

²²² Ibid. P. 428.

²²³ Ibid. P. 428.

провиант. Комиссарам даже пришлось, по их словам, «сдерживать рвение граждан, ибо все хотят идти воевать». Сообщалось также, что коммуна Блерэ дистрикта Амбуаз, население которой насчитывает 1000 душ, отправила в августе 108 добровольцев и только что прислала еще 23. Сверх того, она отправила отряд из 300 человек на помощь Сомюру, и лишь один из этих людей дезертировал, вернувшись домой. Муниципалитет тут же его арестовал и отправил в Тур, чтобы покарать за трусость²²⁴.

В конце марта Тальен ненадолго вернулся в Париж, чтобы отчитаться перед Конвентом об установленных им обстоятельствах покушения на депутата Бурдона 16 марта в Орлеане. По словам Тальена, они с Гупийо находились в Невере, когда получили распоряжение Конвента отправиться в Орлеан. Прибыв туда, комиссары отстранили от должности членов муниципалитета и арестовали тех, кого считали виновниками покушения на Бурдона²²⁵. Незадолго до этого Конвент издал декрет, объявлявший Орлеан в состоянии мятежа и предполагавший отправить туда нескольких комиссаров для выяснения обстоятельств покушения. 24 марта Тальен заявил, что такая мера напрасна, поскольку этот декрет уже почти полностью выполнен. После его выступления Конвент аннулировал ту часть декрета, где Орлеан объявлялся в состоянии мятежа, и отменил отправку комиссаров. К тому же Тальен сообщил, что власти департамента Луаре, столицей которого был Орлеан, мобилизовали 5 тыс. человек для борьбы с контрреволюцией в Вандее²²⁶.

Однако уже 27 марта в Конвенте было зачитано письмо от народных представителей в Орлеане Колло д'Эрбуа и Лапланша, дезавуировавшее слова Тальена: «Вы отменили статью декрета, которая объявляла город Орлеан в состоянии мятежа до тех пор, пока граждане не выдадут виновных в ужасном покушении, совершенном там 16 числа. Вас, граждане коллеги, увлек естественный порыв отеческого снисхождения, который мы, без сомнения,

²²⁴ Ibid. P. 428.

²²⁵ Moniteur. 1793. 26 mars. P. 3.

²²⁶ Moniteur. 1793. 26 mars. P. 3.

разделили бы, если бы были с вами согласны. Мы должны сказать вам правду, граждане коллеги. Если вам прочли два наших последних письма, то она, должно быть, уже вам известна». Далее комиссары сообщали, что прежний муниципалитет, по их мнению, оказывал поддержку виновным и вынуждал свидетелей давать ложные показания, в результате чего арестован был только один человек. Также депутаты заявляли, что вовсе не извещали Тальена о том, что департамент Луаре собирается отправить добровольцев на подавление Вандейского восстания. По их словам, «Тальен, без сомнения, слишком сильно озабоченный свое главной миссией, не уделил нам достаточно внимания и неверно отчитался вам о том, что слышал»²²⁷.

Вскоре Тальен покинул Париж, чтобы вернуться к исполнению обязанностей комиссара. В письме Комитету общественного спасения из Тура от 13 апреля он сообщил, что его коллега Гупийо оттуда уехал, и выразил опасение, что распоряжения, которые он теперь вынужден будет давать в одиночку, станут считаться недействительными. Он попросил Комитет получить у Конвента подтверждение того, что его распоряжения будут считаться законными вплоть до возвращения Гупийо²²⁸.

Если в первые недели миссии в Эндр и Луара и Луар и Шер комиссары с оптимизмом рапортовали о достаточном количестве продовольствия и добровольцев, то теперь ситуация серьезно ухудшилась. И с ней Тальену приходилось справляться в одиночку. 14 апреля он доложил в Париж о предпринятых им мерах для ускорения набора в армию и наведения порядка в департаментах. Кроме того, попросил коллег поддержать его ходатайство к военному министру о получении ружей²²⁹. Комитет общественного спасения не оставил без внимания его просьбу, и посоветовал «использовать все ресурсы и средства, на которые только могут вас вдохновить ваши рвение и патриотизм». Комитет подчеркнул, что в условиях, когда Республика находится в опасности,

²²⁷ Moniteur. 1793. 28 mars. P. 3-4.

²²⁸ Ibid. P. 233.

²²⁹ Ibid. P. 249.

снабдить оружием тех, кто встал на ее защиту – священный долг всех граждан, который те, несомненно, поспешат выполнить. В заключение Комитет напомнил, что у Тальена есть неограниченные полномочия, а потому он сам волен выбирать предпочтительные средства для убеждения граждан²³⁰.

25 апреля Тальен отправил из Тура в Париж новое донесение. К тому времени ситуация в департаменте еще больше осложнилась: Тальен сообщал о нехватке продовольствия и называл ее причины. Во-первых, в Эндр и Луаре собрали слишком скудный урожай зерна, которого оказалось недостаточно для снабжения населения. Во-вторых, в Тур из всех департаментов стекались добровольцы для войны в Вандее: именно отсюда направлялись подкрепления в Сомюр, Анже, Пуатье и другие прифронтовые города. И всех этих людей надо было кормить. Наконец, те 4 тыс. квинталов зерна, которые были выделены городу по распоряжению министра внутренних дел, застряли в Нанте и не могли быть доставлены в Тур по Луаре, поскольку часть ее течения контролировалась повстанцами. Тальен отмечал, что горожане испытывают острую нехватку продовольствия, и подчеркивал, что Тур с самого начала восстания в Вандее выказал «рвение, достойное высшей похвалы», а потому было бы несправедливо оставить без поддержки город, который отдал свое продовольствие «братьям по оружию и согражданам, ринувшимся на помощь разоренным департаментам». Тальену из-за нехватки продовольствия даже пришлось выслать из Тура находившийся там воинский контингент. По словам депутата, генерал Беррюйе обратился к нему с просьбой сформировать из этих войск отдельный корпус и прислать к нему. Однако народные представители отказали генералу и, в соответствии с декретом Конвента от 18 апреля²³¹, направили указанный контингент в Мозельскую армию²³².

5 мая Тальен срочной депешей известил Конвент о том, что в департаменте Луар и Шер началось брожение, якобы «спровоцированное аристократией». По

²³⁰ Ibid. P. 426.

²³¹ Archives parlementaires de 1787 à 1860. T. 62. P., 1902. P. 611.

²³² Recueil des actes du Comité de salut public. T. 3. P., 1890. P. 459.

словам комиссара, «добрые граждане» считают необходимым его дальнейшее там присутствие, чтобы восстановить спокойствие и уладить возникшие разногласия. Тальен заверил коллег, что сумел примирить враждующие стороны, однако предупредил, что пока не может исполнить декрет Конвента, отзывающий из миссий комиссаров, направленных производить набор в армию. Текущее положение дел, пояснил он, не позволяет ему покинуть Тур, а требует задержаться в городе еще на несколько дней до возвращения остальных комиссаров, отправленных в Ла Рошель. Необходимо, чтобы в их отсутствие в городе оставался хотя бы один народный представитель, поскольку именно Тур является ключевым пунктом, где хранится продовольствие и откуда идут войска в Вандею. Тальен добавил также, что местные власти просят его остаться еще на некоторое время и что, даже если бы такой просьбы не последовало, он сам счел бы трусостью оставить свой пост в столь критический для департамента момент.

В этом же письме он вновь подчеркнул затруднительное положение, в котором оказался вверенный ему департамент: «несколько плохо вооруженных и экипированных частей – вот и все наши силы на данный момент». Тальен попросил как можно скорее прислать из Парижа войска, генералов и боеприпасы, опасаясь, что без помощи из столицы Эндр и Луара в скором времени повторит судьбу Вандеи. Более того, Тальен не просто настаивал, но практически дерзил Конвенту: «Складывается впечатление, будто вы, в Париже, не знаете истинного масштаба потребностей наших внутренних армий, и что Исполнительная комиссия либо из-за слабой осведомленности, либо злонамеренно вводит в заблуждение Национальный Конвент». Заключение письма и вовсе выдержано в командном тоне: «Людей! Оружия! Нельзя терять ни минуты, иначе многие наши департаменты скоро окажутся во власти разбойников»²³³.

В тот же день, 5 мая, из Тура в Конвент пришло еще одно письмо:

²³³ Ibid. P. 616.

комиссары в западных департаментах Карра и Бурботт, собиравшиеся на следующий день отправиться в Сомюр (Мен и Луара), сообщили о сложном положении в департаментах и заявили, что, на их взгляд, Тальену необходимо задержаться в Туре еще на восемь-десять дней для направления действий местных властей и руководства передвижением войск. Конвент одобрил это предложение и распорядился оставить Тальена при внутренней армии еще на две недели²³⁴.

На заседании Конвента 7 мая Камбон огласил срочную депешу Тальена, которой тот вновь попытался оказать моральное давление на депутатов, чтобы получить всё необходимое для организации обороны: «Мы чувствуем, что генералы нас обманули, если не сказать предали. Нам говорят о доверии командирам, но они еще должны постараться его заслужить. Вы обещали нам Бирона – он не приехал. Вы обещали нам ружья, но мы не видим ни одного. Нам говорят, что к нам на помощь придут войска, но вся помощь сводится к германскому легиону, скверно организованному и плохо вооруженному. Тем не менее, мы только что реорганизовали эту часть и надеемся сделать ее полезной для Республики. Я не могу от вас утаить, граждане коллеги, что сегодня опасность грозит нам как никогда. Враг уже у ворот Туара и, если помощь не придет быстро, то скоро и Луден падет жертвой разбойников. Шинонский лес находится не более чем в 5 лье оттуда, и если его займут враги, то будет очень сложно их оттуда выбить <...>. Я вас умоляю, граждане коллеги, используйте всё ваше влияние в Национальном Конвенте, весь ваш авторитет перед министрами, чтобы нам отправили помощь как можно скорее. Скажите гражданам Парижа, что нельзя терять ни минуты чтобы спасти отечество. Пусть будут отброшены все личные ссоры. Людей, оружия, пушек! Мы найдем в этих департаментах достаточно людей, но у нас почти нет оружия»²³⁵.

Далее Тальен описывал, как произвел реорганизацию находившегося в его распоряжении германского легиона. Он сообщил, что несколько офицеров

²³⁴ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Т. 64. Р., 1902. Р. 267.

²³⁵ Ibid. Р. 276.

легиона арестованы, благодаря чему, по его словам, эта часть отныне свободна от проникшей в нее аристократии. Арестованных офицеров временно заменили командирами, которые пользуются доверием солдат. Из военнослужащих же легиона, у которых уже есть оружие, сформирован отдельный отряд. По мнению Тальена, таких насчитывается около шести сотен. В тот же день их послали на помощь генералу Кетино. Те же, кто остался в Туре, не имея оружия и снаряжения, через день должны были отправиться в Сомюр. Тальен известил коллег, что немедленно сообщит Кетино об этом подкреплении²³⁶.

К письму Тальена прилагалось письмо и самого Кетино, адресованное членам правления комитета общей обороны департамента Эндр и Луара. Генерал писал: «Неужели опасность должна находиться у вас перед глазами, чтобы вы узнали о ней и что-нибудь предприняли? Вам кажется, что вы далеко, а между тем она приближается к вам. <...> Я бодрствую днем и ночью, чтобы оказать сопротивление и не позволить застать себя врасплох врагу, в чьем распоряжении имеются три колонны, численностью от 10 до 12 тыс. человек, которые столь же пылки и отважны, как мои вялы и равнодушны. <...> На сегодняшний день моя армия сократилась до 3 тыс. человек. <...> Я вам говорю с откровенностью солдата, ибо чин генерала меня вовсе не изменил. Я хочу командовать, я жажду умереть за отечество, но пусть у меня не отнимают обученных мною людей с обещанием прислать взамен других. Пусть никто не отсиживается дома, если не хочет быть убитым прямо там, и пусть никто не останется безучастным к нашей общей обороне. Если бы ко мне сейчас прибыли 30 000 человек, мы бы долго не раздумывали, и после победы они смогли бы вернуться домой. Что касается меня, то я желаю победы или же смерти»²³⁷.

Однако власти Республики не могли удовлетворить эти просьбы о помощи. По словам Камбона, в столице можно было бы набрать 12 тыс. человек для армии, но они, вместо того, чтобы отправиться воевать, разглагольствуют и

²³⁶ Ibid. P. 276-277.

²³⁷ Ibid. P. 277.

развлекаются составлением петиций²³⁸.

Тем временем положение республиканских войск становилось всё более плачевным. Войска генерал Кетино вынуждены были капитулировать, о чём Тальен и его коллега, комиссар Карра, сообщили Конвенту письмом от 8 мая: «Наши опасности становятся всё более грозными. Захват Туара, взятие в плен 3 тыс. человек – вот результат неумения или же предательства Кетино; вот результат безразличия Исполнительного совета и преступной беспечности генералов, которые вместо того, чтобы договориться между собой, заняты мелочными спорами за главенство <...>. Число разбойников растет с каждым днем, у них есть оружие, артиллерия, боеприпасы. Они уже захватили несколько важных пунктов. Шательро, Пуатье, Тур находятся под угрозой; Луден сдан, там поднято позорное белое знамя и повалено дерево свободы. Шинону грозит опасность. В кризисе, в котором мы находимся, законные власти этого департамента демонстрируют большую энергию. Я постоянно нахожусь среди них, и мы сообща согласовываем все меры, которые считаем подходящими для спасения государства»²³⁹.

Далее Тальен перечислял шаги, предпринятые им совместно с Карра:

1. «Учредить специальную Центральную комиссию, призванная немедленно отправится с одним из народных представителей в Шинон, чтобы заняться делами, касающимися обороны этой части департамента Эндр и Луара». Тальен уточнял, что состав комиссии уже определен, и она должна отправиться в Шинон в тот же день.

2. «Из германского легиона выделить отряд, состоящий из хорошо экипированных и вооруженных солдат, который немедленно выступит в Шинон». По словам Тальена, этот отряд из 620 человек, среди которых есть 200 кавалеристов с двумя пушками, накануне уже отправился в пункт назначения.

3. «Назначить комиссаров, которые поедут во все дистрикты и поименно мобилизуют всех граждан, которые в состоянии держать оружие, следя за тем,

²³⁸ Ibid. P. 277.

²³⁹ Recueil des actes du Comité de salut public. T. 4. P., 1891. P. 61-63.

чтобы отправлялись только хорошо вооруженные и снаряженные мужчины. Также эти комиссары будут уполномочены собирать всё доступное продовольствие и отправлять его в Тур». Отмечалось, что и эта статья исполнена, комиссары уже выехали и сообщили, что их миссия проходит успешно и повсюду наблюдается большое оживление. Тальен заверил коллег, что немедленно сообщит о результатах их действий, как только узнает о них.

4. «Обязать комитет обороны провести обыски во всех домах Тура, чтобы изъять оружие, которое может оставаться у плохих граждан, а также оружие, которым могут владеть те, кто не в состоянии держать его в руках в силу своих общественных обязанностей, возраста или каких-либо иных причин». Отмечалось, что и это положение исполнено накануне.

5. «Муниципалитету Тура поручить реквизировать всех оружейных мастеров города и обязать их заняться восстановлением оружия, собранного после обысков в домах». По словам Тальена, эта статья также была исполнена накануне и мастера уже занимаются починкой оружия.

6. «Арестовать всех подозрительных личностей». Комиссар заверял, что это положение исполняется постоянно.

Завершил свое письмо Тальен изложением своих ближайших планов: «Сегодня я отправляюсь в Шинон, чтобы учредить там центральную комиссию по обороне. Мы возьмем с собой несколько добрых граждан, которых мы отправим в сельскую местность как миссионеров, чтобы уничтожить фанатизм и аристократию. Я с большим удовольствием вижу, что общественный дух поднимается, что опасности, которые нам угрожают, не страшат граждан, а повышают их смелость. <...> Пришлите ко мне коллег, чтобы они заменили меня или же помогли мне, поскольку я не настолько самонадеян, чтобы полагать, что не могу ошибаться <...>. Оружия, людей, командиров и средств – мы в них очень нуждаемся, не теряйте ни минуты²⁴⁰».

Примерно в эти же дни генеральный прокурор-синдик из Эндр и Луары в

²⁴⁰ Ibid.

письме, которое было зачитано в Конвенте на заседании 10 мая, сообщал о мерах, принятых властями этого департамента по искоренению тех дурных настроений, что проникли в германский легион. По его словам, «беспорядки, которые царили в этой части, проистекали из казнокрадства ее командиров, из-за чего солдаты нуждались во всём; эти командиры отстранены от службы и арестованы представителями народа Тальеном и Карра, комиссарами Конвента»²⁴¹.

10 мая Тальен отправил в столицу еще одно письмо из Тура. В нем он сообщал, что понемногу сумел наладить доставку оружия и продовольствия, но очень не хватает офицеров: «Мы по-прежнему находимся в том же положении; враги Революции ложными новостями ежедневно сеют панический страх. Я использую все средства, чтобы изгнать его, но моих слабых усилий недостаточно: число врагов растет, меня убеждают, что наши силы не способны сопротивляться тем 15 тыс. человек, которые приближаются к Шинону из Туара. Как вы увидите из приложенного письма, Кетино, агент Дюмурье, только что предал родину по примеру своего хозяина. Донесения мне сообщают, что Кетино сам склонил свои войска к бегству. Вы найдете в прилагаемых к письму документах пропуск, выданный ему одним из главарей армии мятежников. Сегодня оставлен город Луден; может быть, враг скоро будет здесь. От Лудена до Шинона всего-навсего 5 лье. У нас совсем немного сил, чтобы противостоять ему. Я сейчас же отправлюсь вместе с Центральной комиссией в Шинон, чтобы там принять все меры по обороне: мы надеемся собрать там небольшую армию, которая позволит нам дожидаться прибытия давно ожидаемых нами войск. Я позабочусь о том, чтобы проинформировать вас обо всех событиях, которые, без сомнения, будут множиться вокруг нас до бесконечности. Активность возрастает, апатия исчезает, из всех дистриктов к нам прибывают люди, оружие и продовольствие, но у нас совсем нет офицеров – поспешите же отправить их к нам, не упустите момент»²⁴².

²⁴¹ Archives parlementaires de 1787 à 1860. Т. 64. Р., 1902. Р. 407.

²⁴² Ibid. Р. 552.

Тальен также просил довести его письмо во всех подробностях до сведения Конвента и не скрывать от того грозящие опасности. Он вновь повторил свою прежнюю мысль: Исполнительный совет «или слишком бездарен, или слишком преступен; невозможно, чтобы он был в курсе событий и не предпринимал никаких решительных мер, хотя комиссары Конвента непрестанно их требуют». В завершение письма Тальен заявлял: «Поскольку не в моих принципах продолжать выполнять обязанности, отмененные декретом, я прошу вас предписать мне мои дальнейшие действия», и заключил: «если мне не будет позволено сражаться как представителю народа, по крайней мере, я был бы счастлив сражаться как гражданин»²⁴³. Зачитанное публично, это письмо вызвало бурные аплодисменты депутатов.

В тот же день, 10 мая, Тальен отправил еще одно письмо, теперь уже из Шинона: «Центральная комиссия обороны уже утвердилась здесь и проявляет величайшую активность. <...> Кажется, наше присутствие в городе вернуло гражданам смелость. Если к нам придут силы и в особенности пушки, мы сможем сопротивляться и воспользуемся выгодным положением Шинона. По пути сюда мы встретили множество пленных из Туара, которых враг отпустил из-за недостатка продовольствия»²⁴⁴. Далее Тальен утверждает: «Из всех отчетов следует, что Кетино предатель, который не предпринял никаких мер чтобы обороняться, что он имел тайные переговоры с мятежниками, на два дня оставив свою армию. Члены правления дистрикта Туар сами публично подняли белый флаг [Бурбонов – Д.З.], несмотря на несогласие, в очередной раз высказанное муниципалитетом, который уже дважды срывал его. Похоже, что мятежники разделят свои силы и отправят их на Сомюр и Шинон. Мы проехали через все части этого дистрикта. Сейчас отправляемся в Ришельё, где, как нам сообщили, аристократия поднимает голову и уже водружено белое знамя, но мы добьемся справедливости. <...> Следите сами за отправкой войск, потому что

²⁴³ Ibid. P. 552.

²⁴⁴ Recueil des actes du Comité de salut public. T. 4. P., 1891. P. 87.

вас обманывают, и я не перестану повторять вам это»²⁴⁵.

На следующий день Тальен обратился к Конвенту уже с нового места: «Вчера мы прибыли в Ришельё <...>. Здесь мы восстановили уже было павший дух патриотов <...>. Белое знамя в нашем присутствии предано огню на площади у подножия дерева свободы²⁴⁶». Далее он продолжил: «Только что произошедшее в Ришельё навело меня на мысль сделать Конвенту предложение, которое, я верю, вы поддержите. Я предлагаю сжечь все старые знамена, которые из-за оставшихся предрассудков были развешены под сводами церквей; почти все они белого цвета и должны быть уничтожены как символы, отмечающие места встреч для людей, имеющих дурные намерения». Тут же он изложил полученные им сведения о происходившем во вражеской армии: «Согласно рапорту гражданина Майо, патриота, живущего в Буйе-Лорете, человека, заслуживающего доверия, враг вчера в 9 часов утра покинул Туар, выйдя через ворота Сен-Жан, и взял направление на Партене в количестве от 20 до 25 тыс. человек, все вооружены ружьями, пиками и 30 пушками. Они увезли с собой боеприпасы, отправив семь или восемь пушек в Фужрёз, куда направляется отряд из 1000–1200 человек <...> Лидеры повстанцев – маркиз де Лескюр, Ларошжаклен, Боншан, Лангреньер, д'Эльбе, Бодри де Брошен и аббат Ларивьер»²⁴⁷.

Настойчивость Тальена, буквально бомбардировавшего Комитет общественного спасения своими донесениями, наконец, возымела результат: в Тур были отправленные запрошенные Тальеном ружья. Сопровождать конвой с ними должен был инспектор транспорта и военных конвоев Жан Анри, которому 11 мая Комитет завизировал соответствующие документы²⁴⁸.

13 мая Тальен известил Комитет общественного спасения об антиреволюционном движении в Лудене: «Белое знамя было размещено в разных частях города, несколько белых кокард выставлено публично, дерево

²⁴⁵ Ibid. P. 88.

²⁴⁶ Ibid. P. 89.

²⁴⁷ Ibid. P. 90.

²⁴⁸ Ibid. P. 96.

свободы срублено, народное общество уничтожено, двери тюрем выломаны, а содержащиеся там аристократы выпущены на свободу. Официальные власти, лишённые сил обеспечивать соблюдение закона, решили защитить государственные хранилища от грабежей. Им пришлось перевезти в Шинон национальный фонд, архивы и другие ценные вещи»²⁴⁹. Как только Тальен узнал о происходившем, то немедленно отправился в Луден с шестью членами Центральной комиссии и отрядом в 200 человек. Революционные власти были восстановлены, белое знамя сожжено на площади, посажено новое дерево свободы, а трехцветные кокарды заменили собой символику мятежников. По просьбе Тальена местные власти указали ему подозрительных лиц. Некоторые из таковых были арестованы, сопровождены в Шинон и там преданы суду. В заключение Тальен отметил: «Народ смотрит на нас с одобрением. Опасности кажутся ему не такими страшными, потому что мы разделяем их с ним»²⁵⁰.

Однако далеко не всё из сделанного Тальеном для противодействия распространению Вандейского восстания получило одобрение вышестоящих властей. Формирование им чрезвычайного органа управления – Центральной комиссии департамента Эндр и Луара, поставленной над конституционными властями, вызвало недовольство членов Комитета общественного спасения, состоявшего тогда преимущественно из умеренных депутатов. До нас не дошло письмо Комитета с претензиями относительно создания комиссии, однако о содержании этого послания мы можем судить по ответу Тальена, датированному 17 мая. Тальен объяснял, что учрежденная им Центральная комиссия – это не верховный орган управления, отдающий приказы генералам и направляющий движения войск, а обычный инструмент исполнительной власти. Тальен отмечал, что в тот момент, когда стало известно о взятии Туара, «предательстве» Кетино, сдаче Лудена и походе врага на Шинон, администрация Эндр и Луара в спонтанном порыве решила, что часть её временно покинет город и отправится поближе к месту событий, чтобы

²⁴⁹ Ibid. P. 152.

²⁵⁰ Ibid. P. 153.

поддержать рвение граждан, призвать народ к формированию военных контингентов и обеспечить снабжение добровольцев в Шиноне, пока там не появятся организованное руководство, штаб и военная администрация. Тальен смело брал на себя ответственность за такой шаг: «Я был инициатором этого решения. Поэтому я должен был выступить во главе этой комиссии. С моей стороны было бы трусливо не сделать этого. И такой поступок был бы недостойн меня и моего характера в качестве представителя народа. Эта комиссия никоим образом не вмешивалась в командование армией, от нее не исходило ни одного приказа <...>. В тот момент я был единственным комиссаром Конвента в этом департаменте и было необходимо, чтобы до прибытия наших коллег, в городе был центр надзора за происходящим <...>. Мне совершенно чужды идеи федерализма, и я могу доказать, что верен данной мною клятве поддерживать единство и неделимость Республики»²⁵¹. По всей видимости, Комитет общественного спасения удовлетворился этим объяснением и поспешил успокоить Тальена: «У нас больше нет сомнений, гражданин коллега, что все ваши шаги продиктованы самыми мудрыми и полезными идеями. Продолжайте выполнять задачу, которую вы взяли на себя как республиканец, и, пожалуйста, подробно сообщите нам о достигнутых вами успехах»²⁵².

19 мая Комитета общественного спасения отправил письмо народным представителям в Западных департаментах, объяснив длительное отсутствие помощи департаментам, из последних сил сопротивлявшимся повстанцам: «Мы получили, граждане коллеги, письмо, которое Тальен прислал нам из Тура 6 мая, относительно тревожного положения на этой территории, атакованной мятежниками. Исполнительный совет узнал об этом и отдал приказ направить туда двадцать два батальона. Но предательство печально известного Дюмурье сделало необходимым присутствие всех сил в тех департаментах, которые он хотел ввести в заблуждение, а потому они не смогли прибыть в место

²⁵¹ Ibid. P. 210-211.

²⁵² Ibid. P. 369.

назначения»²⁵³.

В конце мая Тальен вернулся в Париж, где обострилась борьба между группировками жирондистов и монтаньяров за доминирование в Конвенте. Монтаньяры обвиняли жирондистов в «федерализме», то есть стремлении разделить единую и неделимую республику. Жирондисты, в свою очередь, поносили монтаньяров за стремление к диктатуре. Усилению борьбы между двумя группировками в немалой степени способствовали неудачи во внешней и внутренней политике Франции. Весной 1793 г. Республика потерпела ряд поражений в войне с коалицией. На сторону противника перешел популярный революционный генерал Дюмурье. Внутри страны тоже было далеко не все гладко: в Вандее ширилось контрреволюционное восстание, дороговизна продуктов вызвала народные волнения, среди городского плебса стали набирать популярность ультрареволюционные активисты – «бешеные» – во главе с бывшим священником Жаком Ру, требовавшие сурового наказания для спекулянтов и установления твердых цен на зерно. Напряжение в отношениях между жирондистами и монтаньярами нарастало и к лету 1793 г. достигло апогея.

18 мая жирондисты провели решение о формировании следственной Комиссии двенадцати для борьбы со своими оппонентами. Тальен, решительный сторонник монтаньяров, тут же поспешил ввязаться в схватку, попытавшись внести свой вклад в компрометацию политических противников. Он передал коллегам изъятые им в ходе миссии письма депутата Гардье, которые были публично зачитаны на заседании Конвента 30 мая. Гардье, член Комиссии двенадцати, вел переписку с бывшим дворянином Маризи, который, по словам Тальена, был «известен самыми непатриотичными принципами»²⁵⁴. Оправдываясь, Гардье заявил: «Все связи между мной и Маризи прекратились, как только я осознал, что он контрреволюционер». Вместе с тем он осудил Тальена, который изъяв два разоблачающих письма, не должен был

²⁵³ Ibid. P. 241.

²⁵⁴ Moniteur. 1793. 1 juin. P. 2.

пренебрегать и другими письмами, которые легко разрушили бы впечатление от предыдущих. «Я возмущаюсь тем, – заявил Гардье, – что в этом вопросе Тальен руководствовался личными чувствами, а не интересами государства. Несомненно, я никогда бы не был осужден Тальеном, если бы не протестовал против поведения этого комиссара». В ответ Тальен заметил, что именно эти два письма были обнаружены у Маризи, известного контрреволюционера, задержанного в департаменте Эр и Луар. По словам Тальена, замок Маризи был местом встреч «таких же людей как он», а Гардье в свою очередь известен всем республиканцам этого департамента как близкий друг Маризи и приспешник роялистов. Гардье пытался найти себе оправдание, но не слишком убедительно, и высказал новые обвинения в адрес Тальена. Тальен хотел ответить на выпад Гардье, однако депутат Лежандр призвал коллег к порядку. Затем один из присутствующих заявил, что четыре дня назад Гардье отправился в Комитет общей безопасности, чтобы выступить там в поддержку Маризи, и что он привел туда человека, который пытался дать взятку одному из клерков. Гардье отрицал это факт. Тогда Тюрио, Шарлье и ещё несколько депутатов потребовали взять Гардье под охрану, и предложение их было принято²⁵⁵.

Тальен, проявивший себя очень активным депутатом в первые же месяцы своей деятельности в Конвенте, сумел зарекомендовать себя в глазах коллег как решительный политик, не пасующий перед трудностями. Вероятно, такая его репутация и побудила Конвент доверить ему сначала небольшую, но политически весьма значимую миссию в Форж-лез-О. А после того, как он оперативно и успешно справился с поставленным ему заданием, на него возложили на него более сложную миссию, поручив заняться мобилизацией людей и ресурсов для противодействия быстро растущему Вандейскому восстанию.

Как мы видели, в ходе этой миссии Тальен столкнулся с рядом серьезных трудностей. Париж не мог оказать существенной помощи, и ему пришлось на

²⁵⁵ Ibid.

месте решать все эти вопросы, используя наличные ресурсы. В столь сложной ситуации Тальен показал себя по-настоящему храбрым человеком и энергичным организатором: он ездил по городам, оказавшимся под угрозой захвата противником, боролся с антиреволюционным сопротивлением значительной части населения, изыскивал оружие для добровольцев. Для оперативного решения в отсутствие народных представителей наиболее важных организационных вопросов он на свой страх и риск учредил чрезвычайный орган управления – Центральную комиссию. Чувствуя свою ответственность за доверенные ему департаменты, он взял за правило вести диалог с Комитетом общественного спасения в требовательном, порой даже дерзком тоне, чтобы как можно быстрее добиться от него всего необходимого для успешной организации обороны. Разумеется, подобный недостаток политеса и слишком большая самостоятельность комиссара в принятии решений не могли понравиться вышестоящим, что, возможно, и вызвало нарекания в его адрес из-за «самоуправства» с Центральной комиссией.

Вместе с тем Тальен обладал очень важной для политического деятеля способностью располагать к себе людей и находить с ними общий язык, о чем позднее вспоминали его современники. Так, один из жителей департамента Эндр и Луара, которому довелось тогда познакомиться с Тальеном, отмечал в своих мемуарах, что тот был «одновременно строгим и добрым. Он вел себя так, чтобы всем угодить и поддержать мир и разговаривал с людьми с огромной живостью»²⁵⁶.

Несмотря на огромные сложности, с которыми Тальену пришлось преодолевать в Эндр и Луаре, он успешно справился с заданием: распространение Вандейского восстания на Турень удалось предотвратить. Косвенным признанием Конвентом его заслуг стало назначение в новую, еще более ответственную миссию, на сей раз в Бордо, столицу департамента Жиронда, сердце «федералистского мятежа».

²⁵⁶ *Mercier du Rocher A. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de Vendée. Loudéac, 1989. P. 180.*

§ 4. Миссия в Бордо

Деятельность Тальена в Бордо, где он находился в качестве комиссара Конвента с августа 1793 г. по март 1794 г.²⁵⁷, привлекала внимание многих историков. Именно ссылаясь на этот эпизод его биографии, как в зарубежной, так и в отечественной историографии его обычно характеризовали как коррупционера и одного из активнейших проводников политики Террора²⁵⁸. Считается также, что миссия в Бордо стала во многом определяющей и для последующей политической деятельности Тальена. Некоторые историки²⁵⁹ утверждали, что именно встреченная им в Бордо испанка Тереза Кабаррюс побудила его отказаться от прежнего радикализма, а затем принять участие в термидорианском перевороте. Другие считали причиной участия Тальена в перевороте угрозу подвергнуться преследованию за коррупцию, якобы практиковавшуюся им в период бордоской миссии: дескать, опасаясь разоблачений за взятки, которые, как предполагалось, он брал у осужденных за спасение им жизни, он и решил первым нанести удар²⁶⁰.

Прежде, чем перейти к рассмотрению собственно миссии Тальена в Бордо, следует несколько слов сказать об ее предыстории. Противостоявшая монтаньярам в Конвенте «партия» потому и получила в исторической литературе XIX в. название «жирондисты», что ее наиболее яркие ораторы – П.В. Верньо, М.-Э. Гаде, Ж.-Ф. Дюко и А. Жансоне – являлись депутатами от департамента Жиронда²⁶¹. Административным центром Жиронды был город Бордо. Жители его по мере нарастания остроты противоборства между

²⁵⁷ См.: *Зайцева Д.В.* Миссия народного представителя Ж.-Л. Тальена в Бордо 1793-1794 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История» 2018. Вып. 10 (74) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1/> (дата обращения: 08.01.2021). DOI: 10.18254/S0002430-2-1

²⁵⁸ *Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб., 2003; *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983; *Тэн И.* Происхождение современной Франции. Т. 3. СПб., 1907; *Gabory E.* Les guerres de Vendée. P., 2009; *Mathiez A.* La Révolution française. Т.3. P., 1985.; *Sonolet L.* Madame Tallien. P., 1909; *Vovelle M.* La Révolution française. P., 1992; *Martin J.-C.* Nouvelle histoire de la Révolution française. P., 2012.

²⁵⁹ *Charles-Vallin T.* Op. cit., *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. Т. 10. P., 1867; *Saurel L.* Le jour où finit la Terreur. P., 1962.

²⁶⁰ *Киселёва Е.В.* Миссия Марка-Антуана Жюльена в Бордо (1794 год) // Французский ежегодник 1972. М., 1974. С. 136; *Добролюбский К.П.* Термидор: очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794-1795 гг. Одесса, 1949; *Собуль А.* Первая республика (1792-1804). М., 1974.

²⁶¹ См.: *Soboul A.* Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989. P. 503.

монтаньярами и жирондистами активно высказывались в поддержку своих представителей. Так, 9 мая секции Бордо составили обращение к Конвенту, призвав его избавиться от пагубного влияния Парижской коммуны и мятежников²⁶². Вскоре в столицу отправилась делегация из Бордо с целью передать Конвенту обращение жителей города, в котором бордосцы угрожали отправить в Париж собственную национальную гвардию и «спасти своих представителей или же погибнуть на их могилах», а также требовали скорейшего принятия конституции²⁶³. На заседании Конвента 14 мая один из членов делегации, бордосский адвокат П.-Г. Дювиньо зачитал это обращение, которое произвело на депутатов сильное впечатление²⁶⁴. Вскоре после этого мэр Парижа Жан-Николя Паш отправил в Бордо издевательское, по словам историка А. Виви²⁶⁵, письмо с заверениями, что жители Бордо при желании могут в большом количестве прийти в Париж, чтобы защитить своих депутатов, а «парижане примут их с братскими чувствами, которых они со своей стороны наверняка заслуживают»²⁶⁶.

Организованное Коммуной Парижа выступление плебса 31 мая – 2 июня 1793 г. привело к изгнанию жирондистов из Конвента²⁶⁷. Узнав о происшедшем, Бордо всколыхнулся. Уже 9 июня была создана Народная комиссия общественного спасения Жиронды из 50 человек, члены которой поклялись «вести вечную войну с тиранами, предателями и анархистами»²⁶⁸ и заявили, что будут принимать все возможные меры для того, чтобы «остановить продвижение анархии» и «действенно сражаться с любой тиранией»²⁶⁹. Помимо Бордо, протест против совершенного 31 мая – 2 июня насилия над народным представительством в той или иной форме выразили и многие другие департаменты. Конвент, где теперь доминировали монтаньяры, обвинил

²⁶² Vivie A. Histoire de la Terreur à Bordeaux. T. 1. Bordeaux, 1877. P. 217.

²⁶³ Moniteur. 1793. 16 mai. P. 2.

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Vivie A. Op. cit. P. 220.

²⁶⁶ Moniteur. 1793. 4 juin. P. 2.

²⁶⁷ Подробнее см.: Гордон А.В. Падение жирондистов. М., 1988.

²⁶⁸ Lacape H. Op. cit. P. 58.

²⁶⁹ Arrêté de la Commission populaire de salut public du département de la Gironde. P. 3.

протестующих в «федералистском мятеже» и отправил в регионы своих комиссаров с чрезвычайными полномочиями. В Жиронду 19 августа поехали Ж.-Б. Трельяр, Ж.-Б.-Ш. Матьё, К.-А. Изабо, М.А. Бодо, Г. Шодрон-Руссо.

23 августа 1793 г. новым декретом Конвента в дополнение к ранее уехавшим в миссии депутатам были отправлены в департаменты еще 18 народных представителей для организации рекрутского набора в армию. Этим «проконсулов» наделяли неограниченными полномочиями: им вменялось в обязанность организовать набор и отправку в армию новобранцев таким образом, чтобы вооруженные граждане прибывали на сборный пункт по мере того, как туда будут доставляться в необходимом количестве продовольствие и военные припасы. Этим-то декретом в Жиронду и направили Тальена, который должен был присоединиться к уже находившимся там депутатам²⁷⁰.

Бордо, куда 5 сентября²⁷¹ прибыли Тальен и его коллеги, был богатым городом. Расположенный на побережье океана, он являлся одним из тех «гигантских портов»²⁷², через которые шла атлантическая торговля, принадлежавшая в XVIII в. к числу наиболее динамично развивавшихся отраслей французской экономики²⁷³. Процветавший до Революции, с относительно стабильной местной элитой, он многое потерял во время революционных преобразований, а теперь еще стал и одним из центров «федералистского мятежа»²⁷⁴. Командированные в Жиронду депутаты Конвента должны были обеспечить подавление этого движения.

Как и во многих других городах, в первые годы Революции в Бордо возникли разнообразные политические клубы, многое позаимствовавшие от салонов и философских обществ последних лет Старого порядка, где обычно

²⁷⁰ Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 6. P., 1893. P. P. 72-74.

²⁷¹ Ibid. P. 289.

²⁷² Gallinato B. Les corporations à Bordeaux a la fin de l'Ancien Régime : vie et mort d'un mode d'organisation du travail: Thèse. Bordeaux, 1992. P. 16.

²⁷³ Чудинов А.В. Старый порядок во Франции и его крушение. СПб., 2017. С. 14; Forrest A. The Death of the French Atlantic: Trade, War, and Slavery in the Age of Revolution. Oxford, 2020.

²⁷⁴ Бовыкин Д.Ю. Доклад Комитету общественного спасения (миссия М.-А. Жюльена в Бордо) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2002. Вып. 2. С. 15

обсуждались текущие события²⁷⁵. Все эти формы социальной коммуникации отличались от традиционных мест общения тем, что это были «частные объединения индивидов, разделявших общие вкусы, ценности, идеи и мечты. Эти новые формы, распространившиеся в Европе и в американских колониях, были весьма разнообразны, но повсюду представляли собой альтернативу семье, церкви, профессиональным корпорациям и придворному сообществу – то есть тому, что служило опорой иерархизированного и патриархального старого уклада»²⁷⁶. Первым, еще в 1789 г., в Бордо появился Клуб Национального кафе, который позже стали называть просто Национальным клубом. Именно он в дальнейшем станет одним из активных проводников политики монтаньяров в этом городе²⁷⁷. В выпускаемой им газете Клуб провозглашал своей главной целью стремление «оживить общественный дух, помешать осуществлению заговоров, губительных для свободы, просветить добродетельных, но малообразованных граждан и привести их к вершине Революции»²⁷⁸.

В 1790 г. в Бордо открылось Общество друзей Конституции. Оно стало, по выражению местных историков-краеведов, «колыбелью жирондистов»²⁷⁹, откуда вышли Верньо, Гаде, Жансонне и ряд других известных политических деятелей. Первое время между двумя клубами не было острых противоречий, а их отношения можно было назвать дружескими. Разрыв случился вскоре после событий 10 августа 1792 г., когда Общество друзей Конституции воспротивилось предложению Национального клуба учредить Центральный комитет постоянных секций Бордо.

Существовали в Бордо и другие клубы, такие как Общество ревнителей Конституции, Патриотическое общество или клуб Милосердия. Женщины не остались в стороне и учредили собственное Общество подруг Конституции. Все

²⁷⁵ Forrest A. Society and politics in revolutionary Bordeaux. Oxford, 1975. P. 62.

²⁷⁶ Гудман Д. Социальные связи и формы общения // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 259.

²⁷⁷ Бовыкин Д.Ю. Доклад Комитету общественного спасения (миссия М.-А. Жюльена в Бордо)... С. 17.

²⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 465. Л. 1–2.

²⁷⁹ Bordeaux au XVIIIe siècle / Sous la dir. de F.-G. Pariset. Bordeaux, 1968. P. 390.

эти клубы и общества призваны были поддерживать революционный пыл в городе. В противовес им возникли контрреволюционные объединения, такие как Монархический клуб, Клуб беспристрастных и Общество молодежи Бордо, которые, правда, к 1793 г. уже прекратили свою деятельность²⁸⁰.

Отправляя своих депутатов в Жиронду для подавления «федералистского мятежа», Конвент поставил перед ними задачу решительно бороться со всеми «негодьями, которые хотели сделать из Бордо новый Лион»²⁸¹. Кроме того, Тальен должен был обеспечить призыв новобранцев во исполнение декрета 23 августа 1793 г. о массовом наборе в армию и решить проблему нехватки продовольствия в Бордо, возникшую из-за того, что соседи не хотели более кормить жителей «мятежного города, которые не признают ни Конвент, ни принимаемые им законы»²⁸².

Тальен, прибыв с коллегами в Жиронду, остановился в небольшом городке Ла-Реоль близ Бордо. Жители же самой столицы департамента не желали видеть в своем городе комиссаров из Парижа. Стремясь прежде всего наладить снабжение, Тальен вместе с депутатами Пине и Паганелем издал 7 сентября 1793 г. постановление, обратившись к жителям департаментов, соседствующих с Жирондой, и попросив их поделиться продовольствием. Депутаты заявили, что основная масса жителей Бордо не повинна в мятеже, который инициировала небольшая группа «вероломных людей», «главарей заговора», на время сумевших обмануть бордосцев. Но те «уже открыли глаза и скоро низвергнут идолов, которых превозносили»²⁸³. Однако призывы народных представителей, очевидно, не дали желаемого результата, поскольку на протяжении всей миссии Тальена население Бордо продолжало страдать от нехватки продовольствия. По его собственным словам, в то время «каждый человек ограничивался одной порцией, состоящей из четырех унций отвратительнейшего хлеба. Зачастую не

²⁸⁰ Ibid. P. 388-389.

²⁸¹ Цит. по *Mathan A., de. Mémoires de Terreur: l'an II à Bordeaux. Bordeaux, 2002. P. 33.*

²⁸² *Lacape H. Op. cit. P. 58.*

²⁸³ AN. AF II. 96. F. 22.

хватало даже его и приходилось заменять его рисом или каштанами»²⁸⁴.

Впрочем, не рассчитывая на добрую волю граждан соседних департаментов, Тальен послал копию постановления от 7 сентября в Комитет общественного спасения. Эта мера оказалась более действенной: депутаты, ознакомившись с данным документом, приняли решение отправить на Юго-Запад своих агентов, чтобы надлежащим образом повлиять на общественное сознание. Кроме того, Комитет также постановил прислать в близлежащие города Тоннен и Ла-Реоль необходимые оружие и снаряжение для формирования воинского контингента в 4 тыс. чел. и выделить народным представителям на эти нужды 1 млн ливров²⁸⁵.

Не дожидаясь помощи из Парижа, Тальен с коллегами отправился в город Ажен департамента Ло и Гаронна, чтобы провести реквизиции и хотя бы отчасти решить проблему продовольствия, а заодно осуществить там «чистку» местных властей. Та же операция была проведена и в городке Ла-Реоль. Оттуда 2 октября 1793 г. Тальен написал матери, сообщив, что, находясь вдали от нее, он «подавлен работой, усталостью, печалью, болью, не имея никого, кому можно было бы доверить свои печали, окруженный шпионами и, быть может, убийцами, обремененный труднейшей и сложнейшей миссией, которая поглощает все время»²⁸⁶.

В тот же день, 2 октября, Тальен и Изабо отправили в Комитет общественного спасения письмо, в котором докладывали обстановку: «Нынешний временный муниципалитет состоит из 56 депутатов от секций, среди которых едва ли найдется 15 признанных патриотов. Остальные – шайка интриганов, назначенных дурными секциями с намерением помешать продвижению революции». Комиссары также сообщали о затруднениях, связанных с нехваткой продовольствия: «Обыски на дому для поисков зерна и муки были совершены с немислимой халатностью. Наши постановления об

²⁸⁴ Eclaircissements véridiques de Tallien en réponse aux Eclaircissements nécessaires de Collot, ancien membre du Comité de Salut Public. P., s.d. P. 4.

²⁸⁵ Цит. по *Lacape H.* Op. cit. P. 61.

²⁸⁶ *Tallien T.* Cahiers de souvenirs. Цит. по *Charles-Vallin T.* Op. cit. P. 10.

обеспечении Бордо продовольствием остаются неисполненными»²⁸⁷. Народные представители писали, что обратились за помощью к министру внутренних дел, чтобы тот объяснил им, как снабдить Бордо на грядущую зиму, поскольку в «некоторых частях Юга урожай был более чем незначительным». В письме подчеркивалось, что продовольствия, полученного за счет проводимых ими реквизиций, едва хватает на то, чтобы удовлетворить каждодневные потребности в пропитании. Усложняло ситуацию то, что местные жители, стремясь избежать реквизиций, закапывали пшеницу в землю. Тальен и Изабо сообщили, что накануне в гавани Сент-Мари была задержана лодка со старой пшеницей, «которая долго пролежала под землей»²⁸⁸.

8 октября Изабо отправил в Комитет общественного спасения письмо, в котором сообщил, что Тальен уехал с отрядом кавалеристов, чтобы арестовать нескольких заговорщиков. По словам Изабо, только что были арестованы несколько человек: «бывший депутат Дюшастель, секретарь Бриссо, некий испанец по имени Марчена и еще один беженец из Кальвадоса с женой Пюизе». Он пообещал, что задержанные будут доставлены в Париж, чтобы предстать перед Революционным трибуналом, если Комитет не пришлет приказа об обратном. В постскриптуме письма говорилось, что Тальен только что вернулся из своей поездки, в которой ему «если и не удалось арестовать главных преступников, то, во всяком случае, получилось возродить общественный дух и обновить несколько порочных администраций». К письму также прилагалась копия изданного комиссарами постановления от 7 октября, который временно приостанавливал отправку любых (как французских, так и иностранных) кораблей из порта Бордо для того, чтобы местные богачи не могли переправить свои состояния за границу²⁸⁹.

Спустя несколько дней, 11 октября, Тальен из Ла-Реоля отправил в столицу ряд постановлений, которые он принял во время поездки по дистрикту Либуэн.

²⁸⁷ Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 7. P., 1894. P. 191.

²⁸⁸ Ibid. P. 192.

²⁸⁹ Ibid. P. 308-309.

Посетовав на то, что ему не удалось обнаружить бывших депутатов-заговорщиков, которые, по его мнению, всё еще скрывались в Бордо или его окрестностях, он, тем не менее, заверил коллег в том, что «не терял времени даром». По его словам, «дистрикт, муниципалитет, суды – всё было поражено роялистской заразой, федералистами и сторонниками Народной комиссии. Я их сместил с должностей, арестовал и заменил на истинных санкюлотов. Были проведены обыски, иностранцы и мюскадены разоружены, а их оружие передано в руки тех, кто более достоин его носить. Я не ограничился одними лишь поездками по городам, а проехал также и по сельской местности, побывал в замках, откуда вывез оружие, сжег и разрушил всё, что напоминало о феодализме. Беспольные железо, свинец и медь были изъяты и немедленно отправлены на национальные плавильни. Добрые земледельцы с радостью и с самыми искренними братскими чувствами приняли маленькую революционную армию, которую я привел с собой. Повсюду нас встречали многократные возгласы "Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!". Патриоты, к которым снова вернулся энтузиазм, чествовали нас, а аристократы, трепеща, попрятались в свои логова».

Тальен также поблагодарил Национальный Конвент за «прекрасный декрет», который тот только что издал против 42 заговорщиков²⁹⁰, заявив, что об этом давно просили все добрые жители Жиронды. Завершил он своё послание полным воодушевления пассажем: «Прощайте, дорогие коллеги! Я сажусь на лошадь и отправляюсь охотиться на жирондистов. Давайте помогать друг другу; пусть монтаньяры ладят между собой, и тогда Республика будет спасена»²⁹¹.

Однако письма комиссаров были восприняты в столице скептически. 13 октября Ж.-М. Колло д'Эрбуа и Ж.-Н. Бийо-Варенн от имени Комитета общественного спасения отправили Тальену и Изабо письмо, в котором выразили недовольство теми мерами, которые предприняли народные

²⁹⁰ Речь идет о декрете от 3 октября 1793 г., которым Конвент объявил об обвинении в заговоре против единства и неделимости республики, против свободы и безопасности французского народа 42 депутатов.

²⁹¹ Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 7. P., 1894. P. 368-369.

представители в Жиронде. Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн упомянули о капитуляции Лиона, заявив, что это «пример, поданный всем мятежным и федералистским городам, и который должен стать в ваших руках самым мощным оружием, чтобы заставить Бордо вернуться в строй. Тем более, что ошибка, допущенная представителями народа, которые так медленно руководили осадой Лиона, не должна быть повторена вами!». Представители Комитета общественного спасения сочли, что Изабо и Тальен слишком затягивают с принятием мер против Бордо: «Пришло время действовать, а не вечно размышлять, имея в своем распоряжении войска и генерала, достойного вашего доверия. Быстрое вторжение во главе мощной армии в более чем подозрительный город – единственный способ утвердить Республику». За этим последовало указание прежде всего провести всеобщее разоружение и полную чистку всех существующих властей, а также обнародовать декрет, касающийся капитуляции Лиона. Завершалось письмо постскриптумом, написанным рукой Робеспьера: «Сурово и без промедления накажите предателей и роялистов, особенно главарей и основных соучастников жирондистских и контрреволюционных интриг; не доверяйте свидетельствам патриотизма, которые они выказывают. <...> Только очистив логово контрреволюции и лицемерия, вы сможете избавить Республику от новых бедствий, которые все еще угрожают ей на Юге»²⁹².

5 сентября 1793 г. Конвент под давлением Коммуны Парижа принял декрет о создании в столице «революционной армии», которая должна была стать мощным инструментом внутренней политики: в ее обязанности входило «ликвидировать контрреволюционеров, проводить в жизнь везде, где это необходимо, революционные законы и декретированные Конвентом меры общественного спасения, обеспечивать снабжение продовольствием»²⁹³. Очевидно, следуя примеру столицы, 20 октября Тальен, Изабо, Бодо и Шодрон-

²⁹² Ibid. P. 397.

²⁹³ Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794. Сборник документов и материалов. / Под ред. Н.М. Лукина. М., 1927. С. 88.

Руссо приняли аналогичное постановление, согласно которому прибывшие с ними в Бордо войска вместе с батальоном бордоских санкюлотов так же провозглашались «революционной армией»²⁹⁴. Это формирование возглавил генерал национальной гвардии Гийом Мари-Анн Брюн²⁹⁵.

Представители Конвента произвели также централизацию стихийно возникших в предшествующий период чрезвычайных органов управления. Отныне все революционные комитеты секций упразднились, а взамен был основан один Революционный комитет из 24 республиканцев, чьей основной задачей было выявлять заговорщиков и бороться с подозрительными. Кроме того, в постановлении сообщалось, что в ближайшее время будет учреждена специальная Военная комиссия²⁹⁶. Уже на следующий день, 21 октября, комиссары Тальен, Изабо, Бодо и Шодрон-Руссо издали постановление о создании Военной комиссии, которая состояла из 7 членов, назначаемых народными представителями. Комиссия должна была устанавливать личности объявленных вне закона декретами Конвента, судить и выносить окончательное решение в отношении обвиняемых в заговоре против единства и неделимости Республики, вернувшихся эмигрантов, священников, не подчинившихся закону о депортации и других. В день публикации постановления были назначены семеро членов Комиссии во главе с Ж.-Б.-М. Лакомбом и было объявлено, что с этого же дня Комиссия начинает действовать.

На Муниципалитет Бордо возлагалась обязанность предоставить удобное помещение для проведения заседаний Комиссии, а Генерал Революционной армии был обязан исполнять все судебные решения Комиссии без промедления. Предварительным местом пребывания Военной комиссии был назначен Бордо, однако народные представители оставляли за собой право отправить ее в другие части департамента для наказания обнаруженных там заговорщиков²⁹⁷.

21 октября Тальен и Изабо, которые спустя полтора месяца после

²⁹⁴ AN. AF II. 170/12.

²⁹⁵ О нем см.: *Vergne M.* Le maréchal Brune: la toge et l'épée. Brive, 1996.

²⁹⁶ AN. AF II. 170/12.

²⁹⁷ Ibid

прибытия в Жиронду наконец-то смогли перебраться в Бордо из близлежащего Ла-Реоля, отправили письмо в Комитет общественного спасения в ответ на полученные ранее из столицы обвинения в нерасторопности при подавлении федералистов: «Нам не составит труда доказать, что мы не теряли ни минуты, что наш план был так хорошо рассчитан и выполнен с такой точностью, что все окрестности Бордо возвращены Республике прежде, чем мяскадены смогли что-то заподозрить». Комиссары подчеркивали, что центр федерализма и гражданской войны, «пристанище всех разбойников, лелеявших преступные надежды», удалось подчинить, не погубив жизни ни одного патриота. Народные представители уверяли коллег, что те введены в заблуждение клеветой интриганов. Еще одним аргументом Тальена и Изабо в свою защиту был следующий: «Вы считаете, что у нас мощная армия, но откройте глаза. Мы вошли в Бордо с пятнадцатью сотен пехотинцев и ста пятьюдесятью кавалеристами; других сил у нас нет. Мы откроем вам тайну, о которой здесь никто не подозревает, потому что мы многое делали напоказ: все здесь уверены, что в нашем распоряжении имеется десятитысячная армия. Как вы думаете, если бы мы не смогли склонить умы патриотов на свою сторону, могли бы мы одержать победу в городе, который еще вчера имел возможность противопоставить нам сорок тысяч вооруженных бойцов? Не лучше ли было выждать несколько дней, чем привлекать с фронта или из Вандеи столь необходимые там войска? Кроме того, необходимо было любой ценой обеспечить продовольствием Бордо, население которого, на протяжении пяти месяцев умирая от голода, готово было подчиниться первому, кто даст ему хлеба». К письму комиссары приложили постановление о только что созданной Военной комиссии и заверили коллег, что «уже с завтрашнего дня здесь будет действовать гильотина»²⁹⁸.

В тот же день, 21 октября, комиссарами было написано ещё одно письмо, на сей раз адресованное Конвенту. В нём Тальен и Изабо так описывали своё

²⁹⁸ Recueil des actes du Comité de salut public. T. 7. P. 552-553.

прибытие в Бордо: «Санкюлоты толпами выбегали нам навстречу с лавровыми ветвями в руках и сопровождали нас криками "Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!"». Также комиссары высказали просьбу санкционировать принятое ими постановление о разоружении основной части населения, заявив, что оно уже начало осуществляться и вскоре позволит снабдить санкюлотов «превосходным оружием в большом количестве». Народные представители отметили, что ими были найдены ружья с золотой отделкой, и заверили, что вскоре «золото отправится на Монетный двор, ружья – к добровольцам, а федералисты – на гильотину». Также народные представители попросили заменить название департамента Жиронда на Бек-д'Амбе, поскольку «добрые граждане» не желают называться жирондистами²⁹⁹. Конвент утвердил это решение на заседании 2 ноября³⁰⁰, и на ближайшие два года Жиронда обрела новое имя.

Однако Тальен и Изабо, не будучи уверенными, что столичные власти удовлетворятся их ответными письмами, 24 октября отправили в Париж еще одно послание, сообщая, что их присутствие в Бордо «начинает приносить отрадные результаты». По их словам, «наказание виновных началось и не закончится до тех пор, пока все лидеры заговора не понесут кару за тяжелейшие из преступлений». Они сообщили о казни Лавогиона (Lavauguyon), сопровождавшейся радостными возгласами народа, который «рукоплескал этому акту национального правосудия». Также они извещали о наказании для ещё двоих: были арестованы Биротто и Жире-Дюпре. Первый был объявлен декретом Конвента от 12 июля вне закона и подлежал казни. Второй же – бывший редактор газеты «*Le Patriote français*», друг и доверенное лицо Бриссо – должен был отправиться в Революционный трибунал Парижа. Также комиссары сообщили, что Национальный клуб, «состоящий из патриотов, достойных радетелей за дело народа, будет перемещён сегодня вечером в великолепный зал "Клуба мюскаденов и богачей", который мы закрыли». Кроме

²⁹⁹ Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 7. P., 1894. P. 554.

³⁰⁰ Moniteur. 1793. 2 novembre. P. 2.

того, народные представители продолжали разоружение, которое проходило «с величайшим успехом» и должно было позволить вооружить три новых батальона, которые отправятся к границам Испании³⁰¹.

Также Тальен и Изабо сообщали, что двумя днями ранее был казнен мэр Бордо Ф.-А. де Сэж (Saige), а вслед за ним умерла его мать. «Эта смерть сделала нацию собственником имущества более чем на 10 миллионов». На эти деньги комиссары рассчитывали закупить хлеб для бордосцев. Ещё одним источником пополнения казны были бывшие замки феодалов, которые должны были быть разрушены, а полезное имущество, обнаруженное в них использовано в интересах нации³⁰².

Между тем народные представители в Бордо продолжали активно реформировать местные власти. 1 ноября Тальен и Изабо издали постановление, заменив Наблюдательный комитет города Бордо Революционным наблюдательным комитетом из 12 членов. Его задачей было претворять в жизнь все декреты Конвента в отношении общей безопасности и подозрительных как в Бордо, так и во всем департаменте Бек-д'Амбе. Комитет имел ограниченные полномочия и не мог освободить ни одного заключенного без согласия народных представителей³⁰³. Ещё одним постановлением в тот же день народные представители учредили новый муниципалитет, состоявший из мэра, двадцати одного чиновника, прокурора коммуны, заместителя, секретаря и казначея³⁰⁴.

Новообразованная Военная комиссия отправилась в город Либурн, неподалеку от Бордо, где развила активную деятельность. 3 ноября к смерти приговорили жителя Либурна Поль-Ромэна Шаперона, за то, что он был «одним из самых рьяных членов Народной комиссии» и «своими речами и сочинениями вводил в заблуждение добрых граждан Бордо»³⁰⁵. 4 ноября Лакомб и его помощники вынесли смертный приговор ещё одному местному жителю, 38-

³⁰¹ Recueil des actes du Comité de salut public. P. 613.

³⁰² Ibid. P. 110-111.

³⁰³ AN. AF II. 171/29.

³⁰⁴ Ibid.

³⁰⁵ AN. AF II. 171/26.

летнему Жану-Батисту Ружолю, обвиненному в пропаганде «федерализма» и ведении «ужаснейших речей против отважных патриотов Конвента»³⁰⁶. В тот же день за свои взгляды поплатился жизнью 25-летний Ардуэн Траншер. Его обвинили в активной поддержке «принципов федерализма», которые он якобы желал распространить по всей Республике, для чего побывал в мятежном Лионе, попытавшись объединить усилия лионских повстанцев и заговорщиков из Бордо. Траншер признал свою вину, заявив, что все сделанное им – результат заблуждения, в которое его ввели, но запоздалое покаяние не спасло его от смерти. Молодой человек был казнен на городской площади, а его имущество конфисковано в пользу Республики³⁰⁷. Последней жертвой Военной комиссии в Либурне стал мэр коммуны Вейрак Брюдьё Богерар, приговор которому был вынесен 6 ноября. Богерару вменялся в вину обширный список преступлений, в числе которых упоминалось то, что он «недвусмысленно демонстрировал свою ненависть к свободе; использовал все возможные средства, чтобы ввести в заблуждение своих сограждан и заставить их сожалеть о последнем французском короле; приложил все усилия, чтобы побудить соседние коммуны принять деструктивные принципы единства и неделимости республики»³⁰⁸.

Однако наиболее распространенными мерами наказания, которые выносила Военная комиссия обвиняемым в аристократизме, модерантизме³⁰⁹ и роялизме³¹⁰, были штраф и изъятие имущества в пользу Республики и санкюлотов вкупе с заковыванием в кандалы. Всего же в ходе одиннадцатидневной «либурнской» экспедиции было вынесено 60 приговоров³¹¹.

11 ноября в письме Комитету общественного спасения с отчетом о деятельности Военной комиссии в Либурне Тальен и Изабо сообщили, что последняя работает вполне успешно. Они упомянули, что за несколько дней

³⁰⁶ AN. AF II. 171/16.

³⁰⁷ AN. AF II. 171/17.

³⁰⁸ Ibid.

³⁰⁹ AN. AF II. 170/24.

³¹⁰ AN. AF II. 170/25.

³¹¹ *Berriat-Saint-Prix C. La justice révolutionnaire : A Paris, Bordeaux, Brest, Lyon, Nantes, Orange, Strasbourg: D'après les documents originaux. P.,1861. P. 162.*

Военная комиссия приговорила четырех лидеров «федералистов» к гильотине, осудила ряд виновных на другие наказания, а также приняла постановления о конфискации и штрафах в пользу Республики. Комиссары просили передать военному министру, который постоянно требовал у них предоставить оружие, что они собираются отправить полторы тысячи ружей в Тулузу для армии, предназначенной для захвата Тулона, и столько же в Байонну для армии Западных Пиренеев. Вместе с тем народные представители выражали опасение, что после этого у них самих останется совсем мало ружей³¹².

За два с половиной месяца пребывания в Жиронде, Тальену и его коллегам удалось несколько улучшить снабжение департамента продовольствием, поэтому 18 ноября ими было принято следующее постановление: «Принимая во внимание, что опасность федерализма миновала, что некоторые из предателей, которые ввели в заблуждение Бордо, подверглись справедливому наказанию, пора прекратить меры суровой экономии, ранее казавшиеся необходимыми»³¹³.

Несмотря на систематические отчеты Тальена и его коллег о производимых арестах и казнях, масштаб репрессий в столице Жиронды не удовлетворял Комитет общественного спасения. Последний в ответном письме Тальену и Изабо обвинил их в «недостойной революционеров слабости принципов», из-за которой «чудовища, опороченные роялизмом, сообщники федералистов, контрреволюционеры избежали топора, коего заслуживали их преступные головы». Комитет также выказал крайнее недовольство многочисленными штрафами, выразив недоумение тем, как можно было допустить такой разгул модерантизма, и пригрозил причислить Тальена и Изабо к соучастникам этих преступлений³¹⁴. Действительно ли Тальен и его коллега Изабо проявляли «чрезмерный гуманизм», неуместный для монтаньяров? Если сравнивать их деятельность с тем, что делали Ж. Фуше и Ж.-М. Колло д'Эрбуа в Лионе, где «контрреволюционеров» сотнями расстреливали картечью³¹⁵, или с деяниями

³¹² Recueil des actes du Comité de Salut public. Т. 8. Р., 1891. Р. 344-345.

³¹³ РГАСПИ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 497. С. 68.

³¹⁴ Recueil des actes du Comité de Salut public. Т. 8. Р. 345.

³¹⁵ *Генифе П.* Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003. С. 216.

Ж.-Б. Каррье в Нанте, где счет утопленных и расстрелянных шел на тысячи³¹⁶, то придется на этот вопрос ответить утвердительно. Однако все эти факты массовых репрессий или, как определил их французский историк П. Генифе, истребления политических противников³¹⁷, имели место в более поздний период. В тот же момент, в октябре 1793 г., масштаб репрессий в Бордо были вполне соразмерен тому, что происходило и в других недавно замиренных городах. Так, в покоренном Лионе комиссар Конвента и член Комитета общественного спасения (!) Ж. Кутон, тоже свел репрессии к минимуму, исходя из оглашенного им принципа «нельзя обращаться с департаментами, как с побежденными странами»³¹⁸. А ведь Лион, в отличие от Бордо, находился ранее в состоянии открытого мятежа и несколько месяцев сражался против войск Республики. Тем не менее, Кутона в «модерантизме» никто не обвинял. Очевидно, дело было не в масштабе репрессий, а в личности того, кто за них отвечал. Кутон являлся близким другом и сподвижником Робеспьера, игравшего ведущую роль в Комитете общественного спасения. Тальена же, как мы ранее видели, Робеспьер давно не любил за его амбиции, а потому, скорей всего, и воспользовался подходящим предлогом, чтобы лишний раз поставить слишком независимого и самоуверенного молодого человека на место.

В ноябре 1793 г. произошло важнейшее в жизни Тальена событие – он познакомился с испанкой Терезой Кабаррюс. Эта дочь влиятельного государственного деятеля и банкира Франсиско Кабаррюса, бывшая супруга маркиза де Фонтене, сразу после развода отправилась на родину, опасаясь стать жертвой набравшей обороты Революции. Её путь пролегал через Бордо, однако из-за проблем с документами она не могла пересечь границу и застряла в мятежном городе. В конце ноября ее заключили в тюрьму. Точные причины этого не известны. Оказавшись за решеткой, предприимчивая испанка обратилась к Тальену за помощью³¹⁹. Привлекательная молодая женщина умела

³¹⁶ *Secher R. La Vendée-Vengé: le génocide franco-français. P., 2006. P. 153.*

³¹⁷ *Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М., 2003. С.*

³¹⁸ *См.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 217-218.*

³¹⁹ *Bertaut J. Madame Tallien. P., 1946. P. 73.*

кружить головы мужчинам, и молодого комиссара Конвента эта участь не миновала. Тальен влюбился в Терезу. Позднее именно с этим фактом историки и будут связывать радикальные перемены в той политике, которую Тальен проводил в Бордо, считая, что именно Тереза убедила его отказаться от террора: она, мол, умело обволакивала своими чарами «тигра, жаждущего крови <...> и тигр, мало-помалу, спрятал свои когти»³²⁰.

Такого мнения, к примеру, придерживался французский историк XIX века О. Виви, посвятивший двухтомное исследование истории Террора в Бордо. Он полагал, что работу революционного трибунала в этом городе можно разделить на три периода, совершенно разных по результатам: первый – со 2 октября по 16 декабря 1793 г., второй – с 17 декабря 1793 г. по 2 апреля 1794 г., третий – с 3 апреля по 3 июля 1794 г. В первый период, по его словам, «трибунал работал с горестной активностью, смертные приговоры были частыми, оправдательные – довольно редкими, это был период, когда важно было нанести удар по мятежному городу и подавить его посредством террора». Виви отмечал, что постановление от 6 августа исполнялось достаточно строго, народные представители «были обязаны дать гарантии якобинцам и Конвенту и обеспечить победу Горы в столице федерализма»³²¹.

Согласно Виви, в течение второго периода Террор претерпел изменения и стал более мягким, когда Тальен познакомился с Терезой Кабаррюс и попал под ее влияние. В это время «кровавая работа Военной комиссии несколько замедлилась, и среди неописуемых несчастий наших отцов посетил луч надежды»³²². Однако к этому утверждению, выдержанному в духе той устоявшейся историографической традиции, которая связывала ослабление репрессий в Бордо с умиротворяющим влиянием прекрасной испанки на Тальена, следует отнестись с известной осторожностью. Как мы видели, Тальен с самого начала своей миссии в столицу Жиронды проявлял сдержанность в

³²⁰ Ferrus M. Madame Tallien à Bordeaux pendant la Terreur. Bordeaux, 1933. P. 457.

³²¹ Vivie A. Histoire de la Terreur à Bordeaux. Bordeaux, 1877. Т. 1. P. 73.

³²² Ibid.

репрессиях или, по определению членов Комитета общественного спасения, «модерантизм», избегая большого кровопролития. Как бы то ни было, третий период террора в Бордо – с 3 апреля по 30 июля 1794 г., который Виви считает самым жестоким и кровавым, имел место уже после отъезда Тальена в Париж³²³.

Исследовательница М.-Э. Буркен приводит данные, свидетельствующие о сравнительно небольшом масштабе репрессий в Жиронде. По ее сведениям, в период деятельности Военной комиссии с 23 октября 1793 по 31 июля 1794 г. в департаменте Бек д'Амбе перед ней предстали 898 человек. Из них 302 (33,6%) были осуждены на смерть (для сравнения, за этот же период в департаментах Нижняя Луара – 3548, Мен и Луара – 1886, Рона – 1880, Вандея – 1616, в Париже – 2639,); 376 человек (42%) – оправданы; 220 человек (24,4%) приговорены к тюремному заключению, штрафу или сразу к двум этим наказаниям³²⁴. На этом фоне встречающиеся в отечественной историографии утверждения о том, что Тальен был «свирепым и продажным палачом Бордо»³²⁵, выглядят совершенно оторванными от исторических реалий.

Счастье Тальена от встречи с великолепной Терезой было омрачено горестной вестью из дома – у него умер отец. 30 ноября Тальен отправил в Комитет общественного спасения письмо с просьбой. Он подчеркнул, что практически не появлялся в Конвенте и в Париже на протяжении девяти месяцев, выполняя самые трудные и важные миссии. Ради пользы Республики он покинул «умирающего отца и несчастную мать», а теперь в его семье случилось несчастье: «Я только что потерял своего уважаемого отца: тоска из-за моего отсутствия и беспокойство о моей судьбе погубили его, моя безутешная мать осталась одна, мои дела заброшены, а часть скромного состояния, владельцем которого я стал, теперь потеряна из-за моего отсутствия». Тальен просил у Комитета разрешения приехать в Париж на две

³²³ Ibid. P. 73-74.

³²⁴ *Bourquin M.-H.* Monsieur et Madame Tallien. P., 1987. P. 171.

³²⁵ *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 731.

недели, заверив, что в ближайшие дни в Бордо приедет коллега Бриваль, который заменит его на время поездки в столицу³²⁶. Однако Комитет его просьбу не удовлетворил.

11 декабря Комитет общественного спасения потребовал, чтобы народные представители оказали помощь республиканцам, осаждающим Тулон: «Пусть Бордо предоставит оружие, а Тулуза и соседние города – людей». Комитет требовал, чтобы комиссары без малейшего промедления отправили в Тулон 10 тысяч ружей³²⁷. Изабо и Тальен не имели возможности выполнить постановление Комитета и вместо ружей предложили послать хорошо вооруженный и снаряженный полторатысячный революционный батальон, полностью состоящий из граждан Бордо³²⁸.

Тем временем борьба с федералистами продолжалась. 22 декабря комиссары отчитались о том, что накануне ими был арестован бывший депутат Гранжнев (*Grangeneuve*). Та же участь постигла брата Гранжнева, а также члена Народной комиссии, торговца по имени Бужак (*Bujac*) и крупного спекулянта и федералиста Дагюзана (*Daguzan*). К этим известиям комиссары присовокупили новость о собранных ими средствах для Республики: «Горожане спешат добровольно принести на Монетный двор церковное серебро, а также то, что принадлежит им самим. Взносы уже составляют более 20 000 франков. Денежные пожертвования огромны, мы передадим их вам». Также они сообщали о непрекращающихся трудностях со снабжением департамента продовольствием. Народные представители отмечали, что им удалось создать небольшой запас продуктов благодаря помощи соседних департаментов, а также разумной экономии при распределении припасов. Комиссары сообщали, что граждане «потребляют пол-фунта хлеба в день и переносят подобное сокращение рациона с терпением и радостью, которые присущи свободным людям»³²⁹.

³²⁶ Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 9. P., 1891. P. 70-71.

³²⁷ Ibid. P. 327.

³²⁸ Ibid. P. 453.

³²⁹ Ibid. P. 591-592.

Следует отметить, что современник Тальена, журналист и историк Л.-М. Прюдом выдвигал версию, согласно которой упомянутые денежные пожертвования были частично присвоены Тальеном. По его словам «некоторые люди находили источник его богатства в сборе серебряных изделий, изъятых из церквей и у частных лиц Бордо». Однако ни имен этих людей, ни каких-либо ссылок на источники историк в тексте не привел. Кроме того, Прюдом скрупулезно подсчитал доходы народного представителя и в качестве доказательства незаконного обогащения Тальена он упомянул его отчет от 20 мая 1794 г., где народный представитель указал потраченную за время миссии сумму в 20037 ливров, из которых 20000 ливров ему были выданы правительством. Компенсации оставшихся 37 ливров, израсходованных из собственного кармана, Тальен не стал требовать от властей. Прюдом счел этот факт странным и сыронизировал, заявив, что «если бы все депутаты представляли свои счета с точностью до 37 ливров, государственная казна не была бы в том состоянии, в котором она ныне находится». Ниже Прюдом добавил, что Тальен не включил в этот отчет некие средства, «которые он получил в Ла-Реоле, Бордо и других местах на секретные расходы»³³⁰, однако никаких свидетельств получения Тальеном этих средств он не привел.

4 декабря (14 фримера по революционному календарю) был принят декрет о революционном порядке управления. Он был призван сократить объем полномочий у властей в департаментах и усилить централизацию³³¹. 31 декабря Тальен и Изабо в письме Комитету общественного спасения сообщили, что несмотря на то, что, согласно новому закону, они должны упразднить Продовольственный комитет, Наблюдательный комитет и Военную комиссию в Бордо, они пока этого не сделали. Народные представители объясняли свое решение тем, что эти три учреждения оказывают им существенное содействие, и без них восстановление порядка в Бордо может быть поставлено под

³³⁰ Prudhomme L.-M. Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française. Т. 5. P., 1797. P. 449-450.

³³¹ Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794. Сборник документов и материалов. / Под ред. Н.М. Лукина. М., 1927. С. 80.

угрозу³³². Представители просили Комитет разрешить временно сохранить эти учреждения. Не получив ответа, комиссары 9 января 1794 г. продублировали свою просьбу Комитету: «Мы по-прежнему с нетерпением ждем вашего ответа касательно затруднений, которые мы вам изложили, в отношении выполнения постановления от 14 фримера. Военная комиссия, Наблюдательный комитет и Продовольственный комитет оказывают общественному благу ежедневное содействие, достаточное для того, чтобы сохранить их еще какое-то время в том виде, в каком они существуют»³³³.

Комитет остался крайне недоволен подобной просьбой и в ответном письме от 3 февраля призвал комиссаров «задуматься о катастрофических последствиях» такого решения. Члены Комитета, адресовавшие письмо комиссарам, подчеркнули, что подобная ситуация губительна, поскольку, оказавшись между двумя властями, которые необходимо уважать, – властью Конвента и властью народных представителей, – местные власти оказываются в затруднении, не зная, кому из них подчиняться. Кроме того, постоянная приостановка действия постановлений может бросить тень на Национальный Конвент и снизить общественное доверие³³⁴. Однако ещё до получения этого письма комиссары решились исполнить закон 14 фримера. В своем отчете от 5 февраля они сообщили о только что произведенном роспуске Наблюдательного комитета Бордо и аресте его членов: «Пришло время нанести этот удар. Несколько интриганов проскользнули в этот комитет и под маской патриотизма преследовали лучших из патриотов, сея повсюду уныние и ужас. <...> Мы подумали, что Конвент справедливо обвинит нас, если мы позволим унижать национальное представительство»³³⁵.

Когда письмо с выговором от Комитета наконец дошло до адресатов, Тальен был вынужден оправдываться. 13 февраля он написал столичным коллегам, что с печалью прочитал их упреки: «Мы не думаем, что заслужили

³³² Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 9. P., 1891. P. 786.

³³³ Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 10. P., 1891. P. 146.

³³⁴ Ibid. P. 643.

³³⁵ Ibid. P. 717-718.

это; наше поведение в важной миссии, которую вы нам доверили, должно было доказать, что мы скрупулезно соблюдаем ваши постановления. Если мы немного отложили введение революционного правления, то лишь потому, что опасались неудобств для общества, которые могли впоследствии».³³⁶

Положение комиссаров в Бордо становилось всё более сложным. Меры, предпринимаемые Тальеном и его коллегами раз за разом вызывали критику со стороны Комитета общественного спасения. Кроме того, всё чаще распространялись слухи о взяточничестве Тальена. Для выяснения того, что происходило в Бордо за время миссии Тальена, туда, по решению Комитета общественного спасения, был отправлен 19-летний Марк Антуан Жюльен, сын депутата Конвента. Жюльен достаточно рано включился в политическую деятельность, оказавшись под покровительством Робеспьера и до последнего оставаясь его верным приверженцем³³⁷. Согласно постановлению Комитета общественного спасения от 10 сентября 1793 г. Жюльен в качестве агента Комитета должен был последовательно посетить Гавр, Шербур, Сен-Мало, Брест, Нант, Ла-Рошель, Рошфор и Бордо, чтобы собирать информацию о состоянии умов, поддерживать общественную активность и народные общества, просвещать людей, выявлять внутренних врагов, препятствовать их заговорам и при этом непрерывно извещать Комитет обо всем. Он должен был представляться народным представителям в миссиях на местах и следовать их инструкциям. Он мог запрашивать в случае необходимости помощь у официальных властей и правоохранительных органов, но только после официального согласия на то представителей³³⁸.

После успешного выполнения миссий в Пиренейской армии и Нанте, Жюльен отправился в Бордо. Помимо осуществления официальных обязанностей, порученных ему Комитетом общественного спасения, в его задачу входило также наблюдение за деятельностью народных

³³⁶ Recueil des actes du Comité de Salut public. Т. 11. Р. 128.

³³⁷ Погосян В.А. Марк-Антуан Жюльен и выборы VI года // Французский ежегодник 2009. М., 2009. С. 121.

³³⁸ Recueil des actes du Comité de Salut public. Т. 6. Р. 397.

представителей³³⁹. В частности, он пытался отыскать компромат на Тальена и доказать факты коррупции с его стороны.

Находясь в Бордо, Жюльен время от времени отправлял Робеспьеру отчеты о происходившем в городе и делился своими наблюдениями. В письме от 1 флореаля II года Республики Жюльен сообщал, что в целом республиканский дух в Бордо силен, республику искренне любят, а эгоизм вымирает. Вместе с тем он сетовал: жители Бордо «относятся к представителю народа как к интенданту периода Старого порядка. Проходит ли он по улицам с сопровождающими его жандармами – все снимают шляпы, рукоплещут, некоторые даже кричат: "Да здравствует спаситель Бордо!". Появляется ли он на спектакле, в клубе или на каком-либо собрании – раздаются те же самые крики. Энтузиазм и идолопоклонство в последнее время усилились, и я заметил, что сами аристократы, полагая, что придают себе вид патриотов, часто подталкивают народ к такому поведению, которое, на мой взгляд, бесчестит свободных людей»³⁴⁰.

На основе этого и ряда других фактов Жюльен сделал вывод, что народный представитель, облеченный неограниченными полномочиями, никогда не должен надолго оставаться в одном и том же месте, поскольку, если он поступает плохо, то нельзя давать ему время навредить людям своими плохими поступками; если же он действует хорошо, то стоит опасаться того, что люди привыкнут к нему до такой степени, что не в состоянии будут обойтись без него, а это чревато гибелью свободы. В том же письме Жюльен воздавал должное Изабо, который, по его словам, неустанно трудился, чтобы достойно выполнить свою миссию, и который заслуживает похвалы за свою службу Республике³⁴¹.

Среди собранных Жюльеном материалов есть жалоба некоего гражданина Лемоаля, члена администрации дистрикта Бордо и представителя

³³⁹ Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 13. P., 1891. P. 585-586.

³⁴⁰ Papiers inédits, trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. T. 3. Genève, 1978. P. 5.

³⁴¹ Ibid. P. 6.

Национального клуба. В адресованном Комитетам общественного спасения и общей безопасности мемуаре «Серьезные обвинения в адрес четырех интриганов, творивших в Бордо притеснения и всякие мерзости»³⁴² Лемоаль предупреждал, что хочет сообщить истинным друзьям народа о преступлениях и призвать их наказать интриганов³⁴³. Однако все обвинения автора этого послания относились, главным образом, к Изабо.

Также среди бумаг Жюльена, собранных во время его миссии, имеется сочинение под названием «История Бордо в течение восемнадцати месяцев, или с момента прибытия Тальена, Изабо, Бодо и Шодрон-Руссо и до конца их миссии». Автор, некий Сент-Люс-Удай (Sainte-Luce-Oudaille), в отличие от Лемоаля, хвалит народных представителей, которые «устанавливали мир», и всеми силами стремились наладить снабжение Бордо продовольствием. Автор сообщает, что после того, как Бодо и Шодрон-Руссо отправились в Париж отчитываться о проделанной работе, в Бордо остались лишь Тальен и Изабо. Они-то и занимались восстановлением торговли и обеспечением ей «необходимого роста, которого у нее уже давно не было»³⁴⁴. Народные представители, заключает Сент-Люс-Удай, «говорят на языке правды», а поведение их «полно мудрости и решительности»³⁴⁵.

Впрочем, высказывались и другие мнения. Один из жителей Бордо в письме Жюльену заявил, что ему известны факты коррупции народных представителей, и обещал «распутать клубок меркантильных интриг, которые имели место в Бордо»³⁴⁶. Так, некий Мейер, «гражданин, объявленный вне закона, отдал за возвращение под свой кров шестьдесят тысяч франков»³⁴⁷. Другие, по словам того же автора, также смогли сохранить себе жизнь и выйти на свободу, заплатив огромные суммы. Еще он сообщал, что имеет свидетельства того, что представители в миссии в Бордо зачастую брали

³⁴² РГАСПИ, Ф. 317, оп. 1, д. 498.

³⁴³ Там же. С. 2.

³⁴⁴ РГАСПИ, Ф. 317, оп. 1, д. 497. С. 65.

³⁴⁵ Там же. С. 66.

³⁴⁶ РГАСПИ, Ф. 317, оп. 1, д. 455. С. 1.

³⁴⁷ Там же.

дорогие подарки, которые им подносились тайно³⁴⁸. Однако все эти обвинения в коррупции относились исключительно к Изабо. В адрес Тальена не было сказано ни одного худого слова. Он вообще был упомянут в этом документе лишь единожды – как близкий знакомый Лемоаля, вероятно, того самого разоблачителя, о котором говорилось выше.

Судя дошедшим до нас документам личного архива Жюльена, за время своей миссии этот агент Комитета общественного спасения не нашел ни одного (!) доказательства коррупции Тальена. Или, выскажемся более осторожно, в его личном архиве таковых не сохранилось. Встречающиеся же порой в исторической литературе утверждения о том, что Жюльен-младший «раскрыл злоупотребления Тальена в Бордо»³⁴⁹, не опираются на какие-либо документальные источники. Что же касается «внезапного обогащения» молодого депутата в ходе миссии, о чем после его возвращения будут много говорить в Париже, то не надо забывать, что вернулся он оттуда отнюдь не один: его подругой стала женщина не только красивая и молодая, но и очень состоятельная. Четыре года спустя Тальен так ответит на подобные толки своим недоброжелателям: «Все знают, что злополучные времена Террора сблизили меня с женщиной, судьба которой известна. Всё, чем я обладаю, принадлежит ей. Я заявляю, что не имею в собственности ни единого су, полученного по наследству или принадлежащего государству. И я откажусь от всего своего имущества в пользу тех, кто сможет у меня его обнаружить»³⁵⁰.

Интересно, что даже мать Марка Антуана Жюльена – Розали – отзывалась о Тальене весьма благожелательно. В одном из писем сыну от 27 февраля 1794 г. она сообщает: «Я спешу взять обратно слова, которыми я тебе сообщила об отзыве Изабо и Тальена. Это – вздор, они остаются в Бордо. Они оказывают там благотворное влияние <...> Мне нравится, как они сурово карают настоящих преступников»³⁵¹.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб., 2003. С. 448.

³⁵⁰ Moniteur. 1797. 5 septembre. P. 1398.

³⁵¹ Duprat A. «Les affaires d'Etat sont mes affaires de coeur». Lettres de Rosalie Jullien, une femme dans la

Несколько дней спустя после свержения Робеспьера Тальен, выступая в Конвенте, коснется в своей речи и личности Жюльена, выразив недовольство тем, что 19-летнему юноше доверили слишком ответственную для его возраста миссию. Тальен обвинил Жюльена в самоуправстве и соучастии в репрессиях: он якобы составлял список своих будущих жертв, который потом отправил Робеспьеру³⁵². По мнению историка Лакапа, этот список не более чем выдумка Тальена³⁵³. Возможно, в нервной и противоречивой обстановке термидора II года тот просто попытался подобным образом свести счеты с тем, кого Робеспьер отправил в Бордо за его, Тальена, головой.

Тем не менее, Розали Жюльен с восторгом отозвалась в письме сыну от 30 июля 1794 г. об этом выступлении Тальена, которого назвала «истинным республиканцем». Далее она добавила: Тальен, «над головой которого в течение трех месяцев витает смерть и который вышел из логова террора, чтобы обрести новую жизнь, говорил о тебе энергично и неблагожелательно. Он не знает тебя лично и это оправдывает его в моих глазах»³⁵⁴.

Примечательно, что, отправившись с миссией в Бордо Жюльен не встречался там с Тальеном, который покинул город до его появления. Отъезд был вызван опасениями за собственную карьеру и даже жизнь. Комитеты, недовольные действиями Тальена в Бордо, направили туда двух шпионов, Эрона и Мотта (Heron et Motte)³⁵⁵, которые доносили в Париж, что «Кабаррюс имеет огромное влияние на его разум и является защитницей своей касты, дворян, финансистов, спекулянтов». Кроме того, они заявляли, что Тереза побуждает его оказывать услуги, не достойные добродетельного народного представителя³⁵⁶. Тальен понимал, что над ним нависла угроза ареста и 22 февраля спешно отправился в Париж, чтобы оправдать себя и своего коллегу³⁵⁷. Однако, вернувшись в столицу, Тальен не получил возможности высказаться в

Revolution, 1775-1810. P., 2016. P. 319.

³⁵² Moniteur. 1794. 31 juillet. P. 4.

³⁵³ Lacape H. Notice sur Marc-Antoine Jullien (de Paris). Bordeaux, 1958. P. 57.

³⁵⁴ Ibid. P. 288.

³⁵⁵ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 98.

³⁵⁶ AN. AA 57/1533/6.

³⁵⁷ Vivie A. Op. cit. P. 186.

свою защиту. 3 марта он отправил из Парижа письмо к Изабо, в котором сетовал на то, что ему до сих пор не дали возможности объясниться перед Комитетами: «Я здесь до сих пор ничего не сделал. Комитеты общей безопасности и общественного спасения так заняты, что к ним невозможно подступиться»³⁵⁸.

Только 12 марта Тальену удалось выступить с трибуны Конвента перед коллегами. Он заявил, что клевета уже давно следует за патриотами. Народные представители, отправленные в департаменты, являются мишенью всех преследований и всех неприятностей. «Нет ничего удивительного в таком поведении со стороны интриганов, ибо их замыслы были расстроены, а маски сорваны со всех лицемеров». Бордо, говорил Тальен, был одним из очагов федерализма, и, если бы «мы не действовали с той энергичной мудростью, что подходила для того места и тех обстоятельств, Бордо постигла бы та же участь, что и Лион. Нам посчастливилось вернуть эту Коммуну Республике не пролив ни капли крови патриотов. Мы с корнем вырвали федерализм».

Тальен также рассказал о некоем письме, которое накануне вечером пришло в Комитет общей безопасности и где сообщалось, что Тальен и Изабо планируют сесть на корабль, груженный деньгами и покинуть Францию. «Все газеты сегодня пишут, что Бордо находится в состоянии контрреволюции, что там нагло расхаживают подозрительные люди, а патриотизм там угнетен. Хорошо же! Все эти утверждения, граждане, ложь», - уверял Тальен³⁵⁹. Он отмечал, что многие из бордосских интриганов в настоящий момент находятся в Париже и непременно будут распускать порочащие слухи о деятельности народных представителей. Затронул Тальен и продовольственную проблему, заявив, что Бордо не хватает хлеба, и особенно от недостатка продовольствия страдает дистрикт Кадийяк (Cadillac).

Выслушав Тальена, Конвент распорядился, чтобы Комитет общественного спасения немедленно посоветовался с Продовольственной комиссией относительно скорейшего удовлетворения потребностей всех дистриктов этого

³⁵⁸ Ibid. P. 188.

³⁵⁹ Moniteur. 15 mars 1794. P. 1.

департамента, в особенности Кадийяка. Кроме того, Конвент поручил Комитетам рассмотреть поведение представителей народа в миссии и незамедлительно сообщить ему о результате³⁶⁰.

Тальен попытался оправдать свои действия не только перед Конвентом и Комитетами, но и лично перед Робеспьером. Вместе с Фуше, который из Лиона прибыл в Париж вскоре после Тальена, они нанесли визит Робеспьеру, чтобы отчитаться о своих миссиях, но встретили крайне холодный прием. По свидетельству П. Барраса, народные представители расточали свое красноречие как будто перед глухонемым. На все их «мягкие, сильные, чувствительные, дружелюбные, уважительные слова Робеспьер отвечал одним лишь упорным молчанием, без какого-либо выражения на лице, без жестов и слов»³⁶¹.

Хотя Тальену так и не удалось оправдаться перед Робеспьером, он, по крайней мере, сумел убедить коллег в своей невиновности. Свидетельством тому стало избрание Тальена 21 марта 1794 г. председателем Конвента на две недели³⁶². Однако противостояние с Робеспьером продолжалось. 21 марта Тальен произнес речь в Якобинском клубе о процессе над эбертистами. Он заявил, что аристократы радуются и вновь поднимают голову, поэтому «недостаточно сорвать преступные планы людей, которые хотели ниспровергнуть свободу, необходимо также бороться с аристократами, умеренными и фейянами...». Некоторые члены Клуба предложили напечатать речь Тальена, однако Робеспьер возразил: «Я против того, чтобы печатать эту речь из-за неточных выражений, которые она содержит. Неверно, что аристократы и умеренные радуются и поднимают голову. Напротив, я утверждаю, что они еще никогда не были так напуганы». Тальен не стал спорить, а смиренно признал, что был неправ, когда сказал, что аристократы и умеренные были в восторге; а произнесенные им слова были вызваны лишь сердечным порывом и негодованием³⁶³.

³⁶⁰ Ibid.

³⁶¹ Mémoires de Barras, membre du Directoire. T. 1. P., 1895. P. 178.

³⁶² Moniteur. 23 mars 1794. P. 3.

³⁶³ La Société des Jacobins: Recueil de documents sur l'histoire des club des Jacobins de Paris. T. 6. P., 1897. P. 4-6.

16 апреля Конвент принял декрет, согласно которому бывшие дворяне и иностранцы родом из тех стран, с которыми Республика находится в состоянии войны, не имеют права проживать в Париже и в приморских городах³⁶⁴. По этой причине Тереза, оставшаяся в Бордо после отъезда Тальена, была вынуждена покинуть город. Осознавая грозящую ей опасность и рассчитывая на помощь любимого, который однажды уже вызволил ее из тюрьмы, она отправилась в Париж. 17 мая женщина прибыла в столицу, а уже 22 мая была арестована.

Положение Тальена становилось всё более шатким. Отчаявшись, он был вынужден искать поддержки у Национального клуба Бордо, которому в мае адресовал письмо с жалобами на то, что он подвергается нападкам в связи с завершённой им миссией: «Я знаю, граждане, что клевета против меня в порядке дня в Бордо. <...> Но мне хочется верить, что эта клевета распространяется только аристократами, федералистами и врагами народа. Я не опущусь до оправданий и нахожу удовольствие в мысли, что в случае необходимости именно Национальный Клуб послужит мне неофициальным защитником. Однако если меня вынудят говорить, я вам заявляю, что уже лишен всякой осторожности. <...> Я отказался от большой власти, которую мог бы сохранить в своих руках <...> Я ушел в тень, в мирную и скромную обитель, но если меня вынудят оттуда выйти, то множество людей, утверждающих, что я хочу исчезнуть, получают недвусмысленные доказательства обратного. Я остаюсь и навсегда останусь таким же. Интриганы и ложные патриоты смогут найти меня повсюду, если решаться вступить со мной в смертный бой»³⁶⁵.

Между тем отношения Тальена с Робеспьером продолжали стремительно ухудшаться. 12 июня Робеспьер выступил с речью о принятом накануне декрете от 22 прериаля. Он говорил об интриганах и, когда один из присутствующих попросил назвать их имена, Робеспьер ответил, что назовет их, когда сочтет нужным. Затем он рассказал о происшествии, случившемся двумя днями ранее: Он сообщил, что после того, как был принят декрет (о революционном

³⁶⁴ Loi, décrets, ordonnances, réglemens, avis du conseil d'état. T. 7. P., 1834. P. 142.

³⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 470.

трибунале – Д.З.), нашлись те, кто не смог скрыть своего недовольства этим декретом, кто захотел устроить скандал и лишит правительство общественного доверия. Они, по словам Робеспьера, «при выходе из этого помещения, встретили нескольких патриотов, среди которых было два курьера правительства. Они сочли, что это удобный случай оскорбить их. – Что вы здесь делаете, мерзавцы? – спросили они. – Представители, я вас не оскорблял, я патриот. – Ты негодяй, шпион Комитетов общественного спасения и общей безопасности, у них двадцать тысяч шпионов, которые нас окружают. – Представитель, я не могу перед вами оправдываться, но я такой же патриот, как и вы. В ответ на него посыпались удары, и три сотни свидетелей могут это подтвердить».

Когда Робеспьер закончил, Тальен попросил слова, «чтобы объяснить один факт, который был представлен Конвенту не совсем точно, поскольку, без сомнения, тот, кто его сообщил, был заинтересован в том, чтобы его исказить». Получив слово, Тальен изложил собственную версию событий: «Это случилось не позавчера, как только что было сказано, а вчера вечером, в 8 часов. Три представителя народа, в числе которых был и я, гуляли по саду вдоль дворца Тюильри. Мы сделали три или четыре круга, не задумываясь о том, что наш разговор может быть подслушан. Однако, заметив, что пятеро человек продолжают следовать за нами, мы сказали им, что мы представители народа. Двое из этих людей, которые вовсе не были курьерами Комитета общественной безопасности, ответили, что им всё равно. Мы арестовали их. Один называет себя виноторговцем, а другой ...». Тут Робеспьер прервал Тальена, не дав ему закончить, и заявил, что всё сказанное им – ложь. На возражения Тальена Робеспьер назвал его одним из тех, кто «поддерживает преступление обманом». Перепалку пресек Бийо-Варенн, принявший сторону Робеспьера: «Наглость Тальена невероятна, он лжет Собранию с невероятной дерзостью. Обсуждаемый факт произошел позавчера, поскольку я узнал о нём вчера в полдень. Люди, о которых говорил Тальен, – отличные якобинцы, одного из них

зовут Жарри (Jarri). Но, граждане, сохраним единство. Заговорщики погибнут, а Отечество будет спасено»³⁶⁶.

Конфликт в Конвенте, еще больше обостривший и без того натянутые отношения Робеспьера и Тальена, вынудил последнего опять оправдываться. 15 июня он написал Робеспьеру следующее письмо: *«Поддерживает преступление обманом... Эти ужасные слова, Робеспьер, всё еще звучат в моей уязвленной душе. Я прибыл с искренностью благородного человека, чтобы дать тебе некоторые разъяснения.*

Интриганы, которым нравится видеть разлад между патриотами, уже давно окружают тебя и несправедливо обвиняют перед тобой некоторых твоих коллег, в особенности меня. Уже не в первый раз они поступают подобным образом. Вспомни мое поведение тогда, когда я мог им отомстить, но я всегда сообщал обо всём тебе. Итак, Робеспьер, я не изменил ни своих принципов, ни своего поведения. Неизменный друг справедливости, истины и свободы, я ни на миг не отказывался от этих ценностей <...>.

Я знаю, что Комитету меня изображают аморальным человеком. Хорошо! Пусть они придут ко мне и увидят меня с моей уважаемой престарелой матерью в небольшой комнатке, которую мы занимали еще до Революции. Роскоши там нет и в помине, и всё, чем я обладаю – это несколько ливров и ни одним су больше. Спроси у тех, кто знал меня в Бордо, каким было мое поведение в этой коммуне. Они тебе скажут, что энергия, мудрость и справедливость сопровождали меня во всех моих решениях. Я мог, без сомнения, совершить несколько ошибок, но они были произвольными и связанными с человеческой слабостью. Таковы мои убеждения, и я от них не отрекусь»³⁶⁷.

Письмо Тальена уже не могло ничего изменить. Его противостояние с Робеспьером достигло пика. Принятый несколькими днями ранее декрет от 22 прериаля положил начало недолгой, но кровавой эпохе Великого террора. Страх господствовал повсюду, народные представители, депутаты Конвента – все

³⁶⁶ Moniteur. 14 juin 1794. P. 5.

³⁶⁷ Papiers inédits trouvés chez Robespierre, supprimés ou omis par Courtois. P., 1828. P. 115-116.

опасались, что вот-вот настанет их черед отправиться на гильотину. У Тальена, попавшего под подозрение в коррупции и модерантизме во время миссии в Бордо, были все основания опасаться за свою жизнь.

Миссия Тальена в Бордо стала одним из наиболее мифологизированных эпизодов его биографии. Прежде всего стоит отметить, что многократно повторявшийся как в зарубежной, так и в отечественной историографии тезис о том, что Тальен был одним из самых кровожадных проводников террора в эпоху Революции, не находит подтверждения. Источники свидетельствуют о том, что пик террора в Бордо пришелся на время после его отъезда. К тому же в сравнении с репрессиями, проводившимися в других городах Франции, террор в Бордо имел относительно небольшой размах.

Ещё один широко растиражированный в историографии тезис, полностью противоречащий первому, состоит в том, что Тальен проводил чрезвычайно мягкую политику в Бордо. Это обычно объясняется тем, что Тальен якобы брал взятки и спасал от смертной казни тех, на кого указывала его возлюбленная – Тереза Кабаррюс. Однако, как следует из переписки Тальена с Комитетом общественного спасения, обвинения в «излишней» мягкости по отношению к арестованным бордосцам выдвигались против него ещё до его знакомства с Терезой. Что же касается предполагаемой коррупции, то на какие-либо конкретные источники, которые могли бы убедительно ее подтвердить, не ссылается ни один из пишущих о ней авторов. Тем более, что даже Марк Антуан Жюльен, близкий друг и протеже Робеспьера, специально направленный в миссию для того, чтобы найти доказательства компрометирующих Тальена фактов, отыскать таковые не сумел.

ГЛАВА 3. ТАЛЬЕН – ТЕРМИДОРИАНЕЦ

§ 1. Переворот 9 термидора II года Республики

24 июня 1793 г. во Франции была принята новая Конституция, учреждавшая республику вместо монархии и элементы прямой демократии вместо представительного правления. Так называемая Конституция I года республики была в теории самой демократичной конституцией для того времени, но она так и не была введена в действие и носила скорее пропагандистский характер. На деле же якобинцы укрепляли чрезвычайные органы власти и усиливали репрессивное законодательство.

Основным средством удержания власти и достижения своих политических целей для якобинцев стал террор – систематические репрессии, которые проводились не только для того, чтобы уничтожить реальных противников, но и для того, чтобы запугать всех недовольных действиями властей, подавить их волю к сопротивлению. 17 сентября 1793 г. был принят закон о «подозрительных», которыми признавались «сторонники тирании, федерализма и враги свободы»³⁶⁸, государственные служащие, отрешенные от своих должностей, бывшие дворяне, которые «не проявляли постоянно своей привязанности к революции»³⁶⁹ и многие другие.

С каждым месяцем террор всё более ужесточался. Своего апогея он достиг после 10 июня 1794 г., когда Конвент принял так называемый декрет 22 прериала³⁷⁰, который лишал обвиняемых права на защиту и предусматривал для «врагов народа» единственное наказание – смертную казнь. Каждый день через весь Париж провозили десятки людей на Заставу Низвергнутого Трона, где была установлена гильотина. Обратно тележки возвращались пустыми. И если первое время казни воспринимались горожанами как развлекательное зрелище,

³⁶⁸ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М., 1992. С. 265.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же. С. 275.

то теперь вид непрестанно проливаемой крови людей уже не вызывал у большинства никаких чувств, кроме отвращения. Общество устало от террора. К тому же всё большее недовольство вызывали неуклонно нараставшие экономические трудности, связанные с вмешательством государства в экономику и отсутствием свободы торговли.

Робеспьер тем временем продолжал обличать пороки с трибуны Якобинского клуба, не замечая, что в его окружении появляется все больше и больше врагов. Это были, пишет исследовательница А. Журдан, «те, кто боялся за свою жизнь; те, кто оплакивал своих друзей и те, кого шокировал резкий тон его последних выступлений и кто опасался установления его диктатуры»³⁷¹. Обстановка накалялась, аресты множились. В тюрьме оказалась не только возлюбленная Тальена Тереза Кабаррюс, но и многие из его друзей, в частности бывший военный министр, генерал Александр Богарне и его супруга Жозефина. Тальен всеми силами пытался спасти их от гибели. Дочь Тальена в своих мемуарах сообщает, что ее отец «предпринимал бесплодные попытки спасти от эшафота Александра Богарне, вдова и дети которого в дальнейшем стали объектом его забот. Во время заключения мадам де Богарне он приютил у себя Евгения и Гортензию, пребывавших в абсолютной бедности и одиночестве. Их мать никогда не забывала об этом великодушном поступке»³⁷².

Заговор против Робеспьера, возможно, зародился ещё весной 1794 г. Один из будущих термидорианцев, Жозеф Фуше, отмечает в своих мемуарах, что после его отзыва из миссии в Лионе в начале апреля их отношения с Робеспьером стали быстро ухудшаться. Фуше сообщает, что уже тогда начались «долгие обсуждения на тайных встречах моих коллег, которые, как и я, находились под угрозой»³⁷³. Окончательно же заговор, похоже, оформился вскоре после праздника Верховного существа 20 прериала (8 июня). Согласно мемуарам ещё одного из его участников, Поля Барраса, это произошло в

³⁷¹ *Jourdan A. Nouvelle histoire de la Révolution. P., 2018. P. 283.*

³⁷² Цит. по *Charles-Vallin T. Op. cit. P. 119–120.*

³⁷³ *Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante, ministre de la police générale. Osnabrück, 1966. P. 20-21.*

мессидоре II года Республики (июне-июле 1794 г.). Тогда заговорщики, по словам Барраса, встречались уже по несколько раз в неделю сперва у ресторатора Дуаяна (Doyen) на Елисейских полях, а затем в отдельном кабинете кафе *Corazza*, в надежности владельца которого Баррас был уверен³⁷⁴. Бертран Барер, депутат Конвента член Комитета общественного спасения, также выступивший 9 термидора против Робеспьера, отмечал, что предвестием переворота стала череда событий начала лета 1794 г. – праздник Верховного существа, закон 22 прериала, угрозы членам Комитетов, составление проскрипционных списков, новые аресты, казни – «всё возвещало нам о том, что скоро разразится сильная буря»³⁷⁵. Брошюра, опубликованная Лораном Лекуантром сразу после переворота 9 термидора, где объяснялась суть происшедшего, содержит косвенное свидетельство того, что в июне заговор уже существовал. Лекуантр писал, что 24 прериала (12 июня) депутаты Амар и Мойз-Бейль (Moyses-Baile) сообщили ему, что декрет 22 прериала – детище Робеспьера, а Комитеты не принимали в его подготовке никакого участия. В ответ Лекуантр заявил, что Комитеты не выполнили свой долг и необходимо заявить об этом в Конвенте, но Амар и Мойз-Бейль остановили его, сказав, что время для этого еще не настало³⁷⁶.

Очевидно, Робеспьер о чем-то подозревал и организовал за Тальеном и рядом других депутатов слежку агентов общей полиции. Эта особая служба была создана весной 1794 г. и поочередно возглавлялась членами робеспьеристского триумvirата – Робеспьером, Сен-Жюстом и Кутоном. В конце июня – начале июля 1794 г. ее агенты шпионили за Тальеном. Донесение Робеспьеру одного из них, Герена (Guérin), от 26 июня 1794 г. гласило, что 24 июня Тальен оставался в Якобинском клубе до конца заседания, а затем, выйдя на улицу, остался ждать кого-то, пребывая в явном нетерпении. По словам агента, когда этот человек пришел на место встречи с Тальеном, стало ясно, что

³⁷⁴ Mémoires de Barras, membre du Directoire. T. 1. P., 1895. P. 338.

³⁷⁵ Mémoires de B. Barère. T. 2. La Haye, 1842. P. 186.

³⁷⁶ *Lecoindre L.* Conjuración formée dès le 5 préréal par neuf représentans du peuple contre Maximilien Robespierre, pour le poignarder en plein sénat. P., 1794. P. 3.

это «один из тех, кто находился на трибунах». Они прошли по улице Сент-Оноре, затем по улице Закона; миновали торговые палатки, посидели в саду, после чего отправились дальше, «всё еще таинственно переговариваясь и держа друг друга под руку». В одиннадцать часов они дошли до площади Равенства, где Тальен сел в фиакр. Агент слышал, что спутники попрощались, сказав друг другу «До завтра, мой друг», после чего Тальен велел кучеру отвезти его на улицу Перль, а его спутник ушел по улице Шартр³⁷⁷.

2 июля Герен докладывал, что накануне Тальен с 9 часов утра до 3 часов дня не покидал своего дома на улице Перль в квартале Марэ, однако, отмечает агент, «мы были уверены, что он у себя». В половине одиннадцатого агент увидел человека по имени Рамбуйе и «спросил его, куда тот идет: Рамбуйе ответил, что направляется к гражданину Тальену. Наш агент выразил удивление тем фактом, что этот депутат больше не выступает в Конвенте». Рамбуйе ответил, что Тальен почти не поднимается на трибуну, после того как в Комитете общей безопасности его упрекнули в том, что он гильотинировал слишком мало людей в Бордо.

В своем отчете Герен утверждал, что не удивится, если окажется, что Рамбуйе был одним из тех, кого Тальен нанял для своего сопровождения и для того, чтобы выяснить, не следят ли за ним, поскольку перед тем, как войти к Тальену, Рамбуйе сказал, что, вероятно, пробудет там всего полчаса, а на самом деле задержался гораздо дольше. Кроме того, Рамбуйе упомянул о случившемся накануне эпизоде, когда четыре человека следовали за Тальеном во время его прогулки³⁷⁸. В своем отчете Герен сообщал также о сложностях, с которыми столкнулись его люди во время слежки за Тальеном. Он отмечал, что наблюдать за депутатом на улице, где тот живет, невозможно, поскольку она слишком короткая и прямая, на ней нет места чтобы скрыться, за исключением нескольких каменных скамеек под навесом. Более того, едва лишь живущие на этой улице замечают, что какой-то человек слишком часто проходит мимо, «они

³⁷⁷ Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. T. 1. P., 1828. P. 368-369.

³⁷⁸ Ibid. P. 372-373.

встают у окон или посылают своих слуг к дверям, из-за чего агент не может вести наблюдение за данным домом»³⁷⁹.

Впрочем, несмотря на подобные трудности, шпионы Робеспьера продолжали выполнять возложенную на них миссию. В донесении так же сообщалось, что вечером 1 июля Тальен вышел из дома в половине второго дня, прошел по улице Катр-Фис, улице Тампль, улице Реюньон, дошел до улицы Фоссе-Монмартр, около часа торговался в книжной лавке, затем вышел в сад Равенства, постоянно с тревогой оглядываясь по сторонам. Он зашел в Конвент без пятнадцати три, выслушал там доклад Барера, поговорил с одним или двумя депутатами, затем пересек зал и вышел по лестнице со стороны часовни. Казалось, он собирается выйти во двор, но затем он передумал, направился в Национальный сад, зашел на террасу Фельянов и поднялся по лестнице, которая вела к кафе Отто (Hotto). Ещё с четверть часа он поторговался в книжной лавке, покинул ее через вход Манежа и зашел к ресторатору Венау. Агент сообщил, что слежку за Тальеном прекратили в шесть часов, так и не узнав, куда он затем двинулся³⁸⁰.

Тальен подозревал, что за ним шпионят люди Робеспьера и понимал, что нужно действовать, пока не стало поздно. Важным событием, укрепившим его решимость, стало получение записки, которую Тереза Кабаррюс сумела переслать ему из тюрьмы 25 июля. Там говорилось: «Только что отсюда ушёл судебный исполнитель, он приходил сообщить мне, что завтра я предстану перед судом и отправлюсь на эшафот. Как мало это похоже на тот сон, который я видела сегодня ночью: Робеспьера больше нет и все тюрьмы открыты. Но из-за вашей беспримерной трусости во Франции не скоро найдется человек, способный воплотить это в жизнь». На что Тальен немедленно ей ответил: «Будьте так же осторожны, как я буду смел»³⁸¹.

8 термидора (26 июля) Робеспьер произнес в Конвенте речь, обещав вскоре

³⁷⁹ Ibid. P. 373-374.

³⁸⁰ Ibid. P. 376.

³⁸¹ Ibid.

«раскрыть злоупотребления, которые могут разрушить отечество»³⁸². Перечисляя преступления злодеев, он, однако, не назвал никаких имен. Предполагалось, что они будут оглашены на следующий день, когда с обвинительным докладом выступит Сен-Жюст.

Для участников заговора это стало сигналом к выступлению. Было очевидно, что в докладе Сен-Жюста могло прозвучать имя любого из них. Требовалось действовать на опережение. Вместе с тем, неопределенность угроз, прозвучавших из уст Робеспьера, сыграла на руку его противникам: никто не чувствовал себя в безопасности, что придавало решимости колеблющимся. Фуше, судя по его богатой биографии, неплохо разбиравшийся в человеческой психологии, постарался еще больше укрепить заговорщиков в этой решимости. В своих мемуарах он признает, что сообщил нескольким коллегам, включая Тальена, о якобы существующем проскрипционном списке Робеспьера (которого, заметим, сам в глаза не видел): «Вы в списке! Вы в списке, как и я, я в этом уверен!». Его собеседники, естественно, весьма эмоционально отреагировали на подобные сведения. Особенно Тальен. По свидетельству Фуше, пылкость молодого человека была вызвана его сердечной привязанностью: он «боролся за две жизни, одна из которых была ему дороже собственной». Тальен выразил готовность лично заколоть Робеспьера кинжалом. Однако, утверждает Фуше, он отговорил коллегу от столь опрометчивого поступка, считая, что действовать надо легальным путем³⁸³. Интересно, что годы спустя Бертран Барер, объясняя в мемуарах свое участие в перевороте, поддержал версию Фуше о существовании расширенного проскрипционного списка. Он сообщает, что незадолго до переворота сторонники Робеспьера дескать подали в Комитет общественного спасения перечень из восемнадцати депутатов, которых Робеспьер собирался обвинить в превышении полномочий и проявлении тирании во время их миссий в

³⁸²Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. М., 1965. С. 213.

³⁸³Mémoires de Joseph Fouché, duc d'otrange, ministre de la police générale. Osnabrück, 1966. P. 21. Курсив мой – Д.З.

департаментах. Барер утверждает, что запомнил несколько имен из этого списка – среди прочих там якобы числился и Тальен³⁸⁴. Забегая вперед, замечу, что после свержения робеспьеристов ни одного из подобных списков в их бумагах не обнаружится. В докладе же, с которым Сен-Жюсту предстояло выступить 9 термидора, выдвигались обвинения лишь против двух депутатов – членов Комитета общественного спасения Жан-Николя Бийо-Варенна и Жан-Мари Колло-д'Эрбуа³⁸⁵.

О непосредственной организации переворота историкам известно немного. Чуть более подробно о ней написал Лекуантр, однако, как и многие другие участники термидорианских событий, оставившие письменные свидетельства о происшедшем, ключевую роль в подготовке свержения Робеспьера он отвел себе, лишь мимоходом упомянув остальных заговорщиков. Тем не менее, из его рассказа можно почерпнуть некоторые детали. Лекуантр сообщает, что за несколько дней до 9 термидора был составлен обвинительный акт, распределены роли и подготовлены доклады, чтобы «дать решительный бой софистике Робеспьера». Тогда же заговорщики, в том числе Тальен, дали торжественную клятву «принести в жертву тирана прямо в сенате». 8 термидора Лекуантру стало известно о неких опасных планах, которые вынашивал командующий Национальной гвардией Парижа робеспьерист Франсуа Анрио. Лекуантр пишет, что разгадал его намерения и, чтобы сообщить об опасности, которой чревато оставление на свободе Анрио, мэра Парижа и национального агента муниципалитета, отправился к 9 часам вечера в собравшиеся на тайное заседание Комитеты общественного спасения и общей безопасности. В ту же ночь Комитеты получили такие же, но ещё более точные, сведения от Фрерона. Последний призвал Комитеты до рассвета арестовать робеспьеристов – Анрио, Буланже, Левалетта, Дюма и всё семейство Дюпле, «чтобы тиран, охваченный ужасом, остался в доме один, как Нерон в своем склепе». Однако, по словам Лекуантра, его настойчивые просьбы о превентивном аресте перечисленных

³⁸⁴ Mémoires de B. Varère. T. 2. La Haye, 1842. P. 187.

³⁸⁵ См.: Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 171-180.

лиц были Комитетами отвергнуты³⁸⁶.

О том, что произошло в Конвенте 9 термидора (27 июля), мы можем судить по дошедшему до нас протоколу того исторического заседания. Разумеется, победившая в тот день сторона могла перед публикацией этот протокол скорректировать, чтобы предстать в наиболее выигрышном свете, однако в целом описанный там ход событий никем из современников или историков под сомнение не ставился.

Заседание, как обычно, тянулось своим чередом, пока на трибуну не поднялся Сен-Жюст, чтобы огласить обещанные днем ранее обвинения против «врагов народа». Но, едва он заговорил, как его выступление прервал Тальен, который выбежал на трибуну и, оттолкнув Сен-Жюста, закричал, что члены правительства толкают отечество в пропасть, а потому необходимо «окончательно сорвать завесу»³⁸⁷. Участвовавший в заговоре Бийо-Варенн подхватил слова Тальена и тоже обрушился с критикой на «тиранов». В свою очередь и Робеспьер устремился к трибуне, но Тальен продолжал: «Заговорщики разоблачены, вскоре они будут уничтожены, и свобода восторжествует. Всё говорит о том, что враг национального представительства скоро падет под ударами <...> До сих пор я заставлял себя молчать, потому что знал от человека, близкого к тирану Франции, что тот составил проскрипционный список. Я не хотел обвинять, но вчера я присутствовал на заседании якобинцев и содрогнулся от страха за отечество – я увидел, как создается армия нового Кромвеля и вооружился кинжалом, чтобы пронзить его грудь в том случае, если Национальный Конвент не осмелится выдвинуть обвинение в его адрес. <...> Я бы смело сложил голову на эшафоте, потому что сказал бы себе: настанет день, когда моему праху воздадут почести, полагающиеся патриоту, которого преследовал тиран. Человек на трибуне – это новый Катилина, а те, кто его окружают – новые Верресы. <...> Робеспьер

³⁸⁶ *Lecoindre L.* Conjuration formée dès le 5 préréal par neuf représentans du peuple contre Maximilien Robespierre, pour le poignarder en plein sénat. P., 1794. P. 5-7.

³⁸⁷ Archives parlementaires. T. XCII. P., 1982. P. 551.

хотел нападать на нас поодиночке и разделить нас, чтобы однажды остаться в окружении лишь подлых и развращенных людей, готовых ему прислуживать. Я прошу постановить, чтобы наши заседания продолжались до тех пор, пока меч правосудия не спасет революцию и пока мы не прикажем арестовать его [Робеспьера] приспешников». Эти предложения Тальена были поддержаны другими депутатами под рукоплескания и возгласы «Да здравствует Республика!»³⁸⁸. А Тальен продолжал: «Граждане, я не должен сейчас отвлекать внимание Конвента на частные факты. Упомянутые факты без сомнения важны, но в этом собрании нет ни одного человека, который не мог бы их привести и который не мог бы пожаловаться на проявления тирании. Я же хочу обратить всё ваше внимание на речь, произнесенную вчера в Конвенте и повторенную затем у якобинцев. Именно в ней я вижу тирана, именно в ней я обнаруживаю заговор, именно эту речь я хочу обратить в оружие для истины, справедливости и Конвента, чтобы сразить того человека, чьи добродетель и патриотизм так восхвалялись, но который, как мы увидели в памятную эпоху 10 августа, появился только спустя три дня после революции. Этот человек, который должен быть защитником угнетенных в Комитете общественного спасения, который должен быть на своем посту, оставил его на четыре декады. <...> Конечно, если бы я хотел указать на конкретные акты угнетения, которые имели место, я бы заметил, что они были совершены в то время, когда Робеспьер руководил общей полицией, что патриоты революционного комитета из секции Неделимости были арестованы»³⁸⁹.

Робеспьер вновь попытался взять слово, но его перебивали крики членов Конвента. Тогда он в отчаянии воскликнул «Я прошу смерти!», на что депутат Андре Дюмон воскликнул «Ты её заслужил тысячу раз!». Робеспьер вновь закричал: «Я прошу смерти. Пусть меня избавят от этого преступного зрелища!». «Арест! На голосование!» – не унимались депутаты. Огюстен Робеспьер изъявил желание разделить судьбу брата, заявив, что виновен так же,

³⁸⁸ Ibid.

³⁸⁹ Ibid. P. 554.

как и он и потребовал обвинительного декрета против себя. Максимилиан Робеспьер опять попытался перекрыть шум, поднявшийся в стенах Конвента, однако председатель Колло д'Эрбуа, тоже участвовавший в заговоре, заглушил его слова звоном колокольчика. Робеспьер обратился к нему: «Председатель, по какому праву ты поддерживаешь убийц?». В ответ Тальен воззвал к депутатам: «Вы слышите это чудовище? Он называет нас убийцами!». Эти слова еще больше усилили волну негодования. «На голосование арест!» – кричали разъяренные депутаты. Среди бурных аплодисментов и возгласов «Да здравствует свобода! Да здравствует республика!» были приняты декреты об аресте Робеспьера, его брата Огюстена, Кутона, Сен-Жюста и Леба³⁹⁰. Термидорианский переворот свершился. Однако борьба продолжалась.

После ареста Робеспьера и его сторонников их развезли по тюрьмам, но Анрио со своими национальными гвардейцами освободил их и доставил в Ратушу, где робеспьеристы попытались создать центр сопротивления Конвенту³⁹¹. Но термидорианцы проявили больше энергии и решительности, чем сторонники Робеспьера и поддерживавшая их Коммуна. Тальен отправился в парижские секции, чтобы поднять их и вооружить. В 7 часов вечера заседание Конвента возобновилось. Тальен, который в тот вечер был одним из председателей³⁹², сообщил, что муниципалитет Парижа восстал против Конвента и рассылает свои постановления и эмиссаров в секции, дабы те последовали его примеру. Он добавил, что муниципалитет арестовал назначенного Конвентом нового командующего национальной гвардией. Следом выступил Тюрио, объявив, что передал Комитетам перехваченное письмо Анрио с приказом прислать к Коммуне ещё 400 человек. Тальен рассказал также о распространявшихся в народе слухах относительно восстания Коммуны против Конвента: об этом только что объявили в Клубе якобинцев. Тальен настаивал на необходимости выявить источник подобных слухов, а

³⁹⁰ Ibid. P. 554-555.

³⁹¹ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Указ. соч. С. 376.

³⁹² Archives parlementaires. Т. ХСII. P., 1982. P. 563.

также выяснить, действительно ли Коммуна восстает³⁹³. Кроме того, Тальен посоветовал отправить депутатов Конвента в военную школу Саблонского лагеря, чтобы взять ее под контроль. Он заявил: «Свергнутые нами негодяи приложили немало усилий, чтобы извратить общественное мнение в этом лагере. Говорят, что один из них только что укрылся там. Прошу назначить двух представителей и отправить туда». Конвент декретировал, что Бриваль и Бентаболь поедут туда и присоединятся к Пейссару – народному представителю при лагере³⁹⁴.

Заседание продолжалось всю ночь на 10 термидора. Наконец, несколько народных представителей доложили о том, что Ратуша захвачена верными Конвенту силами, и о самоубийстве Филиппа Леба при аресте. Депутаты принесли также печать с геральдической лилией, якобы обнаруженную на столе в Ратуше, что позволяло обвинить робеспьеристов в роялизме³⁹⁵. «Вот они хорошо известные намерения заговорщиков, – прокомментировал находку Тальен, добавив, – эта печать проливает свет на заговор. Сперва я подумал, что это старая печать, но только что я её осмотрел – она совершенно новая, что доказывает существование истинного роялистского заговора». Это сочли свидетельством того, что в планы Робеспьера и его сторонников якобы входило восстановление королевской власти. Тальен призвал журналистов не упустить столь важную новость из виду³⁹⁶.

28 июля, Робеспьер и его сторонники были казнены. «Революция 9 термидора», как вскоре назовут всё происшедшее в тот день, увенчалась полной победой.

Роль Тальена в перевороте трудно переоценить: он не только участвовал в его подготовке, но и первым осмелился бросить Робеспьеру обвинения с трибуны Конвента, подав пример остальным депутатам. Он же активно способствовал переходу парижских секций на сторону Конвента, что позволило

³⁹³ Ibid. P. 588.

³⁹⁴ Ibid. P. 592.

³⁹⁵ Ibid. P. 594.

³⁹⁶ Ibid. P. 595.

тому одержать победу над робеспьеристской Коммуной. Таким образом, именно Тальен, стал одним из главных действующих лиц в переломных для Революции событиях, положивших конец господству Робеспьера и завершивших во Франции эпоху Великого террора.

§ 2. Демонтаж системы Террора

«Робеспьера больше нет, и вы свободны. Мы свободны!»³⁹⁷ – такими сообщениями пестрели парижские газеты в последние дни июля 1794 г. Подцензурная пресса, как и во все предшествующие месяцы, бодро приветствовала очередной поворот в политике революционного правительства и уничтожение очередных «врагов народа»: «Наконец Франция свободна, благодаря энергии Конвента и великодушного народа, который оказал ему такое ценное содействие <...> Казнь тирана – это настоящий праздник для всех. <...> Вчерашняя радость свидетельствовала о том, до какой степени долгим и тяжким был гнёт, под которым томились все души, сердца и умы. Народное ликование развернулось вчера во всей своей полноте и навсегда обеспечило нам свободу. Ни казнь Людовика XVI и его супруги, ни наказание всех предателей, которых постигла участь изменщиков, ни один праздник, даже в честь побед, не имели такого количества зрителей, не вызывали столь сильной радости, всеобщей и обширной, как казнь Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста и других»³⁹⁸ – сообщала газета *Journal des hommes libres de tous les pays* от 31 июля. Впрочем, свержение Робеспьера, действительно, вызвало у населения Парижа неподдельную радость, дав надежду на прекращение Террора и того всепоглощающего страха, которым было охвачено общество и который достиг своего пика в последние недели перед переворотом.

Газета *Journal de Perlet* от 30 июля сообщала: «Было около половины восьмого вечера, когда предатели прибыли на площадь Революции. Кутона казнили первым, затем Робеспьера-младшего. Голова тирана упала предпоследней, а последней – голова Флёрио-Леско. Их показали народу,

³⁹⁷ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. Т. 1. P. 6.

³⁹⁸ Ibid.

который наполнил воздух продолжительными криками "Да здравствует Конвент! Да здравствует Республика!" Так менее чем за двадцать четыре часа был раскрыт, пресечен и наказан самый ужасный из когда-либо существовавших заговоров против свободы...»³⁹⁹.

Издание *Annales de la République française* свидетельствовало: «Никогда ещё не бывало такого большого скопления людей, как на этой казни. Женщины, дети, старики – весь Париж был здесь. Что ещё могло бы вернуть радость и восторг, вспыхнувшие на этих лицах? На всех улицах, по которым проезжали заговорщики, на всей площади Революции, везде звучали единодушные возгласы "Ах! Негодяи! Да здравствует Республика! Да здравствует Конвент!" и шляпы взлетали в воздух в знак восторга»⁴⁰⁰.

О том же писала и газета *Le Sans-Culotte* от 30 июля: «В Париже царит величайшее спокойствие. Всем истинным патриотам стало легче дышать. Казнь французского Кромвеля наполнила радостью сердца патриотов, повсюду ощущение счастья сменяет ужасную тревогу, которая томила всех. Вчера вечером на собраниях секций люди поздравляли друг друга со спасением Отечества, с тем, что наконец избавились от этого хитрого тирана, от этого жестокого человека, который своим упорным лицемерием, прикрываясь маской пылкого и деятельного патриотизма, так долго навязывал французскому народу все те действия, что неуклонно вели к тирании <...> Который никогда не прощал ни одного слова, задевавшего его самолюбие, который последовательно удалял от себя всех честных людей, его презиравших, который окружил себя сумасшедшими, интриганами, вероломными заговорщиками...»⁴⁰¹.

Переворот 9 термидора II года Республики стал во многом переломным моментом Французской революции. До недавнего времени в его оценках историками прослеживались две магистральные линии, которые восходят еще к мнениям о нем его современников⁴⁰² Для одних переворот 9 термидора

³⁹⁹ Ibid. P. 2.

⁴⁰⁰ Ibid. P. 5.

⁴⁰¹ Ibid.

⁴⁰² Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 13.

представлял собой попытку возвращения к принципам 1789 г. и, по словам известного французского исследователя Ф. Фюре, никоим образом не являлся концом Революции, несмотря на смену одного типа власти другим⁴⁰³. Сторонники другого взгляда на Революцию, который получил особенно широкое распространение в советской историографии, были убеждены, что Термидор стал либо концом Революции⁴⁰⁴, либо исходным пунктом ее нисходящей фазы⁴⁰⁵ и положил начало ее упадку⁴⁰⁶. Сегодня историки считают, что это совсем не так: Революция продолжалась, но в ином качестве. Период, последовавший за переворотом, стал тем временем, когда Революция перешла на новую стадию, порвав с якобинским прошлым; – временем, когда была разработана и принята новая Конституция, проведены фундаментальные культурные преобразования, осуществлен ряд важнейших мер постепенного демонтажа политики Террора. Термидорианский Конвент стремился покончить с якобинским наследием, запустив процесс трансформации практически всех сфер общественно-политической жизни. Однако важно подчеркнуть, что переворот 9 термидора не завершил Террор в один момент, а лишь положил начало процессу, который польский историк Б. Бачко назвал «выходом из Террора»⁴⁰⁷.

Несмотря на относительное единодушие, проявленное термидорианцами в день переворота, среди них не было реального единства, равно как и не было явно выраженных группировок. В советской историографии было принято делить термидорианцев на «левых», более радикальных в своих взглядах, к которым причисляли Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенн, Барера, и «правых», менее радикальных, в число которых входил и Тальен⁴⁰⁸. Сегодня же исследователи, как, например Д.Ю. Бовыкин, отмечают: несмотря на то, что большая часть современников и историков выделяли «множество, как тогда говорили,

⁴⁰³ *Furet F.* Penser la Révolution française. P. 122-123.

⁴⁰⁴ См.: Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. М., 1941.

⁴⁰⁵ *Киселева Е.В.* Роль парижских секций в перевороте 9 термидора // Французский ежегодник 1987: 200 лет Великой Французской революции. М., 1989. С. 69.

⁴⁰⁶ *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 468.

⁴⁰⁷ *Бачко Б.* Указ соч. С. 77.

⁴⁰⁸ *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С. 198.

“факций” (*factions*), ни их названия, ни имена депутатов, которые якобы в эти “факции” входили, никоим образом не сводятся к единому знаменателю»⁴⁰⁹.

Одним из наиболее острых вопросов, стоявших перед термидорианцами, был вопрос о выходе из Террора. Далеко не все из них хотели его прекращения. А потому вокруг этого вопроса развернулась острая борьба. Тальен, вероятно в силу личного опыта, стал одним из наиболее последовательных противников системы Террора и активным участником ее демонтажа. В историографии не уделяется большого внимания этому аспекту его деятельности. Различные авторы обычно ограничиваются упоминанием о роли Тальена в перевороте, а относительно его дальнейших действий констатируют, что те имели исключительно ситуативный характер и были направлены лишь на то, чтобы защитить себя в каждый данный момент. Между тем, на наш взгляд, роль Тальена в посттермидорианском переустройстве Франции отнюдь не сводится к ответной реакции на непосредственные угрозы и заслуживает самого внимательного рассмотрения⁴¹⁰.

Уже на следующий день после свержения Робеспьера Тальен под громкие аплодисменты выступил в Конвенте, заявив о масштабном значении произошедшего накануне события: «Головы заговорщиков только что упали на эшафоте. Республика торжествует, и этот же удар расшатает троны тиранов во всем мире. Этот пример доказывает то, что французский народ никогда не поддастся власти ни одного господина. Давайте разделим общее ликование; день смерти тирана – это праздник братства»⁴¹¹.

29 июля, когда стал вопрос о дальнейшей судьбе Революционного трибунала, являвшегося в предшествующие месяцы наиболее смертоносным орудием Террора, Тальен поддержал идею его ликвидации. При этом он отметил, что с ликвидацией на местах народных комиссий (судов) спешить не

⁴⁰⁹ Бовыкин Д.Ю. «Охвостье Робеспьера» // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М., 2020. С. 83-84.

⁴¹⁰ См.: Зайцева Д.В. «Он оказал огромную услугу человечеству»: о роли Ж.-Л. Тальена в демонтаже системы террора // Вестник Северного (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 4. С. 49–55.

⁴¹¹ Moniteur. 1794. 31 julliet. P. 3.

стоит, поскольку еще не все заговорщики подвергнуты наказанию. По его словам, есть люди, которые теперь высказываются против Робеспьера, хотя ещё недавно являлись его пылкими сторонниками: «Сегодня они говорят, что Робеспьер был злодеем, а несколько дней назад они же называли его добродетельным». В этом же выступлении Тальен, как уже отмечалось во второй главе настоящей работы, высказался против Марк-Антуана Жюльена, обвинив его в том, что тот в возрасте всего 19-ти лет занял высокую должность помощника в Исполнительной комиссии по народному образованию, а также в том, что Жюльен, находясь в миссиях, куда его отправлял Робеспьер, посылал тому списки будущих жертв⁴¹². И если первый факт трудно оспорить, то второй представляется достаточно сомнительным: среди бумаг Робеспьера не найдено каких-либо писем от Жюльена с подобного рода содержанием. Нет их и среди хранящихся в РГАСПИ бумаг личного фонда Жюльена. Впрочем, неприязнь к Тальена к Жюльену вполне объяснима: ранее молодой человек искал на него компромат в Бордо, и теперь Тальен пытался свести с ним счеты.

Одной из важнейших задач, которые предстояло решить после переворота, было определение полномочий комитетов Конвента, поскольку некоторые термидорианцы опасались, что власть вновь может быть монополизирована узким кругом лиц. До переворота 9 термидора Комитет общественного спасения фактически обладал всей полнотой исполнительной власти, имея широкие, практически диктаторские, полномочиями. И 30 июля Дюбуа-Крансе предложил проводить каждый месяц обновление состава всех Комитетов на четверть, чтобы избежать застоя во власти и удержания ее одними и теми же лицам. Тальен решительно выступил в его поддержку, заявив: «Мы сразили триумвиров и не хотим заменять их децемвирами, мы хотим свободы, полной свободы». Большинство депутатов положительно отнеслось к этому предложению. Но одобрение оказалось далеко не единодушным. Против высказался Бурдон из Уазы, который призвал Конвент «не опозорить свою

⁴¹² Ibid. P. 4.

победу поспешностью». Он напомнил коллегам о том, что у Республики есть четырнадцать действующих армий и сильное, решительное правительство, которое приводит их в действие, а потому есть опасность дезорганизовать всё это поспешным решением. Он обратил внимание на то, что ранее Комитеты общественного спасения и общей безопасности с честью, выполняли свои обязанности, и стал настаивать на переносе обсуждения их судьбы.

Тальен вступил в полемику с Бурдоном, заявив, что ему трудно понять, как можно просить об отсрочке, когда речь идет о защите принципа общественной свободы: «Одну ночь мы потратили на то, чтобы свергнуть тирана, давайте же проведем сегодняшнюю так, чтобы обеспечить торжество свободы. То, что справедливо сегодня, будет ли менее справедливым завтра или через два-три дня? Будет ли завтра менее правильным, чем сегодня, то, что одни и те же люди не должны пользоваться властью слишком долго, если мы не хотим, чтобы ею злоупотребляли?». Тальен счел, что этот принцип нужно немедленно зафиксировать⁴¹³. Окончательное же решение о преобразовании Комитетов Конвент закрепил три недели спустя декретом от 24 августа, согласно которому прежде беспредельно широкие полномочия комитетов существенно ограничивались: отныне Комитет общественного спасения руководил лишь внешними связями и военными делами, а передавать Революционному трибуналу задержанных мог только по согласованию с Комитетом общей безопасности, который должен был выполнять функцию полицейского надзора⁴¹⁴.

В тот же день, 30 июля, Тальен поднял в Конвенте вопрос еще об одном институте власти, на который опирался свергнутый робеспьеристский триумvirат, – о военной школе Марса (*École de Mars*), располагавшейся в Саблонском лагере близ Парижа. В свое время она была учреждена по инициативе Б. Барера, представленной Конвенту 1 июня 1794 г. Барер тогда выступил с докладом о недостатках прежней Военной школы и предложил

⁴¹³ Moniteur. 1794. 1 août. P. 4.

⁴¹⁴ Archives Parlementaires de la Révolution française. T. XCV. P. 414-415.

учредить новое военное учебное заведение, которое основывалось бы на республиканских принципах и предназначалось для юношей из семей добрых граждан. Курсанты должны были содержаться в суровых условиях и быть готовыми посвятить себя служению родине. Конвент принял это предложение и в тот же день декретировал создание школы Марса для молодых людей 16–17 лет из бедных семей, которые, поступив в нее, будут воспитываться в атмосфере «братства, строгости, воздержанности, нравственности, любви к родине и ненависти к королям»⁴¹⁵. Курировать школу было тогда поручено робеспьеристу Филиппу Франсуа-Жозефу Леба, который на заседании Якобинского клуба всего лишь за несколько дней до термидорианского переворота утверждал, что настроения в школе Марса превосходны и что молодые люди следуют только чувствам мужества и добродетели⁴¹⁶. Учитывая, что собственно воинским подразделениям доступ в столицу воспрещался и единственной вооруженной силой в Париже была не слишком дисциплинированная и слабо обученная национальная гвардия (по сути, городское ополчение), трехтысячный контингент курсантов, размещенный непосредственно в пригороде столицы, мог оказаться весомым аргументом в борьбе за власть. 9 термидора этого не произошло только благодаря тому, что Конвент, по инициативе Тальена, вовремя взял школу Саблонского лагеря под свой контроль.

И вот теперь, 30 июля, Тальен вновь напомнил коллегам о существовании школы Марса, заявив, что большинство преподавателей там – ставленники казненного вместе с Робеспьером главнокомандующего национальной гвардией Парижа, генерала Ф. Анрио, и что они старались из слушателей создать армию «слепых исполнителей воли тирана, который только что был свергнут»⁴¹⁷. Тальен предложил провести чистку в рядах наставников, что было немедленно одобрено его коллегами. Правда, «чистка» затронула только руководство этого учебного заведения, а сама школа ещё какое-то время продолжала действовать.

⁴¹⁵ *Moniteur*. 1794. 3 juin. P. 4.

⁴¹⁶ *Aulard F.-A. La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris*. T. 6. P., 1897. P. 239-240.

⁴¹⁷ *Moniteur*. 1794. 1 août. P. 4.

В частности, её воспитанники 21 сентября приняли участие в торжественной церемонии переноса праха Марата в Пантеон. 3 октября курсанты школы провели показательные учения на Саблонской равнине, «где представили публике марши, маневры и атаки всех видов. Зрители могли наблюдать как они последовательно выполняют боевое построение, выстраиваются в колонны; можно было также увидеть атаку кавалерии, которой противостояли пикинеры и полевая артиллерия. Быстрота их маневров дала представление о тех ужасных эффектах, которые они способны производить в бою. Равнина была ограничена со всех сторон большим количеством граждан, которые выражали свое удовлетворение хорошим исполнением маневров, восхищались успехами учеников и с интересом наблюдали за подготовкой защитников страны»⁴¹⁸.

В целом термидорианский переворот, по воспоминаниям одного из курсантов, будущего художника Эсташ-Гиацинта Ланглуа, не изменил повседневной жизни курсантов, которые воспринимали школу не иначе как «почетную тюрьму»⁴¹⁹. И лишь 23 октября по предложению депутата и известного химика Гитон де Морво, сделавшего от имени Комитета общественного спасения соответствующий доклад, школа Марса была закрыта. Курсанты отправились по домам, сохранив при себе обмундирование и сабли, но сдав ружья, пики, лошадей и сбрую⁴²⁰.

31 июля Тальен был избран в обновленный Комитет общественного спасения⁴²¹, а 11 августа в Конвенте прошло обсуждение проектов реорганизации Комитетов. Камбон предложил среди прочего распустить Комитеты, и, воссоздав их заново, ограничить полномочия Комитета общей безопасности в выдаче ордеров на арест должностных лиц, а также переименовать Комитет общественного спасения в Центральный комитет революционного правительства. За ограничение полномочий Комитетов выступил и Камбасерес. По его проекту Комитет общественного спасения

⁴¹⁸ Moniteur. 1794. 4 octobre. P. 1.

⁴¹⁹ Langlois E.-H. Souvenirs de l'Ecole de Mars et de 1794. Rouen, 1836. P. 56.

⁴²⁰ Moniteur. 1794. 25 octobre. P. 6.

⁴²¹ Moniteur. 1794. 2 août. P. 1.

должен был сохранить свои полномочия в сферах наблюдения за исполнением законов и руководства военными, дипломатическими и прочими операциями, но лишился бы полномочий в сфере внутренней безопасности, относящейся к гражданскому или уголовному законодательству, а также в управлении государственной казной. Против ограничения полномочий Комитетов снова высказался Бурдон из Уазы. Он заметил, что предложенные Камбоном преобразования хороши для мирного времени, но могут иметь печальные последствия до полного завершения революции. Тальен, напротив, активно поддержал проект по ограничению влияния Комитетов, подчеркнув, что необходимо справедливое правительство для всех граждан, которое при этом не будет оказывать на них слишком жесткого давления. Он заявил, что, если ему предложат быть членом какого-либо правительственного Комитета, облеченного такими же полномочиями, что и раньше, он тотчас же подаст в отставку⁴²².

19 августа в Конвенте обсуждали проект декрета по усилению мер в отношении дворян и родственников эмигрантов, предложенный депутатом Луше. В нём среди прочего предлагалось вернуть в места предварительного заключения дворян, а также отцов и матерей эмигрантов, которые были освобождены из-за ложного толкования закона 21 мессидора, а Комитеты общей безопасности и законодательства должны были представить в течение 3 дней проект закона о наказаниях, которые следует применить к лицам, с большим основанием подозреваемым в принадлежности к аристократии и в политической неблагонадежности. Фактически это означало бы возврат к закону о подозрительных, и Тальен решительно выступил против такого предложения, подчеркнув, что террор – это оружие тирании: «Ко всем врагам отечества должно быть применено самое суровое правосудие. Робеспьер тоже постоянно говорил, что террор должен быть включен в порядок дня, и, используя эти формулировки, сажал в тюрьму патриотов и отправлял их на

⁴²² Moniteur. 1794. 14 août. P. 5-6.

эшафот, защищая негодяев, которые ему прислуживали <...>. Я больше не признаю никаких каст в Республике, я вижу в ней только хороших и плохих граждан. Какое мне дело до того, что человек родился дворянином, если он хорошо себя ведет? Что мне до его плебейского происхождения, если человек негодяй? Если один нарушает общественный порядок, его следует заключить в тюрьму, если другой обворовывает республику, меч закона должен настигнуть его. Нужно искать врагов народа на площадях, в администрациях – всюду, где бы они ни находились, ибо, я повторяю, во Франции есть только республиканцы и антиреспубликанцы, они же негодяи». Вслед за тем Тальен решительно высказался в пользу восстановления свободы слова. Он заявил о недопустимости сохранять только за несколькими должностными лицами право высказываться: нужно, чтобы в обществах и театрах могли говорить всё, за исключением того, что нарушает общественный порядок и противоречит нормам морали. Провозгласив лозунг «Свобода прессы или смерть!», он подчеркнул, что именно эта свобода сможет уничтожить злодеев. Речь Тальена была встречена бурными аплодисментами. Вместе с тем Конвент постановил напечатать речь Луше и отправить ее в Комитет общественного спасения⁴²³. Конвент находился на перепутье: большинство депутатов еще не определилось с тем, в каком направлении должна идти Республика.

Спустя ровно месяц после термидорианского переворота, 28 августа 1794 г., Тальен выступил в Конвенте с пространном осмыслением той системы Террора, которая недавно доминировала в стране и всё еще не была до конца ликвидирована. Он, возможно, как никто другой понимал специфику Террора, поскольку сначала был его проводником, а затем – его потенциальной жертвой. Начало речи звучало крайне мрачно: «Тень Робеспьера всё ещё витает над Республикой; умы людей, столь продолжительное время разделенных, так неистово возбуждены адским гением этого тирана, этого заклятого врага свободы своей страны, что всё ещё разрознены»⁴²⁴.

⁴²³ Archives parlementaires de la Révolution française. T. 95. P., 1987. P. 298.

⁴²⁴ Tallien J.-L. Discours prononcé à la Convention Nationale dans la Séance du 11 fructidor, l'an 2 de la République

Вслед за этим Тальен дал чрезвычайно точное и выразительное объяснение сущности Террора: «Террор – это всеобщий, ставший привычным страх; страх, который приходит извне и проникает в самые глубокие фибры души, ведет личность к деградации и низводит на уровень животного; это – истощение всех физических сил человека и его моральное опустошение, расстройство всех его мыслей, полная перемена всех его привязанностей, настоящее смятение души, которое оставляет в ней лишь способность страдать и отнимает у нее в несчастьях как сладость надежды, так и те ресурсы, что дает отчаяние. Вызываемый террором ужас – это экстремальное чувство, которое не может стать ни больше, ни меньше»⁴²⁵.

Далее Тальен предложил свой анализ различных видов страха, подчеркивая их различие и разную степень влияния на людей: «Правительство имеет два способа заставить себя бояться. Один состоит в том, чтобы ограничиваться выявлением дурных действий и выносить за них пропорциональные наказания. Другой состоит в том, чтобы угрожать лицам всегда и за все что угодно – угрожать такими жестокостями, какие только может подсказать воображение. Эти два способа оказывают разное воздействие: один пробуждает страх в определенных случаях, другой – терзает страхом постоянно; один вызывает предчувствие того ужаса, который последует за совершением преступления, другой собственно и ведет к тому, чтобы душа наполнилась ужасом (*terreur*), независимо от ощущения своей невиновности; один предполагает разумный страх перед законом, другой – безумный страх перед людьми»⁴²⁶.

Затем Тальен подробно поделился своими соображениями о том, в чем, на его взгляд, состояла суть господствовавшей во Франции системы Террора: «Чем более невыносима жизнь, тем ужаснее должна быть смерть, чтобы заставить себя бояться. Нужно прежде всего наполнить страхом сознание, затем, чтобы

sur les principes du Gouvernement révolutionnaire. P., s.d. P. 2.

⁴²⁵ Ibid. P. 3. Перевод цит. по Чудинов А.В. Террор Французской революции на земле Египта. 1798–1801 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 30.

⁴²⁶ Там же.

его потрясти, нужно добавить к картине смерти зрелище кровопролития, затем необходимо объединить жертвы вместе и уничтожать одних на глазах у других. Далее нужно увеличить их число и, прежде чем отправить человека на смерть, надо показать ему смерть десятков других, притом подобрать жертв с жестоким искусством: казнить добродетельного ремесленника вместе с преступником, порядочного человека с худшим из негодяев, и, наконец, дойдя до изощрения – убить отца вслед за сыном, мужа вслед за женой, брата вслед за сестрой...»⁴²⁷. Характерно, что оратор никоим образом не сгущал краски и ничего не домысливал, а всего лишь анализировал и обобщал опыт деятельности государственной машины террора в предшествующие месяцы.

Террор, подчеркивал Тальен, «может быть полезен лишь меньшинству, которое желает притеснить большинство»⁴²⁸. А поскольку после «революции 9 термидора» ситуация кардинально изменилась, необходимо поставить в порядок дня не террор, а правосудие. Обращаясь к коллегам, Тальен призвал их, с одной стороны, сохранить революционное правление, с другой – восстановить правосудие. По мнению французского историка П. Генифе, тем самым оратор выдвинул взаимоисключающие требования, ибо «правление может считаться “революционным” лишь постольку, поскольку оно стоит выше законов и обладает правом действовать, руководствуясь лишь необходимостью общественного спасения. Правосудие, напротив, требует, чтобы власть закона распространялась на всё, только так можно гарантировать права каждого»⁴²⁹.

Хотя, по словам Тальена, Конвент за прошедшее время проделал уже значительный путь по преодолению террористического наследия Робеспьера, многое ему еще только предстоит сделать. Прежде всего, Конвент должен прекратить разделение республики на два класса людей: тот, который пугает, и тот, который боится, то есть на преследователей и преследуемых. В обществе, подчеркивал Тальен, должен существовать «благодетельный страх перед

⁴²⁷ Tallien J.-L. Discours prononcé à la Convention Nationale dans la Séance du 11 fructidor, l'an 2 de la République sur les principes du Gouvernement révolutionnaire. P., s.d. P. 5.

⁴²⁸ Ibid. P. 11.

⁴²⁹ Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М., 2003. С. 23.

наказаниями», однако необходимо прекратить «казни за каждое действие, угрозы за каждое слово и подозрение за любое молчание»⁴³⁰.

Несмотря на недюжинное красноречие оратора, аудитория довольно равнодушно восприняла его выступление. По мнению французской исследовательницы Т. Шарль-Вайян, это было связано с тем, что в числе слушателей Тальена находились люди из «охвостья Робеспьера»⁴³¹ и ярые якобинцы, которым не очень нравилась идея возвращения к безграничной свободе⁴³². Однако, на мой взгляд, более точной выглядит оценка Б. Бачко, считавшего, что эту речь мало кто воспринял всерьез, прежде всего потому, что Тальен сам недавно был одним из творцов Террора, который он в данную минуту критиковал. Однако, признает Бачко, Тальен поставил важные проблемы, без которых на тот момент не могли обойтись никакие размышления о Терроре⁴³³.

Французский историк П. Генифе особенно высоко оценил точность наблюдений Тальена относительно различия между обычным правосудием, которое пугает потенциального преступника неотвратимостью кары за правонарушение, и системой Террора, суть которой состоит в управлении людьми при помощи всеобщего страха. Что касается противоречивости предложений Тальена, с одной стороны, сохранить революционное правление, с другой – восстановить правосудие, то она, согласно Генифе, была обусловлена спецификой текущего момента: призывая к демонтажу системы Террора, Тальен должен был опасаться обвинений в «снисходительности», которые менее полугода тому назад стоили жизни дантонистам⁴³⁴.

Выступление Тальена стало своего рода сигналом для других противников системы Террора к наступлению в Конвенте на сторонников ее сохранения. 29 августа депутат Лоран Лекуантр произнес обвинительную речь против семи

⁴³⁰ Ibid.

⁴³¹ Подробнее см.: Бовыкин Д. Ю. «Охвостье Робеспьера» // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М., 2020. С. 68–94.

⁴³² Charles-Vallin T. Op. cit. P. 140.

⁴³³ Бачко Б. Указ. соч. С. 77.

⁴³⁴ Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003. С. 24–25.

депутатов – членов Комитетов общественного спасения и общей безопасности: Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Вадье, Амара, Вуллана и Давида. Выдвинув против них 26 пунктов обвинения, Лекуантр среди прочего изобличал их в том, что они распространяли систему террора, покрыв Францию тюрьмами, и не предприняли в ночь с 8 на 9 термидора никаких мер для обеспечения общественного спокойствия и безопасности Конвента⁴³⁵.

Однако позиции членов Комитетов в Конвенте были еще сильны, и атака Лекуантра встретила мощный отпор. Один из депутатов потребовал оставить без внимания его обвинения и просто вернуться к повестке дня. Его поддержал депутат Тюрио, заявивший, что Конвент обязан примирить интересы людей с интересами правосудия: «Интерес народа требует, чтобы мы с негодованием отвергли обвинения, выдвинутые Лекуантром, интерес же правосудия предполагает, чтобы подозрения не нависали над обвиненными членами <...> Наши коллеги, которым желают предъявить обвинения, всегда вели себя в соответствии с национальными интересами и желанием Конвента». В результате Конвент, как отмечается в протоколе, «с глубочайшим негодованием» отверг обвинения Лекуантра и перешел к повестке дня⁴³⁶.

Однако выступлением Лекуантра противники системы Террора фактически объявили войну ее сторонникам, и те, воспользовавшись его неудачей, уже на следующий день, 30 августа, попытались перейти в контратаку. Один из членов Конвента предложил вернуться к обсуждению сказанного накануне Лекуантром. Этому решительно воспротивился Тальен: «Конвент хотят превратить в трибунал, чтобы услышать доказательства обвинений. Вчера говорили, что мы должны заставить Лекуантра назвать тех, кто побудил его к этому шагу. То же самое мнение можно найти и в некоторых газетах. Тем самым хотят возобновить ссору, разрывая лоно страны, и заточить кинжалы аристократии!»⁴³⁷. Тем не менее было принято решение вновь выслушать

⁴³⁵ Archives Parlementaires de la Révolution Française. T. 96. P., 1990. P. 78-79.

⁴³⁶ Ibid. P. 82.

⁴³⁷ Ibid. P. 104.

Лекуантра. После его выступления Конвент официально признал выдвинутые им обвинения против семи депутатов клеветническими⁴³⁸. Это было уже серьезно: от такого решения до начала судебного преследования оставался буквально один шаг, и левые депутаты начали активно подталкивать Конвент к тому, чтобы такой шаг сделать.

В тот же день обсуждение доклада Лекуантра продолжилось в Якобинском клубе. Депутат Каррье, с чьим именем было связано осуществление жесточайшего террора в Нанте, поднялся на трибуну и заявил, что обвинения Лекуантра против семи депутатов целят дальше: это обвинения и против Конвента в целом, и против всего французского народа. Каррье также заявил, что Тальен является сообщником Лекуантра, в подтверждение чего сослался на сказанные несколькими днями ранее слова Тальена: «Мы устроим 10-е фрюктидора и используем для этого убийц, если потребуется». Каррье также добавил, что в этот день арестовали двух человек, которые сказали: «Если будет причинен вред Лекуантру, найдется много людей, которые его поддержат». На основе этих утверждений Каррье делал вывод, что в Париже готовится какое-то грандиозное событие и предложил председателю вызвать Тальена и Лекуантра на следующее заседание Якобинского клуба, и, если они не придут – исключить их из числа якобинцев. Дюэм также заявил, что это Тальен, Фрерон и Дюбуа-Крансе подговорили Лекуантра составить обвинительный акт, который тот и представил Конвенту. В подтверждение своих слов Дюэм добавил, что слышал об этом от них самих. Ему возразил Дюфурни, заявивший, что на предыдущем заседании слышал, как Тальен и Фрерон убеждали Лекуантра не выступать с обвинительным актом⁴³⁹.

Доклад Тальена с критикой системы Террора и последовавшее сразу же за ним выступление Лекуантра представляются взаимосвязанными. Некоторые историки, исследовавшие посттермидорианские события, сходятся во мнении, что выступление Лекуантра действительно было инспирировано Тальеном и

⁴³⁸ Moniteur, 2 septembre 1794. P. 3.

⁴³⁹ La Société des Jacobins. T. 6. P., 1897. P. 396-397.

Фрероном⁴⁴⁰. Произнося речь против системы Террора, Тальен фактически метил в сторонников ее сохранения (Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и др.), но не назвал никаких конкретных имен, поскольку не был уверен в том, что открытое нападение на соперников приведет к успеху. Более того, конкретные обвинения против ведущих политиков эпохи Террора могли навлечь встречные обвинения и на самого Тальена, чья политика в Бордо вызывала к себе неоднозначное отношение. Поэтому он и подбил Лекуантра зачитать с трибуны обвинительный акт, вызвавший большой резонанс.

Как мы видели, выступление Лекуантра вызвало недовольство и бурную дискуссию в Конвенте. По мнению депутата Ж.-М. Гужона, озвученные Лекуантром обвинения были направлены против самого Конвента: «Да, обвиняется Конвент, обвиняется французский народ, поскольку они терпели тиранию гнусного Робеспьера»⁴⁴¹. Это замечание Гужона, отмечает Б. Бачко, точно выразило те опасения, которые вызвала у депутатов спровоцированная Лекуантром дискуссия: как при поиске виновных в Терроре определить личную долю ответственности каждого? Как отделить «руководителей» от «исполнителей»?⁴⁴². Поэтому Лекуантра сначала отказывались выслушать, а затем его обвинили в клевете. Столкнувшись с таким отпором, Тальен постарался успокоить оппонентов и представить дискуссионное выступление Лекуантра следствием его личной пылкости, а никак не результатом заговора, и заявил во всеуслышание, что сам он отношения к обвинительному акту не имеет и даже пытался отговорить Лекуантра от его оглашения.

Хотя Конвент прохладно отнесся к размышлениям Тальена о системе Террора и принял в штыки выступление Лекуантра, обе эти речи возымели действие, оказав свое влияние на общественное мнение. Прозвучавшие во всеуслышание обвинения было невозможно игнорировать. Тем, кто стал их мишенью, надо было показать, что они не цепляются за власть, как недавно

⁴⁴⁰ См.: Бачко Б. Указ. соч. С. 79, Бовыкин Д.Ю. «Охвостье Робеспьера»... С. 82, Матьез А. Термидорианская реакция... С. 38.

⁴⁴¹ Archives Parlementaires de la Révolution française. Т. 96. P., 1990. P. 80.

⁴⁴² Бачко Б. Указ. соч. С. 78.

свергнутый ими Робеспьер. И всего лишь два дня спустя, 1 сентября, Бийо-Варенн и Колло-д'Эрбуа на заседании Конвента подали прошение о выходе по собственному желанию из состава Комитета общественного спасения. Их отставке воспротивился Пьер-Жозеф Камбон, заявивший, что от нее выиграет лишь аристократия. Законодатели, подчеркнул Камбон, должны быть безупречными, а подобная отставка способна заронить подозрение, что причина ее состоит в неких неблагоприятных поступках, а потому в ней надо отказать. Но Бийо-Варенн в ответ заявил, что нет смысла искать скрытые причины отставки, поскольку она совершается по собственному желанию. То же подтвердил и Колло-д'Эрбуа.

В тот же день заявление об отставке из Комитета подал и Тальен, обосновав свое решение так: «Каждый должен добровольно обречь себя на своего рода остракизм, чтобы не стать препятствием на пути революционного успеха... Поэтому я заявляю, что ухожу в отставку с должности члена Комитета общественного спасения. Я возвращаюсь в ряды [депутатов], чтобы сражаться там с той же энергией со всеми врагами революции... Я прошу, чтобы Конвент принял и мою отставку»⁴⁴³. В итоге все отставки были приняты. Своим добровольным уходом из состава Комитета Тальен, вероятно, попытался отвести от себя подозрения в том, что он составил заговор с Лекуантром, дабы занять место обвиненных тем депутатов у кормила власти.

Однако избежать обвинений Тальену не удалось. Они звучали в Якобинском клубе и касались, помимо прочего, его роли в подготовке выступления Лекуантра. 3 сентября перед началом заседания в Клубе некоторые его члены потребовали, чтобы обсуждение текущих вопросов не проводилось до тех пор, пока не будет обсуждено дело Тальена и не свершится правосудие «над главарями фракции, угнетающей патриотов и поддерживающей аристократов, лидеры которой состоят в Обществе»⁴⁴⁴. Члены Клуба один за другим нападали на Тальена, Фрерона и Лекуантра. Так, Луа (Loys) заявил, что

⁴⁴³ Moniteur. 1794. 3 septembre. P. 4.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 408.

все знают лидеров новой фракции – это Тальен, Лекуантр и другие. К нему присоединился Лакомб, потребовавший изгнания тех, «кто недавно оскорбил якобинцев, поскольку эти враги Общества отделились от патриотов и захотели уничтожить республику». Еще один выпад в сторону Тальена, Фрерона и Лекуантра предпринял якобинец Фейе (Faуау). Он обвинил Тальена в том, что тот «провозгласил принципы, выгодные заговорщикам». Фейе также припомнил Тальену и Фрерону их недавние слова о свободе прессы, которые, по мнению оратора, «должны были побудить аристократов в своих трудах потребовать короля, тирана. <...> Если будет установлена неограниченная свобода прессы, вы скоро увидите разлад и гражданскую войну». Подводя итог, Фейе предложил немедленно исключить Тальена, Фрерона и Лекуантра из Клуба, если они не смогут ответить на все выдвинутые против них обвинения.

Затем на трибуну вышел Каррье, вновь обрушившийся с нападками на Тальена: «Тальен непрестанно требовал правосудия, полного правосудия. Это похоже на то, как если бы последний негодяй постоянно говорил, что он порядочный человек. Честный и нравственный человек, в отличие от Робеспьера и Сен-Жюста, не разглагольствует о правосудии и добродетели, а воплощает их в жизнь, он не проповедует в пользу дворян и священников <...> Подсчитайте как увеличилось число местных дворян и священников, и вы убедитесь, что существует заговор и фракция, которая его поддерживает, а их лидер – Тальен».

Финальным аккордом стало выступление Левассёра, который, как и его коллеги, счел Тальена, Фрерона и Лекуантра авторами обвинительного акта против наиболее радикальных членов Комитета общественного спасения: «Тем, кто вышел вперед, был Лекуантр, тем, кто его подтолкнул – Тальен. Кто авторы подготовленных выступлений? Тальен и Фрерон. Кто дополнил эту речь? Лекуантр». Левассёр напомнил и о романе Тальена с Терезой Кабаррюс: «Давайте потребуем у Тальена подробный отчет о его связях, пусть он расскажет нам, как был с женой эмигранта, которая оказалась дочерью казначея

короля Испании»⁴⁴⁵.

Тальен начал ответную речь с того, что мимоходом напомнил о своей роли в свержении Робеспьера: «Я не буду говорить о том, что я сделал 9 термидора чтобы одолеть тиранию. В тот памятный день все выполнили свой долг, Республику спасли не отдельные лица, а Конвент. После 9 термидора патриотам пришлось объединиться для борьбы с интригами. Недостаточно было свергнуть тирана, важно было предотвратить возрождение тирании из пепла <...> Я требовал, чтобы все враги народа попали под меч закона, но я хотел, чтобы мы больше не нападали на семьи ни в чем не повинных людей <...> Я просил принять решительные меры, но только чтобы эти меры были продиктованы мудростью и добродетелью. Это принципы, которые я исповедую и которых буду придерживаться до конца своих дней».

Далее Тальен перешел к ответам на конкретные обвинения, которые выдвинули против него члены Якобинского клуба. На упрек в том, что он якобы желает устроить «10 фрюктидора», он ответил, что на одном из заседаний в зале оказались люди, которые позволили себе оскорбления, и именно тогда Тальен сказал: «Если Конвент организовал 10 термидора против Робеспьера, он сможет устроить и 10 фрюктидора против его сообщников, если таковые ещё остались». На заявление, что Тальен якобы хочет прибегнуть к помощи убийц, чтобы устроить «10 фрюктидора», он ответил, что ничего подобного не говорил, и призвал обратиться к Фрерону и Дюбуа-Крансе, которые могли бы это подтвердить.

Обвинение в сообщничестве с Лекуантром и в том, что именно Тальен побудил того озвучить обвинительный акт, он опроверг следующим образом: «Когда стало известно, что Лекуантр полон решимости зачитать этот акт Конвенту, Лежандр, Мерлен из Тионвиля и я сказали, что поговорим с ним. Мы в самом деле поговорили с ним, чтобы дать ему понять: его поступок ставит под угрозу общественное дело. На следующий день я сообщил Комитету

⁴⁴⁵ Ibid. P. 411-412.

общественного спасения, что мы не смогли ничего добиться от Лекуантра, и я пересказал, насколько позволяла память, содержание его обвинительного акта». Наконец, Тальен нехотя и очень осторожно ответил на обвинения в связи с Терезой Кабаррюс: «В парижских тюрьмах оказалась жертва Робеспьера, арестованная по доносу Ташеро, Лавалетта и Буланже. Она оказалась там лишь потому, что отказалась подписать донос, в котором говорилось, будто бы я собираюсь сбежать из Бордо на фрегате с 6 миллионами и эмигрировать в Америку. Я обратился в Комитет общей безопасности ещё до его реорганизации, чтобы добиться свободы для той жертвы, о которой я только что сказал». В заключение своей речи Тальен подчеркнул, что если Якобинский клуб сочтет его недостойным заседать в этих стенах, то он уйдет в Конвент, «чтобы там яростно сражаться с фракциями и интриганам»⁴⁴⁶.

Вслед за Тальеном перед Якобинским клубом попытался оправдаться Фрерон, однако его оправдания не успели обсудить, поскольку Каррье заявил, что не хочет говорить о Фрероне, и снова набросился на Тальена: «Он говорит о справедливости так, как фельяны когда-то говорили о конституции, я обвиняю его в том, что он произнес речь, которая побудила всех контрреволюционеров скрыться и оставила безнаказанными дворян и священников. Я заявляю, что он требовал 10 фрюктидора не так, как он утверждал, а с яростью и кощунством». Дюкенау (Duquesnoy) добавил, что в результате господствовавшей системы умеренности количество дезертиров-офицеров увеличилось. Тальен ответил, что не его система была причиной увеличения числа контрреволюционеров, поскольку его проект декрета был отклонен Конвентом (речь идет о выступлении 28 августа, в котором Тальен осуждал систему Террора). Дискуссия продолжалась ещё некоторое время, и по итогам заседания было решено исключить Тальена и Фрерона из Якобинского клуба⁴⁴⁷. Еще недавно изгнание из Клуба воспринималось как зловещий знак, предвещавший грядущие репрессии. Однако якобинцы уже не имели прежнего влияния, а

⁴⁴⁶ Ibid. P. 413-415.

⁴⁴⁷ Ibid. P. 416-417.

последовавшие за этим события, позволили Тальену взять убедительный реванш.

В ночь с 9 на 10 сентября представители революционного комитета парижской секции Л'ом-армэ (l'Homme-Armé) сообщили, что неизвестный напал на Тальена, когда тот возвращался домой⁴⁴⁸. Позже стало известно, что Тальен был ранен в плечо⁴⁴⁹ предположительно выстрелом из пистолета в упор⁴⁵⁰. Однако по Парижу разнесся слух о его смерти. Полицейские агенты доносили, что все теперь только об этом и говорят⁴⁵¹.

Покушение на Тальена позволило его единомышленникам, вынужденным в предшествующие дни обороняться, развернуть решающее наступление на сторонников сохранения системы Террора. Сразу после происшедшего Мерлен из Тионвиля в Конвенте заявил, что сторонники Робеспьера всё ещё живы и доказательство тому – «пролившаяся минувшей ночью кровь патриота». Утром 10 сентября на заседании Конвента Фрерон с пафосом воскликнул: «Ассамблея, без сомнения, в нетерпении узнать о состоянии нового мученика свободы, который, после морального убийства, ибо он имел смелость выступить в защиту вечных принципов справедливости, пал под ударом смертоносного металла. Я прошу, чтобы сводка о состоянии здоровья Тальена была зачитана сегодня, и чтобы такие сводки зачитывали каждый день вплоть до его выздоровления»⁴⁵². *Gazette française* отмечала, что «народ испытывает живой интерес к судьбе того, кто первым осмелился выступить против Робеспьера»⁴⁵³. Покушение способствовало взлету популярности Тальена. Вот что об этом писал политический деятель того времени Этьенн Паскье:

«Я видел его, когда спустя несколько дней вновь появился в театре Одеон. Все знали, что он [Тальен] должен прийти сюда и ждали его. Никогда еще зрительный зал не был так полон. Места всем не хватало: лестницы были

⁴⁴⁸ Bulletin du comité révolutionnaire de la section de l'Homme-Armé (du 24 fructidor de l'an II). AN F/7/4775/24

⁴⁴⁹ En exécution de l'ordre relatif à l'assassinat du représentant du peuple Tallien (du 24 fructidor de l'an II). AN F/7/4775/24.

⁴⁵⁰ Moniteur. 1794. 13 septembre. P. 2.

⁴⁵¹ Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 1. P. 93.

⁴⁵² Moniteur. 1794. 12 septembre. P. 2.

⁴⁵³ Aulard A. Op. cit. P. 93.

заполнены так же, как и партер. Одним словом, какой прием! Мужчины, женщины – все поднимались на скамьи, чтобы как следует его рассмотреть. Схожие сцены повторялись в течение всего этого года. Еще ни одна оказанная услуга, какой бы значимой она ни была, не вызывала такого признания, не вознаграждалась такой пылкой и трогательной благодарностью...»⁴⁵⁴.

Газета *Orateur du peuple* отмечала, что покушение на Тальена – дело рук человека, который стал «орудием фракции Робеспьера», поскольку подозреваемый в преступлении признался, что ещё совсем недавно работал у Артюра (Arthur), известного робеспьериста, который был гильотинирован вместе с мятежной Коммуной⁴⁵⁵.

Оправившись от полученного в сентябре ранения, Тальен вернулся к активной политической жизни. На заседании Конвента 9 октября был поднят вопрос о продолжении чистки рядов членов Якобинского клуба. В частности, депутаты Мерлен из Тионвиля и Кавеньяк выступили с обвинениями против арестованного накануне бывшего комиссара Жио (Giot), который до этого находился с миссией в Пиренеях. По словам Мерлена, Жио, покидая Пиренеи, присвоил средства своих коллег. Кавеньяк добавил, что лично знает Жио и отметил недобросовестное исполнение им обязанностей и его страсть к наживе, заметив, что «сильнее его некомпетентности была только его наглость». Также, по словам депутатов, Жио занимался подстрекательством в народном обществе Байонны, где проповедовал модерантизм. Высказанные депутатами обвинения против Жио были переданы в Комитет общей безопасности, однако дискуссия продолжилась и дала повод Тальену высказаться о народных обществах в целом: «Мы все согласны с тем, что есть люди, которые хотят бесконечных волнений, хотят уничтожить общественную свободу и Национальное собрание». Тальен подчеркнул, что никогда не разделял мнение тех, кто считает необходимым уничтожить народные общества. Он заявил, что их нужно использовать, но предварительно надо «очистить», чтобы они больше не

⁴⁵⁴ Mémoires du chancelier Pasquier, publiée par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. P., 1893. T. 1. P. 113.

⁴⁵⁵ Aulard A. Op. cit. P. 93-94.

служили орудием преступников в достижении теми своих целей. «Там есть добрые граждане, – говорил Тальен, – полезные люди, трудолюбивые фермеры, умелые мастера, ревностные защитники Отечества. Но те, кто хочет жить, ничего не делая, кто хочет существовать грабежом, кто хочет встать во главе правительства, чтобы растрачивать средства, эти люди – дурные граждане, они должны быть уничтожены. Давайте воздвигнем на их останках колонну Равенства и покажем народу это заветное божество, поддерживающее свободу. Я прошу, чтобы три комитета подготовили доклад о решительных мерах, которые необходимо принять против агитаторов всех мастей, чтобы после их уничтожения мы могли мирно заняться большой работой, которую нам еще предстоит проделать ради счастья народа»⁴⁵⁶. Предложение Тальена было поддержано депутатами Конвента.

На заседании 20 октября было зачитано обращение, адресованное депутатам Конвента от представителей народного общества города Карпантра на юго-востоке страны, особенно сильно пострадавшего от революционного террора. Адресанты выразили благодарность за то, что народные представители, прибывшие в их департаменты, остановили распространение злодейства и пресекли «ужасный заговор, который вынашивали пособники Робеспьера при поддержке всех негодяев Юга». По их словам, они не могли «вспоминать памятные дни 9 и 10 термидора, не благословляя при этом Национальный Конвент, и не оплакивать несчастных жертв, погибших в нашем краю до этой славной эпохи». Представители народного общества в своем адресе просили Конвент завершить чистку Республики и уничтожить всех негодяев и злодеев, «какую бы маску те ни надели и какую бы сторону ни приняли». Тут же один из депутатов Конвента предложил принять решение об аресте командира 4-го батальона департамента Ардеш, которого народное общество Карпантра обвинило в совершении «величайших злодеяний». Однако столь поспешная мера слишком напоминала те практики Террора, от которых

⁴⁵⁶ Moniteur. 1794. 12 octobre. P. 3.

Конвент уже три месяца как пытался уйти, и коллеги предложили передать вопрос на рассмотрение Комитета общей безопасности. Взяв слово, Тальен поддержал идею оставить вопрос на усмотрение Комитета, поскольку по «простому высказыванию обычного человека, мы не можем отдать приказ об аресте гражданина». Он подчеркнул, что Конвент никогда не должен отдавать приказ об аресте кого бы то ни было, не заслушав предварительный отчет⁴⁵⁷.

На следующий день, 21 октября, Тальен выступил с законодательной инициативой, призванной предотвратить на будущее такие судебные расправы по ускоренной процедуре над членами Конвента, которые в период Террора являлись постоянной практикой: «Я прошу, чтобы, когда дело доходит до обвинения, выдвинутого против представителя народа, Конвент, после получения информации об этом от революционного трибунала, назначал комиссию из двенадцати членов, из которых обвиняемый может оспорить шестерых. Эти члены будут нести ответственность за анализ документов, поданных против народного представителя, а также за подготовку отчета для Конвента, в соответствии с которым он примет решение путем поименного голосования. Я думаю, что эти меры будут способствовать сохранению свободы и национального представительства. Я считаю, что они могут быть, если вы захотите, переданы на рассмотрение трех комитетов. В конце концов, эти меры позволят избежать произвола и обеспечат целостность национального представительства»⁴⁵⁸.

Предложение Тальена вызвало дискуссию. Депутат Лежён поддержал его и заявил, что пришло время обсудить этот вопрос, поскольку слишком долго угроза преследования оказывала давление на представителей народа. Лежён заметил, что «если здесь есть преступники, я хочу, чтобы им нанесли удар, но я также хочу, чтобы Конвент выступал против них только тогда, когда он как следует информирован. Одна только мудрость сможет спасти народ и нас с вами». Вместе с тем он выразил опасение, что предложенная Тальеном

⁴⁵⁷ Moniteur. 1794. 23 octobre. P. 4.

⁴⁵⁸ Moniteur. 1794. 24 octobre. P. 3.

комиссия может стать своего рода Огненной палатой, способной избавиться от тех представителей, чрезмерная активность которых будет ее раздражать. Лежён заявил: «Прочитайте историю монархий, и вы увидите, что все тираны, которые хотели управлять в соответствии со своими прихотями, создавали подобные комиссии, столь удобные для совершения преступлений. Хотим ли мы возродить эти учреждения, столь пагубные для невиновных? Предложение Тальена предоставляет революционному трибуналу ту инициативу, которую он не хочет оставлять комитетам и которая принадлежит только национальному представительству. Если вы примете эту систему, вы передадите свое политическое существование в руки трибунала, который может стать инструментом Англии и коалиционных держав».

Лежёна поддержал депутат Пеле, заявивший: «Необходимо, чтобы Конвент занялся этим, спасительным для Отечества вопросом, потому что Конвент может спасти его только до тех пор, пока сам чист и вызывает доверие и уважение народа. Лежён сказал правду: печально известная коалиция хочет уничтожить Конвент, ибо она не может уничтожить нашу армию. Первое средство, которое она для этого использовала – убедить всех, что в Конвенте были сформированы партии <...>. Мы больше не должны бояться партий, да, здесь могут возникнуть противоположные мнения, но ни в коем случае не партии – мы преподали им хороший урок 9 термидора. Мы можем опасаться только второго средства, используемого нашими врагами – клеветы». В итоге предложение было принято⁴⁵⁹.

26 октября Тальен предложил пересмотреть одну из статей декрета от 6 августа 1793 г., согласно которой все те, кто входил в Народную комиссию Бордо, а также те, кто занимался подстрекательством или присоединялся к ее действиям, объявлялись вне закона, а их имущество подлежало конфискации в пользу Республики. По его словам, эта статья затрагивала практически всех жителей департамента Бек-д'Амбе. Тальен подчеркивал, что преступления

⁴⁵⁹ Ibid.

лидеров жирондистской фракции слишком хорошо известны во всей Франции, и он не предлагает избавить этих преступников от заслуженного наказания, однако всегда есть риск перепутать виновного с невиновным, а подобный закон может с легкостью развязать руки интриганам, которые будут использовать его в качестве орудия мести против добрых граждан. В связи с этим Тальен потребовал, чтобы его проект был направлен на рассмотрение в Комитеты общественного спасения, общей безопасности и Законодательный комитет, что тут же было поддержано его коллегами⁴⁶⁰.

На заседании 28 октября Бурдон из Уазы предложил ввести дополнительную статью, согласно которой под суд революционного трибунала должны отправляться ложные доносчики, чтобы подвергнуться наказанию, предназначенному для клеветников. Ему возразил депутат Пеле, заявивший, что подобная статья уже существует и нет необходимости в принятии новой. Таким образом мнения в Конвенте разделились. Тальен заявил, что этот вопрос достаточно серьезен и требует тщательного рассмотрения: «Без сомнения, национальное представительство должно вызывать уважение, но для этого необходимо, чтобы аморальные и преступные люди привлекались к ответственности. Однако статья, предложенная Бурдоном, сможет закрыть рот даже тем смельчакам, которые могли бы открыть истину, но побоятся это сделать из страха быть обвиненными в клевете. Когда речь пойдет об обвинении в адрес народного представителя, нужно будет подвергнуть таковое самой тщательной проверке, однако предложенная статья вредит нашим принципам. Если вы примете эту статью, то дадите оружие в руки недоброжелателям, которые непременно скажут народу, что вы хотите уничтожить истину». Этот пассаж был встречен аплодисментами коллег Тальена, после чего тот продолжил: «Человек, который совершит ложный донос на какого-нибудь народного представителя с целью унижить народное представительство, должен быть привлечен к ответственности, но в этом случае

⁴⁶⁰ Moniteur. 1794. 29 octobre. P. 2-3.

понадобится очень точно определить те случаи, в которых этот ложный доносчик должен подвергнуться наказанию. Нужно их определить так, чтобы при этом не отдалиться от правды, чтобы не воссоздать тиранию доминирующего Комитета, чтобы люди, которые держат в своих руках жизни и честь граждан, могли быть разоблачены если они посягают на общественную свободу <...>. В законах, исходящих от Конвента, не должно быть ничего, что могло бы допустить произвол, что могло бы помешать человеку раскрыть правду, которую он считает полезной для страны. Я требую обсудить целесообразность внесенного предложения, и сверх того, отправить его на рассмотрение трем Комитетам, чтобы определить, в каких случаях недоброжелатели Конвента должны понести наказание». В результате предложение Тальена было поддержано и проект был отправлен на рассмотрение Комитетам⁴⁶¹.

Продолжая свое наступление на оппонентов, начатое после покушения на Тальена, он и его сторонники добились закрытия Клуба якобинцев. 12 ноября на заседании Конвента депутат Жозеф-Франсуа Ленъело заявил, что, отдав должное всему тому хорошему, что в свое время сделали якобинцы, следует признать: их клуб больше нельзя считать истинно народным обществом. Он добавил также, что есть люди, чье влияние пора ослабить, ибо оно может оказаться фатальным для Республики. Ленъело отметил, что якобинцы пользовались поддержкой, когда соперничали с добродетелью, а не с законной властью. По его словам, «после 9 Термидора якобинцы, пользуясь безнаказанностью и полагая, что у национального представительства не хватает смелости и оно рассматривает их как священный ковчег, к которому нельзя прикоснуться, продолжали разрабатывать план восстания. Я спрашиваю вас, должны ли во Франции существовать две партии? Нет, существует только одна Республика. Якобинцы – фракция, а всё, что является фракцией, подлежит наказанию». Каждая сказанная Ленъело фраза была встречена бурными

⁴⁶¹ Moniteur. 1794. 30 octobre. P. 3.

аплодисментами и одобрительными возгласами, и когда в финале своего выступления депутат попросил, чтобы Конвент одобрил меры, принятые четырьмя комитетами для обеспечения спокойствия и укрепления свободы общества, под которыми подразумевалось закрытие Якобинского клуба, его предложение было принято абсолютным большинством голосов и сопровождалось возгласами «Да здравствует Республика!» и «Да здравствует Конвент»⁴⁶².

7 декабря депутат Андре Дюмон выступил с обвинениями против Жозефа Лебона, с которым он был в миссии в департаментах Сомма и Уаза и который был арестован через несколько дней после термидорианского переворота. Дюмон обвинил бывшего коллегу в чрезмерном терроре, и в том, что Лебон «погрузил в траур Север Франции». В финале своей речи Дюмон призвал Конвент поручить Комитетам подготовить в течение восьми дней отчет о поведении Лебона. Следом на трибуну вышел Тальен, который пожелал добавить ещё одно предложение к уже озвученному. Он попытался убедить коллег в том, что необходим отчёт Комитетов о лицах, заключенных в тюрьмы после 8 и 9 термидора: «Мы должны отличать тех, кто был введен в заблуждение, тех, кто верил, что, совершая крайности, служит Отечеству, от непосредственных агентов жестокого правительства, этих присяжных заседателей революционного трибунала, которые получали удовольствие, без суда приговаривая людей к смерти, и которые собирались посеять террор во всех департаментах». По мнению Тальена, следует, чтобы Конвент поручил Комитету общей безопасности освободить «людей, сбившихся с пути» из первой категории и немедленно отдать под суд революционного трибунала вторую категорию. Конвент принял его предложение⁴⁶³.

20 января 1795 г. Тальен выступил против отмены смертной казни. В тот день депутат Шампен-Обен (Champein-Aubin) предложил рассмотреть вопрос об отмене смертной казни, но его перебили несколько человек, утверждавших,

⁴⁶² Moniteur. 1794. 14 novembre. P. 3.

⁴⁶³ Moniteur. 1794. 7 decembre. P. 2.

что время для этого ещё не пришло. Инициативу Шампен-Обена поддержал Тайефер (Taillefer), обратившийся к коллегам с вопросом, почему нужно оставить смертную казнь в силе, если все свободные народы ее запретили? После чего потребовал, чтобы его коллеге дали слово. Вслед за Тайефером Тальен призвал депутатов оставить слово за докладчиком, однако в своей речи он подчеркнул, что Шампен-Обен заблуждается: «Вспомните, что вас также просили отменить смертную казнь, когда речь шла о суде над тираном Франции. Сегодня вам делают такое же предложение, потому что вы в данный момент принимаете решение касательно судьбы людей, проливавших потоки крови французов». Но эта речь была так же прервана возгласом из зала, который обвинил Тальена в причастности к сентябрьским событиям 1792 г. Тогда Тальен попросил депутата выйти к трибуне и повторно огласить это обвинение, сопроводив его доказательствами. Однако тот не решился взойти на трибуну и Тальен продолжил: «Я призываю всех палачей, всех членов революционных комитетов, всех их сторонников, всех профессиональных убийц не выдвигать против меня никаких обвинений. Многие из них, чтобы заглушить мой голос, обвиняют меня в том, что я убивал 2 сентября. Они знают, что я всё видел. Они знают, что я использовал власть, которой тогда обладал, чтобы спасти от меча убийц многих людей. Они знают, что я единственный из Коммуны осмелился прорваться сквозь эту кровавую толпу <...> Тогда я выполнил свой долг, и сделаю это еще раз, разоблачив провокаторов того кровавого дня, которые сидят среди нас». Ответив на обвинение и не поддержав идею отмены смертной казни, Тальен, тем не менее, попросил, чтобы Конвент вновь дал слово Шампен-Обену, «чтобы никто не мог сказать, что его голос заглушают». Шампен-Обен озвучил свой проект декрета, который предполагал отмену смертной казни во Французской республике и немедленное уничтожение всех гильотин и эшафотов. Проект был выслушан, однако поддержки среди депутатов Конвента не нашёл, поэтому было решено перейти к обсуждению

других вопросов. Большинство оказалось на стороне Тальена⁴⁶⁴.

* * *

Пост-термидорианский период – это время, когда Революция переходила на новую стадию, порывая с диктатурой монтаньяров, – время, когда разрабатывалась и принималась новая Конституция, когда был осуществлен ряд важнейших экономических и политических мер по ревизии политики эпохи Террора. Термидорианский Конвент стремился покончить с наследием Террора, запустив процесс трансформации практически всех сфер общественно-политической жизни. Вместе с тем, период, последовавший за падением Робеспьера, был полон противоречий. Выход из Террора осуществляли те же люди, которые ещё недавно его поддерживали. В данном отношении заслуги Тальена в сохранении Конвентом достаточно устойчивого курса на демонтаж механизма революционной диктатуры трудно преувеличить. Настойчивые призывы к реорганизации прежней системы управления, активная поддержка свободы прессы и осуждение Террора, борьба с Якобинским клубом и дальнейшая его ликвидация – всё это способствовало умиротворению общества и стабилизации внутреннего положения Республики.

§ 3. Разгром роялистов на Кибероне

Летом 1795 года – переломного года Французской революции, когда Конвент после падения системы Террора торопился создать новую конституцию, призванную определить дальнейший путь развития страны; когда термидорианцы продолжали активно преследовать бывших «террористов», стремясь не допустить восстановления недавно свергнутой системы революционного правления; когда уже однажды усмиренная огнем и мечом Вандея вновь подняла белое знамя роялистского мятежа, произошла высадка роялистов на французском полуострове Киберон⁴⁶⁵.

⁴⁶⁴ Moniteur. 22 janvier 1795. P. 4.

⁴⁶⁵ См. например: *Champagnac J.-P.* Quiberon, la répression et la vengeance. P., 1989, 1795, *Huchet P.* Quiberon ou Le destin de la France. Rennes, 1995, *Sibenaler J.* Quiberon, pour le Roi et l'Autel. Coudray-Macouards, 2007.

8 июня 1795 г. в парижской тюрьме Тампль скончался малолетний наследник французского престола, никогда не правивший Людовик XVII. Получив известия о смерти племянника, брат казненного монарха граф Прованский опубликовал «Веронскую декларацию»⁴⁶⁶, объявив себя королем Людовиком XVIII. После объявления европейским державам о своем вступлении на престол он энергично взялся за борьбу с Республикой. Для организации антиреспубликанского восстания Людовик XVIII выбрал, с одной стороны, восточные департаменты, где находились австрийские войска и армия Конде, с другой – Запад Франции, где ставка делалась на шуанов и вандейцев. Предполагалось, что удар союзников с востока позволит активизировать роялистов во Франш-Конте, а удар с запада поднимет вандейцев и шуанов⁴⁶⁷. К лету 1795 г., у эмигрантов окончательно оформился план вторжения на западное побережье Франции, предполагавший высадку в Бретани 25 тыс. англичан под командованием брата Людовика XVIII – графа д'Артуа. Однако в конечном счете было решено высадить на полуостров Киберон десант, состоявший преимущественно из эмигрантов, без участия английских войск,. 17 июня корабли отошли от берегов Британии и спустя неделю оказались в Киберонском заливе. Руководителями роялистского отряда были графы Жозеф де Пюизе и Луи Шарль д'Эрвилли. Их противником выступал молодой и талантливый генерал Луи-Лазар Гош, возглавлявший республиканские войска. По ходу экспедиции к эмигрантам присоединились шуаны, а также некоторые из пленных республиканских солдат. Правда, граф д'Артуа так и не высадился на французский берег, вернувшись в Великобританию⁴⁶⁸, что существенно повлияло на исход событий.

Одним из главных участников Киберонских событий стал Тальен⁴⁶⁹. Накануне он занимался дипломатическими делами, в частности, переговорами о

⁴⁶⁶ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118-129.

⁴⁶⁷ *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства... С. 291-302.

⁴⁶⁸ Там же. С. 308.

⁴⁶⁹ См.: *Зайцева Д.В.* Участие Ж.-Л. Тальена в разгроме Киберонской экспедиции роялистов // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М.: ИВИ РАН. С. 42–52.

мире с Испанией. По словам М. Годоя, фактически возглавлявшего тогда испанское правительство, стремление Тальена как можно скорее добиться мира с Испанией было вызвано опасениями возможной английской экспедиции на западное побережье Франции. При этом Годой отмечал, что было бы ошибкой считать, что переговоры с Испанией способствовали победе Республики на Кибероне, поскольку «в тот самый момент, когда произошла эта великая катастрофа (20 июля), наши войска и французские войска сражались с таким ожесточением, какого не было в любое другое время войны»⁴⁷⁰.

Вскоре после получения известий о готовящейся высадке неприятеля на французском побережье, Комитет общественного спасения отправил Тальена и его коллегу Клод-Антуан-Огюста Блада в Западные департаменты, чтобы «предпринять наиболее действенные меры и воспрепятствовать десанту врагов Республики»⁴⁷¹, и снабдил их суммой в три тысячи ливров⁴⁷². Председатель Комитета общественного спасения Камбасерес через несколько дней отправил Тальену и Бладу письмо, в котором отметил, что Национальный Конвент горячо приветствовал назначение их в столь важную миссию и рассчитывает на их «энергию и действенность мер, которые будут предприняты, чтобы расстроить гнусные планы наших трусливых и коварных врагов»⁴⁷³.

В тот же день Тальен и Блад послали в Комитет общественного спасения свой первый отчёт, где сообщили, что генерал Дюбайе отправил Гошу подкрепление в составе нескольких воинских частей, прибывших из Ренна и с Ла-Манша, поэтому «если англичане или эмигранты окажутся на наших берегах, они найдут здесь многочисленные и отважные войска, готовые их уничтожить»⁴⁷⁴.

Вместе с Тальеном в его миссию на Запад в качестве помощника отправился и автор «Марсельезы» Клод-Жозеф Руже де Лиль. По словам последнего, до поездки он никогда не общался с Тальеном и даже не знал его в

⁴⁷⁰ *Godoy M. Mémoires du Prince de la Paix. P., 1836. T. 1. P. 284.*

⁴⁷¹ *Recueil des actes du Comité de Salut public. T. 25. P. 32.*

⁴⁷² *Ibid. P. 33.*

⁴⁷³ *Ibid. P. 106.*

⁴⁷⁴ *Ibid. P. 112.*

лицо. Однако Руже де Лиль испытывал безграничное расположение и благодарность к Тальену, который, зная, что знаменитый поэт и композитор при Терроре оказался в тюрьме, спустя несколько дней после термидорианского переворота добился подписания Комитетом общей безопасности приказа об освобождении Руже де Лиля. Когда Тальен был направлен в Западные департаменты, он предложил Руже де Лиллю сопровождать его. Так началось их знакомство. Руже де Лиль в своих воспоминаниях о Кибероне⁴⁷⁵ уделяет своему спутнику большое внимание, при каждом удобном случае отзываясь о нём с самой искренней симпатией. Вот как он описывает Тальена: «человек, в котором Революция развила таланты и энергию; человек молодой, пылкий и страстный, которого безумие эпохи и, быть может, веление злого рока вовлекли в бесчинства; человек, которому не смогли простить народное признание, который избавил свою страну от ужасающего Робеспьера, который оказал безмерную услугу всему человечеству и бесчисленные услуги отдельным людям, даже своим врагам; человек, который заслужил того, чтобы его ошибки были забыты, или, по крайней мере, не слишком преувеличивались. Пусть клеветники с уважением отнесутся к его несчастью, его бедности, его немощной и гонимой старости, и пусть сегодня умолкнут над его могилой»⁴⁷⁶.

В конце июня на Киберон высадился первый отряд эмигрантов под командованием графа д'Эрвильи. Несколько дней спустя он завладел фортом Пантьевр, контролировавшим дорогу на полуостров. Но после захвата этого стратегически важного объекта, д'Эрвильи, вместо того, чтобы развить успех, начал возводить новые укрепления. Этим немедленно воспользовался генерал Луи-Лазар Гош, который заблокировал эмигрантские войска на полуострове. 16 июля при попытке отбросить республиканцев эмигранты потерпели неудачу. В этом сражении погиб граф д'Эрвильи. Хотя вскоре на полуострове высадился второй роялистский отряд, возглавляемый графом Сомбрёем, одержать победу над республиканцами и ему не удалось.

⁴⁷⁵ *Rouget de Lisle*. *Historique et souvenirs de Quiberon*. Rennes, 1995. 130 p.

⁴⁷⁶ *Ibid.* P. 39-40.

С 19 по 21 июля 1795 года развернулось решающее сражение между войсками эмигрантов-роялистов, которых поддерживали повстанцы-шуаны, и войсками Республики под началом генерала Гоша. Оно закончилось разгромом роялистов. Сначала в результате нескольких столкновений генерал Гош сумел оттеснить эмигрантские войска с материка на полуостров Киберон. Однако подходы к форту Пантьевр находились под прицелом британского флота и легко простреливались, что серьезно затрудняло продвижение республиканцев. Тем не менее Гош решился на атаку Пантьевра. Для этого он выбрал ночь с 19 на 20 июля, когда на море разыгрался шторм, мешавший британским кораблям приблизиться к берегу. В конечном счете генералу Гошу удалось завладеть фортом. Не останавливаясь, он бросил свои основные силы на штурм главного лагеря эмигрантов, который располагался далее на полуострове. Британские корабли начали обстреливать войска Гоша, но вместе с республиканцами под обстрел попали и сами эмигранты. Англичанам пришлось прекратить огонь, во-первых, из-за опасения повредить своим союзникам, а во-вторых, из-за усилившегося шторма. Эмигранты попытались добраться до их кораблей, однако шторм и недостаток лодок помешали им это сделать.

Жозеф де Пюизе, командующий эмигрантами, в прошлом жирондист, а также сторонник конституционной монархии, не пользовался особым доверием роялистов. И действительно, в переломный момент он с приближенными сел в шлюпку и отплыл к британским кораблям, бросив остатки своей армии на произвол судьбы. Часть эмигрантов, которыми командовал Шарль Сомбрёй, отступила в деревушку Порт-Алиген, но уже утром следующего дня капитулировала. В ходе сражения погибло несколько сотен роялистов. Более шести тысяч оказались в плену.

После взятия роялистов в плен последовало распоряжение переместить их в близлежащий город Оре. Генерал республиканцев Ж.-Ж. Юмбер обратился к пленникам во главе с Сомбрёем, с просьбой дать слово чести, что они не будут искать возможности совершить побег во время перехода в Оре, иначе наказание

взамен беглецов понесут невинные в побеге, и такое обещание было дано⁴⁷⁷. Вечером 21 июля под присмотром немногочисленной стражи первая колонна, состоявшая примерно из девятистот эмигрантов, была направлена в Оре. Два дня спустя туда же под охраной шести сотен гренадеров прибыли остальные.

На протяжении всего пути в Оре охранники, которым было поручено сопровождать пленных до места назначения, сквозь пальцы смотрели на побег крестьян-шуанов, не пытаясь их остановить. Более того, некоторые из республиканцев сами советовали пленников скрыться под покровом ночи, чтобы спасти свои жизни. Что касается эмигрантов - дворян и офицеров Сомбрёя, то они, будучи верны данному слову, не предпринимали попыток побега.

Вскоре спутник Тальена – Блад занялся созданием специальной военной комиссии (трибунала), призванной определить судьбу пленных. Однако комиссия, которая должна была судить эмигрантов в соответствии с законом, сообщила, что находящиеся в плену ссылаются на данные им при капитуляции обещания, согласно которым всем добровольно сдавшим оружие будет сохранена жизнь. В ответ Блад заявил, что никакой капитуляции не было и распустил военную комиссию, собрав вместо неё новую. Отсутствие капитуляции вскоре подтвердил и генерал Гош: «Я находился во главе семисот гренадеров, которые захватили господина Сомбрёя и его дивизию. Ни один солдат не потребовал, чтобы с эмигрантами обошлись как с военнопленными»⁴⁷⁸. Задержка, вызванная роспуском военной комиссии и созывом новой, предоставила Тальену время, чтобы убедить Конвент спасти жизнь пленным. Согласно свидетельству Руже де Лилля, Тальен первоначально действительно стремился сделать это⁴⁷⁹. По мнению французского исследователя Ж. Табёра, Тальен исполнился такого настроения не в последнюю очередь под влиянием писем своей жены – бывшей Терезы Кабаррюс, ставшей

⁴⁷⁷ Villeneuve, L.-G. de. Mémoires sur l'expédition de Quiberon. P., 1819. P. 154.

⁴⁷⁸ Письмо Гоша в *Courrier universel*. Цит по.: Lacap H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959. P. 113.

⁴⁷⁹ Rouget de Lisle. Op. cit. P.122.

к тому времени Терезой Тальен. Она решительно противилась участию супруга в этой миссии⁴⁸⁰ и всячески уговаривала его отказаться: «Станете ли вы официальным палачом тем несчастным, чьи семьи вы спасли 9 термидора? <...> Поверьте мне, не обесценивайте свою славу! Откажитесь от этой миссии, результаты которой слишком легко предвидеть, и которая снова покроет Францию трауром и позором. Почему вы боитесь отказаться? Из-за того, что вы вызовете недоверие у людей, пути с которыми разошлись ещё 9 термидора? Признает ли ваша совесть это возвращение к принципам террора, от которых вы тогда отреклись? Вы, как обычно, ответите мне, что вы республиканец, <...> что вы больше не можете следовать иным путем, не лишаясь при этом чести... У меня слишком мало времени, чтобы повторять то, что я уже сто раз вам изложила в этом письме; теперь я всего лишь прошу вас не быть убийцей <...> Не обижайтесь, это подходящее слово, потому что вы не можете быть никем иным, если собираетесь ехать в Вандею»⁴⁸¹.

На следующее утро Тереза написала ещё одно письмо, акцентируя внимание на том, какую угрозу репутации Тальена представляет это предприятие: «Вы ушли... Не увидев меня, не услышав моего голоса, голоса вашей совести, вы ушли!.. Вам скажут, как уже осмелились сказать это позавчера при мне, что только вы можете выполнить эту важную миссию. Но только вы один не поняли, что те, кто обратился к вам, хотят вернуть вас в свои ряды – человека, который их предал, которого они считают изменником и за которым необходимо следить. Итак, они дали вам помощника... Вы подчиняетесь партии, которую вы же и разгромили; из опоры и защитника несчастных вы становитесь их палачом. Ах, не удивляйтесь неблагодарности, вы её заслужили! <...> Боже, как жаль! Тальен, откройте глаза, у вас больше не будет друзей, не будет сторонников, у вас не будет даже завистников – со всех сторон будут только обвинители: какое положение и какое будущее!»⁴⁸².

⁴⁸⁰ *Tabeur J.* Paris contre la Province! Les guerres de l'Ouest, 1792-1796. P., 2008. P. 238.

⁴⁸¹ Цит. по *Conny F. de.* Histoire de la Révolution de France. P., 1847. T. VIII. P. 287-289.

⁴⁸² *Ibid.* P. 289-290.

Одним из самых дискуссионных вопросов, связанных с Киберонской экспедицией, является вопрос о капитуляции роялистов. О ней так или иначе упоминали многие участники тех событий. Например, Л.-Ж. де Вильнёв в воспоминаниях сообщает, что, находясь, в плену, обсуждал с товарищами статьи капитуляции⁴⁸³. По его же словам, Гош пообещал эмигрантам возвращение на судна, отбывающие в Англию, после чего начал оживленный диалог с Сомбреем, пытаясь обсудить с ним детали капитуляции, но при этом не желая предоставлять эмигрантам длительную отсрочку для возвращения на судна, так как опасался скомпрометировать себя перед Тальеном⁴⁸⁴. Вильнёв вспоминал, что сразу после поражения пленные собирались броситься в море, но республиканцы убедили их не делать этого, не раз заявив, что капитуляция сохранит им жизнь⁴⁸⁵.

Один из участников событий, виконт де Ля Вильгурье (de la Villegourio), которому удалось избежать казни, говорил о том, что Тальен вместе со своими сторонниками предпринимал дерзкие уловки, чтобы уничтожить информацию о соглашении между роялистами и республиканцами, или, по меньшей мере, поставить ее под сомнение⁴⁸⁶.

Ещё один из спасшихся эмигрантов вспоминал, что роялистам удалось получить документы, в которых содержался ложный отчет Тальена Конвенту о взятии форта Пантьевр, но не было сказано ни единого слова о капитуляции. Он отмечал, что этот отчет мог бы ухудшить судьбу пленных, но, благодаря представителю Бладу, «более гуманному, чем его коллега», а также благодаря доброте, проявленной большинством гарнизона, положение роялистов улучшилось на некоторое время⁴⁸⁷.

Наполеон, который упоминал в своих мемуарах Киберонскую экспедицию, считал, что генерал Гош дал возможность военнопленным спастись, оставив их на ночь без охраны. Однако большая часть не воспользовалась этой

⁴⁸³ Villeneuve, L.-G. de. Mémoires sur l'expédition de Quiberon. P., 1819. P. 145.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 147.

⁴⁸⁵ Ibid. P. 175.

⁴⁸⁶ Villegourio de la, L.V. Ma sortie de Quiberon. Saint-Brieuc, 1815. P. 35.

⁴⁸⁷ Villeneuve, L.-G. de. Op. cit. P. 233-234.

возможностью, и Тальен безжалостно приказал расстрелять Сомбрёя и его спутников. При этом Наполеон подчеркивал необъяснимость такого поведения со стороны Тальена, который якобы «был связан с принцами»⁴⁸⁸. В то же время Наполеон в некоторой степени оправдывал Тальена, считая, что он не так виновен в расстрелах, как Шаретт, расстрелявший две тысячи пленников, которые были захвачены после разрыва договора в Ля Жоней, поскольку Шаретт руководствовался жестокостью, а Тальен – законом⁴⁸⁹.

Вскоре после решающего сражения, победы войск генерала Гоша и захвата пленных Тальен со своим помощником отправился в Париж. На протяжении всего пути Тальен, по словам Руже де Лиля, «был одержим единственной идеей спасти плененных на Кибероне роялистов». По дороге Тальен придумал план, согласно которому он взойдёт на трибуну, чтобы доложить Конвенту о результатах своей миссии на Кибероне, а затем «воззвав к национальному великодушию во имя человечества, победы, генерала и его армии, попросит полной амнистии для повстанцев и сохранения жизни эмигрантам при неотменяемом условии вечной ссылки»⁴⁹⁰.

Однако во время отсутствия Тальена к его супруге Терезе часто приходили посетители, в числе которых был и бывший жирондист Ж.-Д. Ланжюине, стремившийся разузнать у неё новости, приходившие с Киберона. В свою очередь, он держал ее в курсе событий, происходивших в Конвенте. От него она и узнала, что в последнее время на Тальена ежедневно поступают доносы, изобличающие его в роялизме, поскольку, мол, только роялист мог осуществить переворот 9 термидора, и события на Кибероне заставят окончательно в этом убедиться. Тереза по возвращении Тальена 26 июля передала ему сведения, полученные от Ланжюине. По словам Руже де Лиля, присутствовавшего при разговоре супругов, «Тальен пристально смотрел на меня, и в его взгляде я прочел, что не могу рассчитывать на его заступничество за пленных»⁴⁹¹. По

⁴⁸⁸ Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte Hélène. P., 1825. T. 6. P. 287.

⁴⁸⁹ Ibid. P. 288.

⁴⁹⁰ Rouget de Lisle. Op. cit. P.122.

⁴⁹¹ Ibid. P. 123.

выражению одного из исследователей, предупреждение, сделанное Терезой Тальену «запятнало её руки кровью Киберона»⁴⁹².

На следующий день, спустя ровно год после термидорианского переворота, 27 июля 1795 г. Тальен взошел на трибуну, чтобы предоставить Национальному Конвенту отчёт о разгроме эмигрантов на Кибероне. Следуя составленному ранее плану, он со всем своим красноречием стал рассказывать о победе над вражескими войсками:

«Приветствую тебя, величественная эпоха, когда народ уничтожил тиранию. Радостная, трижды радостная годовщина, когда защитники отечества уничтожили коалицию иностранцев и отцеубийц! Приветствую тебя!

Комитет общественного спасения приказал нам победить врагов Республики, которые осмелились вторгнуться на её территорию. Всё исполнено. Республиканская армия победила армию контрреволюционеров»⁴⁹³.

Речь Тальена постоянно прерывалась шумными возгласами одобрения и сопровождалась радостными криками, перемежавшимися проклятиями в адрес роялистов⁴⁹⁴. Однако по словам Руже де Лилия, присутствовавшего при этом выступлении, вторая часть речи, касающаяся освобождения пленных, так и не была произнесена. Напротив, Тальен попытался скомпрометировать эмигрантов: он показал слушателям клинок, заявив, что это отравленный кинжал – один из тех, которыми были вооружены высадившиеся на Кибероне роялисты⁴⁹⁵. По утверждению Вильнёва, который, заметим, при всем этом не присутствовал, Тальен якобы даже «привел с собой собаку и пронзил её этим кинжалом на глазах присутствующих, отчего животное погибло в страшных мучениях»⁴⁹⁶. Как бы то ни было, после выступления Тальена в Конвенте не нашлось никого, кто высказался бы против принятия решения о смертной казни взятых в плен эмигрантов старше 17 лет. На смерть осудили более семи сотен

⁴⁹² *Duruy A.* Une page de la vie de Hoche // *Revue des Deux Mondes.* P., 1884. P. 913.

⁴⁹³ *Tallien J.-L.* Rapport fait à la Convention Nationale dans la séance du 9 thermidor, an 3. P. 1.

⁴⁹⁴ *Rouget de Lisle.* Op. cit. P. 124.

⁴⁹⁵ *Tallien J.-L.* Rapport fait à la... P. 3.

⁴⁹⁶ *Villeneuve, L.-G. de.* Op. cit. P. 233-234.

пленников, как эмигрантов, так и шуанов⁴⁹⁷.

Аббат Эжен Ле Гаррек, уроженец Киберона, изучал в XIX в. историю роялистской экспедиции на полуостров. Заметив, что Тальен, несмотря на приятную наружность, тёплый взгляд и доброжелательное выражение лица был «одним из наименее приятных персонажей Революции», Ле Гаррек заявил, что именно от смелости Тальена зависела судьба пленных, и, если бы он не побоялся сообщить о заключенной капитуляции и о тех преимуществах, которые она давала обеим сторонам, пленные были бы спасены. Ле Гаррек был уверен в том, что капитуляция существовала, но Тальен не говорил о ней, рассчитывая на молчание Гоша и соучастие Блада⁴⁹⁸. Гош действительно во всем поддержал Тальена: в письме ему от 27 термидора (14 августа 1795 г.) генерал заявил, что после его пылкой речи в Конвенте «мои враги наверняка вас не простят»⁴⁹⁹.

Таким образом, Тальен, несмотря на первоначальные намерения, не вступился за эмигрантов из опасений за свою судьбу. Обвинения в роялизме, которые всё чаще раздавались в его адрес после термидорианского переворота и усилились в период Киберонской миссии, побудили его озаботиться прежде всего собственной безопасностью и отказаться от заступничества за пленных эмигрантов, в результате обреченных на смерть решением Конвента. Тем не менее, некоторые современники, а затем и историки сочли именно Тальена непосредственным виновником расстрела эмигрантов. По словам А. Матъеза, после происшедшего термидорианцы «стали презирать и ненавидеть Тальена, который раньше был для них божеством. Они предпочитали верить, что распоряжение о капитуляции существовало и что только Тальен распорядился применить закон»⁵⁰⁰. Однако никому так и не удалось обнаружить сколько-нибудь убедительных доказательств существования такой капитуляции, способных подтвердить ту ответственность Тальена за смерть эмигрантов,

⁴⁹⁷ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 164.

⁴⁹⁸ Le Garrec E. Quiberon. Vannes, 1895. 56 p.

⁴⁹⁹ Cuneo d'Ornano E. Hoche, sa vie, sa correspondance (avec douze croquis). P., 1892. P. 168.

⁵⁰⁰ Mathiez A. La réaction thermidorienne. Genève, 1975. P. 280.

которую на него возлагают некоторые историки⁵⁰¹.

§ 4. Последние недели Конвента и участие Ж.-Л. Тальена в Совете

ПЯТИСОТ

В августе 1795 г. была принята новая конституция – Конституция III года Республики, которая должна была предотвратить возвращение диктатуры и обеспечить баланс властей. В соответствии с Конституцией, исполнительная власть отныне должна была принадлежать Директории⁵⁰², куда входили пять Директоров, тогда как законодательные функции отводились двум палатам – Совету старейшин и Совету пятисот. Пять членов Директории избирались по спискам, представленным Совету пятисот Советом старейшин. Раз в год из числа директоров выбывал один, выбираемый по жребию, а его место занимал другой⁵⁰³. Что касается Законодательного корпуса, то он должен был обновляться ежегодно на одну треть. Однако члены Конвента опасались, что республиканцам не удастся одержать победу на выборах в новые органы власти, поэтому Комиссия одиннадцати, занимавшаяся подготовкой проекта новой Конституции, предложила сделать обязательным переизбрание в Совет старейшин и Совет пятисот двух третей депутатов Конвента. Конвент поддержал предложение Комиссии, которое было закреплено в двух законах, которые получили название «декреты о двух третях»⁵⁰⁴.

Тальен решил принять участие в выборах в Совет пятисот, назначенных на октябрь. Однако к этому времени он был уже не героем 9 термидора, а депутатом с сомнительной репутацией: былая популярность сменилась массовой неприязнью к нему. Тальена всё чаще начинают критиковать не только в стенах Конвента, но также в кафе и на улицах. Согласно донесениям полиции, его в разговорах осуждают, прежде всего, за его предполагаемое участие в сентябрьских убийствах 1792 г.: «Вчера в кафе дю Каво бурно выступали

⁵⁰¹ *Lacretelle C.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842. 402 p.

⁵⁰² Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* 1795 год: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник 2003. М., 2003; *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004.

⁵⁰³ *Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Указ. соч. С. 293.

⁵⁰⁴ Там же. С. 276-277.

против представителя Тальена, и, несмотря на его мнимые доказательства невинности, его осуждали как одного из главарей убийств первых дней сентября 1792 г.»⁵⁰⁵. Подобные обвинения звучали неоднократно. В донесении полицейских агентов от 1 сентября 1795 г. сообщалось, что в кафе молодые люди обсуждали народных представителей, включая Тальена, и «приводили в этой связи такие факты, которые вызывали достаточно язвительные эпитеты»⁵⁰⁶.

Осень 1795 г. ознаменовалась для Тальена чередой неприятностей. В ночь с 6 на 7 сентября его дом подвергся нападению. Газета *Sentinelles* сообщала, что неустановленные лица разбили ему окна камнями, из-за чего один человек в доме получил ранение. Однако, кроме этой газеты, издатель которой Луве поддерживал Тальена на страницах своего издания ещё во время выборной кампании в Конвент 1792 г., ни одно издание не вступилось за него. Луве возмутил этот факт, и он посетовал в том же выпуске *Sentinelles*: «Если бы кому-нибудь пришло в голову угрожать наименее известному среди тысяч шуанов, расхаживающих по мостовым Парижа <...> вы бы увидели, что все дешевые газеты, немедленно извещенные об этом факте, напечатали, преувеличили и прокомментировали бы его <...>. Не существовало бы ничего, кроме этого слуха, доходящего до самых дверей Конвента! Но речь идет всего лишь о потревоженном в своем доме патриоте, всего лишь оскорбленном республиканце! Это всего лишь народный представитель, который находится под угрозой! Очевидно, что этот факт не заслуживает того, чтобы о нем говорили»⁵⁰⁷.

Вскоре по Парижу разнесся еще один негативный слух о Тальене, поводом к которому стало его выступление 7 сентября. В тот день в Конвент прибыла делегация от Северной и Самбро-Маасской армий, представители которых попросили у Конвента дозволения отправиться в военный лагерь под Парижем к братьям по оружию, чтобы «от имени своих боевых товарищей из Северной и

⁵⁰⁵ Aulard A. Op. cit. T. 2. P. 254.

⁵⁰⁶ Ibid. P. 212.

⁵⁰⁷ Aulard A. Paris pendant la reaction... T. 2. P., 1899. P. 226-227.

Самбро-Маасской армий» поздравить их с принятием новой конституции. Им ответил Тальен: «Будет прекрасно увидеть эту встречу граждан, которые вместе сражались с врагами Отечества, - тех, чьи благородные шрамы и доблестное мужество противостоят козням людей, тайно плетущих заговоры против их верности и патриотизма. Предупреждаю этих заговорщиков, что мы тоже организуем заговор против них»⁵⁰⁸. Последняя фраза Тальена оказалась на руку его недоброжелателям, которые, решив нанести удар по его и без того шаткой репутации, переиначили его слова, наделив их теми смыслами, которых сам депутат в них очевидно не вкладывал. Уже на следующий день, 8 сентября, полицейский агент Лэне (Lainé) доносил: «Повсюду граждане крайне резко высказываются в адрес Тальена в связи с той частью его речи, где он заявил: “Если народ составит заговор против Конвента, Конвент составит заговор против него”. По этому поводу говорят главным образом, что Тальен, должно быть, сошел с ума, если делает такое заявление, которое имеет целью не что иное как разжигание гражданской войны»⁵⁰⁹.

9 сентября Тальен в стенах Конвента сам рассказал о тех слухах, которые окружали его имя в последние дни, пояснив, что распространил их некий журналист: «Интриганы, чтобы пробудить волнения, распускают самые нелепые и клеветнические слухи, например, вчера в Париже кричали <...>: “Грандиозное предложение от Тальена, который заявил, что если народ затеет войну с Национальным Конвентом, Конвент будет вести войну с народом”. Этот заголовок, предназначенный для агитаторов, на самом деле был вынесен в шапку газеты. Я не предпринимаю никаких действий против этого наглого журналиста, но я должен напомнить вам свое мнение. Я сказал, что некоторые известные мне люди, ещё с 14 июля выступавшие против свободы, стали главарями секций и что, если эти интриганы всё еще что-то замышляют против народа, Конвент организует заговор против них»⁵¹⁰.

⁵⁰⁸ Moniteur. 10 septembre 1795. P. 4.

⁵⁰⁹ Aulard. T. 2. P. 228.

⁵¹⁰ Moniteur. 12 septembre 1795. P. 3.

5 октября 1795 г. (13 вандемьера IV года Республики) в Париже вспыхнуло антиправительственное восстание. Причиной его стало недовольство парижан затяжным продовольственным и финансовым кризисом, а также «декретами о двух третях»⁵¹¹. Жители столицы обвиняли Конвент в неспособности вывести страну из кризиса, депутатов клеймили как взяточников и казнокрадов, утверждали, что результаты голосования по «декретам о двух третях» сфальсифицированы, а на самом деле их не поддержало подавляющее большинство департаментов. Начались вооруженные столкновения между жителями восставших парижских секций и верными Конвенту войсками. В конце концов, мятежные секции потерпели поражение, а Конвент заявил о своей триумфальной победе над «роялистами», которые были объявлены главными инициаторами восстания⁵¹². Тальен не принимал в этих событиях активного участия, как отмечает Лакап, «возможно потому, что утратил надежду»⁵¹³. Однако спустя несколько дней после Вандемьерского мятежа он высказал свое мнение о происшедшем.

Термидорианские лидеры встречались с бывшими жирондистами за столом у некоего Формалаге (*Formalaguez*), который дважды в неделю приглашал их к себе на обед⁵¹⁴. 8 октября на очередном таком обеде, где присутствовали Буасси, Ланжюэнэ, Ларивьер, Лезаж, Лежандр, Тальен и Тибодо, Лежандр упрекнул первых четырех в том, что они хранили молчание во время восстания секций и в том, что роялисты осыпают их похвалами в своих газетах. Его упрек вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой Ланжюэне назвал события 13 вандемьера «резнёй». Эти слова вызвали ярость Тальена, который начал обвинять Ланжюэне и его коллег в сообщничестве с мятежниками. Тальен назвал их заговорщиками, а Формалаге - шпионом, после чего заявил о намерении изобличить их всех в Конвенте. В мемуарах Тибодо эта сцена описывается следующим образом: «Все бросились к нему, чтобы остановить,

⁵¹¹ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. 13 вандемьера: кто виноват? // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906-1976). М., 2006. С. 80-129.

⁵¹² Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Указ. соч. С. 278-282.

⁵¹³ Lacaze H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959. P. 118.

⁵¹⁴ Матьез А. Термидорианская реакция. М.-Л., 1931. С. 213.

закрыли двери, делали всё возможное, чтобы успокоить его, но безуспешно - он грозился всё разнести и не хотел ничего слушать. <...> Мне сразу же показалось, что он разыгрывает комедию, поэтому я остался сидеть и спокойно наблюдал, как он кричит и негодует. Наконец, устав от этой затянувшейся скандальной сцены, я хладнокровно произнес: “Если он так хочет выйти, откройте ему окно”. Эти слова произвели на него такое же действие как ведро воды, вылитое на бойцовую собаку: он пришел в себя и вернулся на место»⁵¹⁵. После этого Ланжюине объяснил, что использовал неподходящее слово для событий 13 вандемьера, сказав, что под резнёй он подразумевает любое происшествие, в котором проливается кровь, и совершенно не имел никаких дурных мыслей. В тот момент показалось, что это объяснение удовлетворило Тальена, однако уже 14 октября он воплотил свое намерение в жизнь и выступил в Конвенте с размышлениями о Вандемьерском мятеже: «Необходимо выяснить, почему этот заговор, который я хотел разоблачить здесь ещё два месяца тому назад, имел такой большой успех и едва не погубил республику. Необходимо выяснить, кто стоял во главе этого заговора и почему те, кто 13 вандемьера возглавил выступление мятежников против национального представительства, все еще находятся на свободе в центре Парижа». Несколько человек потребовали, чтобы Тальен поднялся на трибуну. Он выполнил их требование и оттуда продолжил: «Я согласился тогда промолчать, я был не прав и обвиняю себя в этом перед друзьями свободы, я должен был, признаюсь, осудить тех, кто 13 вандемьера вступил в сговор с мятежниками Парижа, тех, кого парижские секции взяли под свою защиту <...> Я утверждаю, что они замыслили свержение республики; их лошади уже были готовы, чтобы совсем скоро отправиться навстречу новому королю, главными министрами которого они, несомненно, стали бы...<...> Да, я был неправ, что не сообщил вам раньше об опасности и обвинениях, которые готовят против вас. Да, через несколько дней вас обвинят в том, что вы стреляли в народ, и день 13 вандемьера уже

⁵¹⁵ *Thibaudeau A.C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. T. 1. P., 1827. P. 220-222.*

называют резней». После этих слов коллеги Тальена дружно потребовали от него назвать имена заговорщиков. И он назвал Ланжюине, Анри-Ларивьера, Лезажа из Эндр и Луара, Саладэна и Буасси-д'Англа, объявив их сообщниками заговора⁵¹⁶. Тибодо в своих воспоминаниях предположил, что приступ ярости Тальена за их обедом и предпринятое им изобличение упомянутых депутатов были следствием его желания вернуться к Горе⁵¹⁷. Поскольку «партии» Горы как таковой в Конвенте уже не было, очевидно, Тибодо, используя это понятие, имел в виду тех депутатов, что еще оставались к тому времени последовательными и решительными сторонниками республики. Если принять во внимание эту оговорку, то его слова означают, что Тальен, уже не раз подвергавшийся обвинениям в роялизме (как, впрочем, и многие другие депутаты⁵¹⁸), таки образом постарался публично отмежеваться от роялистов, яро атаковав предполагаемых инициаторов вандемьерского восстания.

С 12 по 21 октября 1795 г. проходили выборы в Совет пятисот. Новая Конституция предусматривала, что отныне минимальный возраст для избрания депутатом должен составлять 30 лет. Тальену на тот момент было всего лишь 28, а потому он и еще несколько молодых депутатов Конвента не имели права избираться в новый орган власти. Однако положение об избрании в Совет пятисот людей не моложе 30 лет решили применить только с VII года Республики. Принять эту отсрочку решено было после выступления Камбасереса, который заявил, что такая мера позволит остаться в Законодательном корпусе проверенным людям, чтобы на практике испытать только что принятую Конституцию. По словам Камбасереса, подобная отсрочка даст «возможность нашим братьям по оружию после достижения победы остаться в рядах законодателей и позволит соблюсти интересы многих еще молодых граждан, которые уже столь хорошо послужили Родине»⁵¹⁹.

23 октября 1795 г. Тальен подвергся нападкам со стороны Тибодо, который

⁵¹⁶ *Moniteur*. 1795. 20 octobre. P. 1-2; *Le Censeur des journaux*. 19 octobre 1795. P. 2.

⁵¹⁷ *Thibaudeau A.C.* Op. cit. T. 1. P., 1827. P. 221.

⁵¹⁸ *Бовыкин Д.Ю.* Роялисты в Национальном Конвенте // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (151). С. 7–24.

⁵¹⁹ Цит. по: *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005. С. 170.

с трибуны Конвента заявил, что считает именно его «инициатором всех интриг, которые нас терзают», и призвал Тальена ответить на те факты, которые он, Тибодо, собрался огласить⁵²⁰. В это время Тальен отсутствовал в зале заседаний, однако несмотря просьбы некоторых депутатов дожидаться его появления, Тибодо выступил с пространной речью, где собрал все уже ранее выдвигавшиеся против Тальена обвинения: в несправедливо нажитом богатстве, участии в сентябрьских убийствах и в роялизме. Тибодо заявил: из писем правительственных агентов Генуи и Венеции известно, что эмигранты связывают с Тальеном большие надежды на свое возвращение. Кроме того, Тибодо сослался на некое письмо от Месье (будущего короля Франции Людовика XVIII) в Комитет общественной безопасности, в котором тот якобы сообщал, что очень рассчитывает на Тальена в восстановлении королевской власти⁵²¹.

Тальен вошел в зал заседаний, когда Тибодо уже подходил к концу своей речи, и с достоинством ответил ему: «Я не буду осуждать того, кто критиковал меня, не дождавшись моего присутствия. Скажу лишь, что, когда я выступал против Робеспьера, он здесь присутствовал, а я был на этой трибуне – трибуне, с которой я всё еще борюсь с теми, кто хочет уничтожить свободу. Я пока еще не знаком с обвинениями, которые выдвинуты против меня!»⁵²². Затем Тальен призвал Тибодо письменно изложить все высказанные им обвинения и опубликовать их, чтобы спор «рассудил народ». Слова Тальена вызвали бурное одобрение коллег, аплодисменты и крики «браво» в его адрес.

Слово в защиту Тальена взял депутат Шенье, отметивший, что «по возвращении с Киберона Тальен понял, сколь большими шагами мы идем к контрреволюции, и с тех пор его поведение было безупречным». Кроме того, добавил Шенье, «нельзя забывать, какие услуги Тальен оказал стране в день 9 термидора, и, хотя я не разделял всех его взглядов, я должен сказать, что его

⁵²⁰ Moniteur. 1795. 29 octobre. P. 1.

⁵²¹ Ibid.

⁵²² Ibid P. 3.

имя будут помнить потомки, как имя того, кто в тот знаменательный день спас Республику». Вслед за Шенье высказался и Баррас: «Я спрашиваю у клеветников, что они делали в тот день и что они сделали много времени спустя?»⁵²³.

Вероятно, главной задачей выступления Тибодо было не столько призвать Тальена к ответу, сколько в очередной раз дискредитировать его перед коллегами. Отчасти это подтверждает тот факт, что Тибодо так и не представил письменных обвинений, о которых просил Тальен. Позднее Баррас в своих мемуарах объяснял этот выпад со стороны Тибодо его личной неприязнью к Тальену, поскольку лишившись 9 термидора своих вождей Робеспьера и Сен-Жюста и будучи вынужден сменить «свой политический костюм», Тибодо не смог простить Тальену того, что тот стал одним из главных инициаторов термидорианского переворота⁵²⁴.

Решительно позиционируя себя в качестве республиканца, Тальен вместе с тем продолжал начатую после 9 термидора политическую линию на постепенный демонтаж репрессивного законодательства эпохи Террора. 19 октября 1795 г. он внес следующее предложение относительно эмигрантов: «Мы должны дать право уехать тем, кто не хочет жить среди нас. Давайте последуем примеру американцев и скажем этим лицам: французская нация хотела республиканского правления, она не может терпеть рядом с защитниками своих прав тех, кто был готов погубить Отечество! Идите и поищите в другом месте режим, который вам подходит. В этом [предложении] нет кровопролития, нет эшафотов, нет террора, есть только справедливость и безопасность для народа». Коллеги встретили слова Тальена громкими аплодисментами⁵²⁵. 24 октября Тальен представил коллегам от имени Комиссии пяти окончательную редакцию закона. Согласно основным положениям данного акта, лица, которые в первичных или в избирательных собраниях нарушали

⁵²³ Ibid. P. 4.

⁵²⁴ Mémoires de Barras, membre du directoire. T. 1. P., 1893. P. 299.

⁵²⁵ Moniteur. 19 octobre 1795. P. 2.

закон, занимаясь подстрекательством; любые лица, внесенные в список эмигрантов, а так же их отцы, сыновья, внуки, братья и шурины, а также дяди и племянники лиц, включенных в список эмигрантов, не могут исполнять административные, муниципальные и судебные функции, а также функции присяжных до окончательного заключения мира. Кроме того, все те, кто не желал жить в соответствии с законами Республики и соблюдать их, получали право в течение трех месяцев после опубликования настоящего закона покинуть Францию, сделав за месяц заявление о том в муниципалитет по месту жительства⁵²⁶.

При обсуждении этого законопроекта депутат Р. Корнийо (Cornilleau) предложил дать ему еще более широкое толкование и лишить права на занятие государственных должностей вообще всех тех, кто не поддержит новую Конституцию. Тальен ответил, что Комиссия единогласно отвергла такую идею из уважения к правам народа, поскольку граждане «могут не соглашаться с Конституцией, если она их не устраивает, но это не должно лишать их возможности исполнять государственные обязанности, осуществление которых доверили им сограждане»⁵²⁷.

Оппонент Тальена – А.К. Тибодо – в своих мемуарах представил эти дебаты следующим образом: «Тальен сделал доклад от имени Комиссии пяти <...> Он представил проект постановления против священников, роялистов, эмигрантов и их родственников. Целью этого закона было отстранение дворян и родственников эмигрантов от государственных должностей, поскольку сами эмигранты как граждане были мертвы. Комиссия хотела исключить из законодательного органа некоторых депутатов из новой трети. В этом отношении я выступил против постановления, но он был принят большинством голосов»⁵²⁸. Как видим, продолжая прежнюю линию на дискредитацию своего прежнего политического противника, Тибодо пытается акцентировать

⁵²⁶ Moniteur. 1795. 3 novembre. P. 2.

⁵²⁷ Ibid. P. 2.

⁵²⁸ Thibaudeau A.C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. T. 1. P., 1827. P. 262.

репрессивную направленность внесенного тем законопроекта, хотя на деле предложение Тальена в тот момент, напротив, означало смягчение санкций в отношении эмигрантов и членов их семей, заменяя уголовное преследование частичным поражением в политических правах.

Став депутатом Совета пятисот, Тальен всё реже принимал участие в дебатах и почти не выступал с новыми предложениями. Революция прошла стадию разрушения Старого порядка и вступила в период строительства нового. Здесь от политических деятелей уже требовались не столько порыв, смелость и самоотверженность, сколько способности и знания для методичной и в чем-то даже рутинной созидательной работы, что, очевидно, к Тальену не относилось.

В этот период он сыграл достаточно заметную роль разве что в дискуссии о свободе прессы в марте 1796 г. Когда обсуждался вопрос о создании комиссии, призванной вынести решение по вопросу об ограничении свободы прессы, депутат Луве предложил коллегам увеличить состав такой комиссии дополнительно на десять членов. Буасси-д'Англа и Тальен выступили как против этого предложения, так и против идеи ограничения свободы печати в целом⁵²⁹. Буасси-д'Англа, ранее вместе с Луве вошедший в упомянутую комиссию, заявил: «Когда гражданин напечатает сочинение, это сочинение подпадет под действие закона: если оно предосудительно, то автор должен будет ответить за это и понести наказание, но для этого вы должны сперва ограничить свободу писательства и сказать авторам: не пишите. Подобная доктрина является доктриной тиранов». Его поддержал Тальен: «Я утверждаю, что в настоящее время было бы опасно оставлять какую-либо неопределенность в отношении приостановки свободы печати. Мое мнение о членах правительства известно: я их избирал, я их уважаю и убежден, что все патриоты разделяют мои чувства по отношению к ним. Но я думаю, что неверно было бы давать им такое ужасное оружие, как возможность сдерживать отважных авторов, которая в одном случае могла бы оказаться полезной, но в другом –

⁵²⁹ Moniteur. 7 mars 1796. P. 4.

крайне опасной. Я думаю, что мы должны предоставить прессе максимальную свободу действий: ведь именно это нас и спасло...». «Это нас погубило...», – возразил один из депутатов. В ответ Тальен бросил: «Не может быть добра без зла, которое ему противостоит, но я утверждаю, что лекарство заключено в самом предмете. Я говорю, что 13 вандемьера контрреволюционным писателям удалось ввести народ в заблуждение, но другие писатели, пылающие энергичным патриотизмом, оживили общественный дух <...>. Когда у вас не было установленного правительства, когда было так много средств обойти закон, тогда, без сомнения, необходимо было упрочить его, но теперь, когда у нас есть центр, который нас ведет, глаз, который надзирает за всем, рука, которая держит бразды правления, вам не следует опасаться эксцессов, порождаемых свободой печати. <...> Я против назначения такой комиссии, а также против предложенного Луве включения в нее дополнительных десяти членов». Предложение Тальена было принято⁵³⁰.

На протяжении 1796 г. упоминания о Тальене всё реже встречались не только в протоколах заседаний Совета пятисот, но и в прессе. Внимание общественности теперь гораздо больше привлекала его супруга, светская львица Тереза Тальен, о которой в газетах публиковались заметки примерно такого содержания, как в номере *Ami des Lois* от 10 мая 1796 г.: «В парижских салонах упоминают как знаменательное событие перемену причесок госпожами Тальен и Бонапарт. Долгое время они отличались своими превосходными черными волосами, но в конце концов и им пришлось поддаться мании носить светлые парики»⁵³¹. Газета *L'Historien* от 30 мая сообщала: «В свете поговаривают, что жену генерала Бонапарта прозвали Богоматерью Победы. Некоторые присутствовавшие при этом поклонники госпожи Тальен решили поинтересоваться, какое похожее имя можно было бы дать ей, на что получили ответ "Зовите ее Богоматерью Сентября"»⁵³². Спустя несколько дней, 5 июня, на

⁵³⁰ Moniteur. 11 mars 1796. P. 4.

⁵³¹ Aulard A. Op. cit. T. 3. P. 181.

⁵³² L'Historien. 30 mai 1796. P. 164.

эту заметку откликнулась газета *Messenger du Soir*: «Шутка в адрес супруги Тальена, опубликованная в *L’Historien*, пробудила рвение толпы рыцарей, которые адресуют ей прелестные стихи в *Sentillelle* и милые письма в *Journal de Paris, Républicain français* и пр. Некоторые из этих поклонников хотят, чтобы ее называли Богородицею Термидора, другие – Богородицею Доброй Помощи. На наш взгляд, было бы столь же нелепо возлагать на мадам Тальен личную ответственность за ту роль, которую приписывают ее супругу в событиях марта, мая, сентября, брюмера и т. д., как и падать ниц перед вдовой Александра Богарне потому, что ее новый муж – превосходный полководец»⁵³³.

22 мая созданное при Директории парижское Центральное бюро, выполнявшее полицейские функции, под предлогом исполнения закона от 21 флореаля (10 мая 1796 г.) о мерах для обеспечения общественной свободы и спокойствия⁵³⁴ подписало ордера на арест нескольких бывших депутатов и народных представителей. 9 июня депутаты Фроже, Деламарр и Дельвиль выступили в Совете пятисот, где рассказали, как к ним внезапно нагрянули представители Центрального бюро с намерением задержать их. После депутатов слово взял Тальен, заявивший, что нельзя так поспешно арестовывать народных представителей, необходимо как следует во всем разобраться, а арест упомянутых депутатов – не что иное как происки врагов: «Нарушены права представителей народа, поругана их свобода, попраны их личности; хотят уничтожить и погубить тех, кто более всего послужил делу свободы, тех, кто имел смелость напасть на тирана, когда тот был на троне, и все падали перед ним на колени, когда всеобщее молчание было ответом на постановления о смерти и проскрипциях, которые он издавал. Я один из тех, кто тогда с некоторой энергией высказал свое мнение. Жертвы, спасшиеся от тирании, несомненно, не забыли этого. А сегодня мне не позволено говорить то, что я знаю, что я слышу, что я вижу, не подвергаясь при этом отвратительнейшему

⁵³³ Aulard A. Op. cit. T. 3. P. 230.

⁵³⁴ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, avis du Conseil-d'état par J.B. Duvergier. T.9. P., 1835. P. 96-97.

обвинению, не услышав, как меня называют заговорщиком!». Депутат Дюмолар предложил попросить Директорию отчитаться о мерах, которые она предполагает принять для наказания арестованных депутатов. Тальен поддержал предложение Дюмолара и вновь призвал коллег тщательнее разобраться в сложившейся ситуации: «Я заявляю, что, если мы проследим за нитью интриги, результаты которой были оглашены сегодня утром, мы распознаем заговор не менее преступный, не менее опасный, чем тот, от которого без бдительности и мудрости правительства погибла бы Республика». После этих слов об аресте депутатов высказался и Тибодо. Мимоходом он вновь уколол Тальена, которого хотя и не назвал по имени, но явно имел в виду, говоря о «реакции, которая организовала 2 сентября»⁵³⁵. В тот же день, 9 июня, по донесению полицейских агентов, «на площадях обсуждались ордера на арест, [выданные] Центральным бюро; глашатаи газеты *L'ami du peuple* договорились объявить, что доносчики арестованы, а представители Центрального бюро будут немедленно наказаны смертью за сговор. "Эти негодяи нас больше не остановят", – добавляли они». Однако в толпе нашлись несколько человек, которые, хотя и сочли протест Тальена закономерным, не увидели никакого заговора в деятельности Центрального бюро, поскольку «ошибка не является преступлением»⁵³⁶. В итоге делом депутатов занялся кассационный суд, который отменил ордера на их арест. 11 июня Директория отстранила члена Центрального бюро Шарля-Луи Лимодена⁵³⁷ от его обязанностей. Лимоден обвинил в произошедшем остальных сотрудников Центрального бюро, одиннадцать из которых были арестованы. В уголовном суде департамента Сена они доказали, что действовали по ошибке и были оправданы⁵³⁸. 11 июня полицейские агенты сообщали, что горожане обсуждают очередное обострение конфликта Тибодо и Тальена: «В кафе и на прогулках, где говорят о Тальене и Тибодо, слышны такие слова: "Вызов брошен, тем лучше".

⁵³⁵ Moniteur. 15 juin 1796. P. 3.

⁵³⁶ Aulard A. Op. cit. T. 3. P. 239.

⁵³⁷ Biographie des hommes vivants ou histoire par ordre alphabetique. T. 4. P., 1818. P. 236.

⁵³⁸ Aulard A. Op. cit. T. 3. P. 203.

Никто не становится на защиту Тальена, он считается очень опасным человеком»⁵³⁹. Неприязнь к Тальену со стороны не только коллег, но и общественного мнения, усиливалась. 15 ноября 1796 г. агенты парижской полиции сообщали: «Говорят, что несколько торговцев газетами кричали об аресте Тальена; все с жадным любопытством интересовались мотивами, но никто ничего не сообщил»⁵⁴⁰.

На протяжении 1797 г. Тальен почти не выступал с инициативами в Совете пятисот, но был вынужден отвечать на нападки и обвинения. 30 августа 1797 г. депутат Ж.В. Дюмолар, который еще в марте 1796 г. призывал коллег к судебному преследованию виновных в сентябрьских убийствах⁵⁴¹, выступил с трибуны, говоря о якобы готовящемся роялистском заговоре. В своей речи он набросился на Тальена, заявив: «Когда я гуляю по улицам Парижа, я вижу этих презренных людей, осыпанных золотом и серебром <...>. Они твердят о своем патриотизме, о своем бескорыстии, но демонстрируют наглую роскошь, при том, что еще совсем недавно у них не было ни гроша. И откуда они взяли все эти богатства, которые постоянно множатся? Может быть, они их похитили, граждане?! Вспомните катастрофические дни, когда гильотина обогатила отвратительных приспешников террора – именно тогда эти чудовища, довольные сентябрьскими убийствами и эшафотами, воздвигнутыми ими в Бордо, нашли источник своих удовольствий и роскоши, которые они демонстрируют нам сегодня. Вот настоящие враги Республики; вот те, кто стремится увлечь за собой защитников Отечества, чтобы наверняка ниспровергнуть конституцию и возродить анархию. Это причины, по которым вас стремятся разделить, и поэтому льстят некоторым главам правительств, которые, однако, стали бы жертвами этих негодяев, если бы те добились успеха»⁵⁴².

Тальен вновь вынужден был оправдываться. Говоря о сентябрьских

⁵³⁹ Aulard A. Op. cit. Т. 3. P. 245.

⁵⁴⁰ Aulard A. Op. cit. Т. 3. P. 575.

⁵⁴¹ Moniteur. 27 mars 1796. P. 4.

⁵⁴² Moniteur. 1797. 5 septembre. P. 2.

убийствах, он напомнил, что в тот момент Манюэль временно покинул состав Коммуны, и ему, Тальену, пришлось выполнять вместо Манюэля обязанности генерального прокурора. Когда он исполнял эти обязанности, пришли известия о начавшейся резне. «Опасаясь, что слухи окажутся правдой, я отправился в несколько парижских тюрем и вывел оттуда толпу граждан». Более того, заявил Тальен, в зале заседаний находится один из спасенных им людей, который может подтвердить правдивость этих слов. И действительно, депутат А.Ж. Дебоньер подтвердил: «Это правда: я – тот, кого Тальен вывел из тюрьмы»⁵⁴³.

Между тем, Тальен продолжил речь, напомнив, что его противостояние с Робеспьером началось еще в повстанческой Коммуне 1792 г.: «Я осмелился атаковать Робеспьера лицом к лицу, когда он восседал на троне, воздвигнутом ему Коммуной». Тальен также рассказал о том, как проходили выборы в Конвент: «В первые дни сентября открылась избирательная комиссия Парижа, где я был одним из членов. На втором заседании меня за умеренность раскритиковал с трибуны Робеспьер, а затем на страницах своей газеты Марат. Кроме того, меня обвинили в содействии побегу нескольких заключенных. Таким образом, я имел честь быть исключенным из состава депутатов от Парижа»⁵⁴⁴.

Высказался Тальен и о самой известной из своих миссий: «Здесь говорилось еще и о Бордо. Меня заставляют отчитаться о миссии, о которой я уже отчитывался... То была злополучная эпоха революции. Без сомнения, наши первые шаги стали результатом влияния развращенных людей, которыми мы были окружены. Однако, наконец, всё осознав, я сам принял необходимые меры, чтобы предотвратить еще более чудовищные ошибки <...>. Я отправился в тюрьмы, вывел оттуда на свободу толпу граждан и поспешил в Париж, чтобы обо всем сообщить властям, но с тех пор власти стали меня подозревать. У меня есть письма из Комитета общественной безопасности того времени, подписанные не только его членами, которых уже нет с нами, но и теми, кто все

⁵⁴³ Ibid. P. 3.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 4.

еще занимает видные посты. Там меня упрекают за мой модерантизм и обвиняют в том, что торговая аристократия и купечество все еще существуют в Бордо. В результате все мои постановления были отменены. Именно с этой миссии начались преследования меня тиранами-децемвирами, что, несомненно, привело бы меня на эшафот, не случись 9 термидора»⁵⁴⁵. Закончив этими словами, Тальен спустился с трибуны. Дискуссия была исчерпана.

В 1798 г. Тальен иногда ещё выступал с предложениями законов, однако по сравнению с первыми годами его деятельности в качестве депутата эти выступления стали крайне редкими. Так, 5 апреля 1798 г. он представил проект резолюции от специальной комиссии относительно сообщения Директории о злоупотреблениях при продаже национальных имуществ. Тальен заметил, что «толпа алчных спекулянтов» заполняет все аукционы и тем самым оттесняет от участия платежеспособных граждан, в результате чего выставленные на продажу объекты продаются или выставляются на аукцион по низкой цене или же, напротив, намного выше их реальной стоимости, что ставит под угрозу общественные интересы. Кроме того, бесчисленное умножение аукционов ведет к задержке продажи национальных имуществ, деньги от реализации которых необходимы для пополнения государственной казны и выполнения обязательств перед кредиторами. Для решения этих проблем Тальен от имени комиссии предложил заставлять любого купившего с торгов национальные имущества, выплачивать тут же на месте половину регистрационных сборов и затрат на аукцион, а вторую половину – в течение следующих пяти дней. При отсутствии оплаты второй половины аукциона в установленные сроки, уже внесенная сумма должна уходить в государственную казну⁵⁴⁶.

13 апреля 1798 г. Тальен снова выступил с докладом от имени специальной комиссии, которой было поручено рассмотреть ходатайства некоторых судовладельцев-каперов о том, чтобы считать призами нейтральные корабли,

⁵⁴⁵ Ibid. P. 3-4.

⁵⁴⁶ Tallien J.-L. Projet de resolution sur un message du Directoire relatif aux abus introduits dans la vente des domaines nationaux. Séance du 16 germinal, an 6. P., 1798. P. 2-3.

захваченные с оружием или боеприпасами и не имеющие при этом официальных документов об их перевозке. Тальен отметил, что подобный вопрос уже отрегулирован морскими законами и постановлениями предыдущих лет: «Представьте на мгновение, что корабли нейтральных держав, вооруженные и имеющие военное снаряжение, имеют документы об их перевозке. Чем это грозит, если Республика имеет право воспрепятствовать им, только объявив войну?». Кроме того, Тальен подчеркнул, что нейтральные корабли могут транспортировать в качестве товаров оружие и боеприпасы, потому что состояние войны, в котором могут находиться некоторые державы, не должно запрещать торговлю оружием между нейтральными странами. Международное право запрещает это делать только между нейтральными сторонами и воюющими державами⁵⁴⁷. В соответствии с такими соображениями и с учетом того, что существующих законов достаточно и что они применимы в том числе и к тем захватам, которые были сделаны уже после начала войны, а также к захватам, которые могут быть произведены в будущем, Тальен предложил перейти к повестке дня. Некоторые из присутствующих, несогласные с таким решением, потребовали перенести рассмотрение данного вопроса на другой день, однако Тальен настоял на переходе к повестке дня. Вопрос был закрыт, и в дальнейшем проект, представленный Тальеном, был одобрен Советом старейшин⁵⁴⁸.

К 1798 г. политическое влияние Тальена заметно ослабло. Вместе с тем подходил к концу срок действия его депутатского мандата, истекавшего 20 мая 1798 г. Переизбраться же ему не удалось: по закону от 22 флореаля VI года апрельские выборы 1798 г. в нескольких департаментах были признаны недействительными; в числе депутатов, лишившихся мандата, оказался и Тальен.

Спад в его политической карьере сопровождался крахом семейной жизни.

⁵⁴⁷ Tallien J.-L. Rapport au nom d'une commission spéciale sur quelques parties de la législation concernant les prises maritimes. Séance du 24 germinal an 6. P., 1798. P. 2-5.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 6.

Ещё в марте 1797 г. в прессу просочились слухи о разводе Тальена с супругой. Издание *La Gazette Nationale de France* от 3 марта 1797 г. сообщало: «Мы поспешили опубликовать информацию о разводе Тальена и его жены – он не состоится: госпожа Тальен не живет нигде, кроме дома своего мужа, она не требует развода, который покрыл бы ее позором. В этот раз усилия самой подлой ненависти и самой гнусной интриги не смогли разъединить двух людей, чьи неразрывно связанные судьбы прошли сквозь столько памятных эпох»⁵⁴⁹. Тем не менее, бракоразводный процесс начался в том же месяце по инициативе Терезы. Правда, её прошение о разводе не было удовлетворено и процесс затянулся на несколько лет⁵⁵⁰. Однако ещё до официального развода Тереза, привыкшая к роскоши, отдалилась от утратившего прежнее влияние супруга и сблизилась с одним из пяти директоров – богатым и влиятельным Баррасом. Она стала его любовницей и главным украшением его салона, взяв на себя роль хозяйки в отсутствие мадам Баррас⁵⁵¹.

* * *

Таким образом, 1795–1798 гг. стали периодом неуклонного спада в политической карьере Тальена. Всё чаще в его адрес слышались упреки в роялизме, однако вопрос о том, был ли Тальен роялистом, до сих пор остается дискуссионным. Некоторые историки подчеркивают, что именно подозрения в роялизме уничтожили политический авторитет Тальена. Так, исследовательница М. Хардер отмечает: «Его подозревали в прямом контакте с роялистскими заговорщиками; слухи об этом усиливались, поскольку имя Тальена было обнаружено в перехваченной переписке контрреволюционеров»⁵⁵². О возможной связи Тальена с роялистами писали также Д.Ю. Бовыкин⁵⁵³ и М.

⁵⁴⁹ Aulard A. Op. cit. Т. 3. P. 779.

⁵⁵⁰ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 143.

⁵⁵¹ Черкасов П.П. Первые лица Франции: от Генриха IV до Эмманюэля Макрона. М., 2019. С. 179.

⁵⁵² Harder M. *Reacting to Revolution: the political career(s) of J.-L. Tallien* // *Experiencing the French Revolution*, Oxford, Voltaire Foundation, University of Oxford, 2013. P. 104.

⁵⁵³ Бовыкин Д.Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794—1799 гг. М., 2016. См. также: Гладышев А.В. Французская контрреволюция: взгляд из XXI века // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М. С. 406-420.

Дюрей⁵⁵⁴. Тем не менее, каких-либо источников, которые бы однозначно подтвердили его роялистские взгляды, никто так и не обнаружил, а обвинения политических противников в роялизме, как уже выше отмечалось, были обычной практикой революционной эпохи⁵⁵⁵.

Постоянно муссировавшиеся обвинения, с одной стороны, в роялизме, с другой – в «терроризме», постоянные упоминания сентябрьских убийств в связи с именем Тальена, распространение в публичном пространстве порочащих его слухов и открытая критика в его адрес со стороны политических противников, а также его постепенный отход от активной политической жизни наглядно свидетельствуют о неуклонном упадке в годы Директории политического авторитета этого деятеля Революции.

Подобный процесс свидетельствует об исчерпании того кредита общественного доверия, которым первоначально обладал Тальен. Если в первые годы Революции он за счет проявления личных качеств и умелого использования средств коммуникации (клубы, газета) получил в ситуации революционной ломки Старого порядка существенную общественную поддержку и сумел добиться карьерных высот, успешно набирая политические очки, то к завершению активного этапа Революции он подошел с грузом ряда политических ошибок или, по крайней мере, противоречивого опыта, оставлявшего возможность негативного истолкования, что в конечном счете привело к постепенному ослаблению его авторитета. Среди таких уязвимых мест его политического реноме можно отметить его неоднозначную роль в сентябрьских событиях и на Кибероне. Утратив с переходом к созидательному этапу Революции свое прежнее влияние, Тальен оказался обречен на уход из большой политики. Принятое им в 1798 г. решение отправиться вслед за Бонапартом в Египет, свидетельствовало о том, что текущую ситуацию у себя на родине он считал бесперспективной для продолжения собственной

⁵⁵⁴ Durey M. William Wickham, Master Spy. The Secret War Against the French Revolution. Pickering & Chatto, 2014.

⁵⁵⁵ См.: Бовыкин Д.Ю. Роялисты в Национальном Конвенте.

политической карьеры. Вдобавок, личная драма – начавшийся бракоразводный процесс с супругой, по всей вероятности также стала одной из причин, побудивших его временно покинуть Францию и уехать в Египет. Итог своей карьеры Тальен подвел в письме матери летом 1798 г.: «Прозанимавшись шесть лет государственными делами и оказав некоторые услуги своей стране, я не получил взамен ничего, кроме неблагодарности. Я не задумывался о своем благосостоянии, тем не менее я должен добиться его не только для себя, но и для своих детей, но во Франции мне этого сделать не удастся. В наше время преуспевают только мошенники и подлецы, а я никогда не стану таковым. Поэтому я должен отправиться в новую, далекую страну. Я уверен, что обрету друзей в лице генерала Бонапарта и большинства из тех, кто его сопровождает»⁵⁵⁶. Тем самым Тальен фактически признавал, что его революционная карьера во Франции подошла к концу. Последующие события его жизни уже не имели к ней прямого отношения.

⁵⁵⁶ Le Figaro. 26 juillet 1891. P. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав основные вехи политической биографии Тальена можно сделать вывод, что в ходе Революции он сумел проявить незаурядные личные качества, позволившие ему успешно воспользоваться чрезвычайной ситуацией слома Старого порядка и сделать быструю политическую карьеру. В начале Революции он, используя для публичных выступлений и самопрезентации все доступные ему средства – Якобинский клуб, собственное братское общество, свою газету *L'Ami du citoyen*, завладел авторитетом, достаточным для того, чтобы в дальнейшем выйти сначала на общепарижский уровень политики, став 9 августа членом повстанческой коммуны столицы, а затем и на общенациональный уровень как депутат Национального Конвента.

В Конвенте, Тальен проявил себя одним из наиболее активных депутатов, часто выступая с предложениями, отличавшимися откровенным радикализмом, и постоянно создавая информационные поводы говорить о себе. Завоевав тем самым репутацию энергичного и ответственного деятеля, он получил назначение комиссаром в миссии в те прифронтовые департаменты, где складывалась наиболее сложная военная обстановка. Там Тальен в полной мере проявил свои организаторские способности и, зачастую не получая необходимой поддержки от центральных властей, самостоятельно изыскивал возможности для преодоления существующих трудностей, снова и снова демонстрируя собственную независимость и способность брать на себя ответственность. Смелые, порой дерзкие высказывания и, вместе с тем, достаточная дипломатичность и умение решать возникавшие перед ним проблемы способствовали увеличению его общественного «кредита доверия».

Так, во время миссии в Бордо Тальен проявил себя как достаточно независимый в своих решениях депутат, не подчинившийся прямому указанию из столицы использовать террористические методы для подавления так называемого «федералистского мятежа». Прибыв в Жиронду, Тальен с самого начала стал проводить достаточно взвешенную политику умиротворения в

отношении местных элит, чем вызывал крайнее неудовольствие членов Комитета общественного спасения. Его заподозрили в получении взяток и модерантизме, в особенности после того, как он вступил в связь с Терезой Кабаррюс, попав, как считали многие, под пагубное влияние испанки. Между тем, в ходе изучения источников, относящихся к этому периоду деятельности Тальена, не было обнаружено каких-либо весомых доказательств его виновности в коррупции. Попытки Тальена после возвращения в Париж оправдать себя перед коллегами и Робеспьером не увенчались успехом. Робеспьер не захотел простить Тальену постоянно демонстрируемой независимости и предпринятых тем ранее попыток поставить под сомнение его лидерство в Якобинском клубе. В свою очередь, 9 термидора именно Тальен взял на себя смелость первым открыто выступить против Робеспьера. Этот шаг стал поистине звездным часом Тальена и обеспечил укрепление его политической репутации.

После термидорианского переворота Тальен сыграл одну из ведущих ролей в процессе демонтажа системы Террора, а также борьбы со сторонниками сохранения этой системы и после устранения Робеспьера, в частности, он публично выступил с теоретическим обоснованием феномена террора, поставив перед элитами важные проблемы, требовавшие скорейшего решения. Кроме того, Тальен был инициатором ряда предложений, направленных на демонтаж системы Террора – именно он выступил против судебных расправ по ускоренной процедуре над членами Конвента, высказывался за скорейшее возвращение свободы слова, против декрета об усилении мер в отношении дворян, поддержал ограничение влияния Комитетов общественного спасения и общей безопасности.

Последней значимой миссией Тальена стала командировка на полуостров Киберон летом 1795 г. Во многом именно она оказалась переломной в его политической карьере. Будучи одной из центральных фигур термидорианского Конвента, где шла ожесточенная борьба политических группировок, Тальен

оказался под «огнем» как слева, так и справа: сторонники революционного правления не могли ему простить борьбу за демонтаж системы Террора, а умеренная часть депутатов – его якобинское прошлое. Стремясь обезопасить себя от многочисленных обвинений, звучавших с разных сторон, и прежде всего от обвинения в роялизме, Тальен был вынужден отказаться от ранее задуманного им выступления в защиту пленных эмигрантов на Кибероне, хотя, по воспоминаниям современника, изначально имел такие намерения.

В результате, колебания и непоследовательность Тальена в ряде ключевых моментов Революции (публичное оправдание сентябрьских убийств 1792 г., чрезмерная «снисходительность» во время миссии в Бордо, причастность к расстрелу роялистов на Кибероне) порождали постоянные, хотя и зачастую противоречивые, обвинения в его адрес – то в роялизме, то в соучастии Террору, что истощало его общественный «кредит доверия», ведя к снижению политического авторитета. К тому же, на следующей стадии Революции – стадии созидания новых государственных и общественных институтов, последовавшей за стадией сноса Старого порядка, потребность в политиках-разрушителях, подобных Тальену, практически сошла на нет: отныне общество нуждалось в государственных деятелях, способных к усидчивой систематической работе над правовыми основами нового порядка. И потому, даже став депутатом Совета пятисот, Тальен продолжал постепенно терять былое влияние и авторитет.

Политическая диффамация, которой Тальен подвергся на пике своей карьеры, получила продолжение и в последующей историографии. Вслед за его политическими противниками, как правило голословно обвинявшими Тальена в терроризме, взяточничестве, а затем и роялизме, многие исследователи воспроизвели эти обвинения в его адрес, не озаботившись тем, чтобы сколько-нибудь убедительно их подтвердить. В первую очередь это касается левых историков, крайне негативно оценивавших Тальена как человека, который сыграл одну из ведущих ролей в свержении Робеспьера, положив начало

посттермидорианскому периоду Революции. Поскольку этот период обычно воспринимался левыми историками как «эпоха реакции», упадка и отступления от ценностей Революции, то и личность человека, давшего толчок перевороту, вызывала у них вполне объяснимое отторжение.

Однако в ходе настоящего исследования было установлено, что немалую часть приписываемого Тальену негатива надо подвергнуть серьезному сомнению. Многие историки, вслед за его политическими противниками, обвиняли Тальена во взяточничестве и кровожадности. Однако анализ данных источников не дает оснований представить Тальена столь однозначной фигурой, как его традиционно принято изображать. Не отрицая его причастность к некоторым инкриминируемым ему деяниям, тем не менее нельзя согласиться с огульными обвинениями его в кровожадности и коррупции. Данные источников не подтверждают его репутации взяточника и террориста. И уж, конечно, нельзя недооценивать политическую роль Тальена в ходе Революции, поскольку результаты его деятельности имели далеко идущие последствия для всей Франции – ведь именно он стал одним из тех, кто положил в этой стране конец Великому террору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные фонды

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 317 (Жюльен (Jullien) Марк-Антуан (1775-1848)). Оп. 1.
2. Archives nationales (AN) AF/II (Convention et Comité de Salut Public).
3. AN/F7/4437 (Bureau de Surveillance Administrative).
4. AN/F7/4775 (Comité de Sureté Générale).

Опубликованные источники

5. *Allonville A. de. Mémoires secrets de 1770 à 1830. T. 3. P.: Wahlen, 1841.*
6. *Archives parlementaires de 1787 à 1860. T. 62. P.: P. Dupont, 1902.*
7. *Arnault A.V. Souvenirs d'un sexagénaire. T. 1. P.: Libraire Dufey, 1833.*
8. *Assemblée électorale de Paris. 2 septembre 1792 - 17 frimaire an II. Procès-verbaux de l'élection publiés par E. Charavay. P.: Quantin, 1905.*
9. *Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 1. P.: Quantin, 1898.*
10. *Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T. 2. P.: Quantin, 1898.*
11. *Aulard F.-A. La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. T. 6. P.: Quantin, 1897.*
12. *Buchez Ph. J. B., Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution française ou Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 17. P.: Quantin, 1835.*
13. *Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, avis du Conseil-d'état par J.B. Duvergier. T. 9. P.: Quantin, 1835.*

14. Déclaration que S.A.S. le Duc régnant de Brunswick-Lunebourg, commandant les armées combinées de LLMM L'Empereur et le roi de Prusse, adressée aux habitants de la France. 1792.
15. *Duprat A.* «Les affaires d'Etat sont mes affaires de coeur». Lettres de Rosalie Jullien, une femme dans la Revolution, 1775-1810. P.: Belin, 2016.
16. *Godoy M.* Mémoires du Prince de la Paix. T. 1. P.: Ladvocat, 1836.
17. *Langlois E.-H.* Souvenirs de l'Ecole de Mars et de 1794. Rouen: F. Baudry, 1836.
18. *Lecointre L.* Conjuraton formée dès le 5 préréal par neuf représentans du peuple contre Maximilien Robespierre, pour le poignarder en plein sénat. P.: Rougyff, 1794.
19. Loi, décrets, ordonnances, réglemens, avis du conseil d'état / J.B. Duvergier. T. 7. P.: Chez A. Guyot et Scribe, 1834.
20. Mémoires de B. Barère. T. 2. P.: Jules Labitte, 1844.
21. Mémoires de Barras, membre du Directoire. T. 1. P.: Hachette, 1895.
22. Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante, ministre de la police générale. Osnabrück: Biblio, 1966.
23. Mémoires du chancelier Pasquier, publiée par M. le duc d'Audiffret-Pasquier. P., 1893. T. 1.
24. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte Hélène. P., 1825. T. 6.
25. *Mercier du Rocher A.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de Vendée. Loudéac: Y. Salmon, 1989.
26. *Ouvrard G.-J.* Mémoires. T. 1. Bruxelles: Galand, 1826.
27. Papiers inédits, trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. T. 3. Genève: Mégariotis reprints, 1978.
28. *Prudhomme L.-M.* Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française. T. 5. P.: [L. Prudhomme], 1797.

29. Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 2. P.: Imprimerie nationale, 1889.
30. Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 3. P.: Imprimerie nationale, 1890.
31. Recueil des actes du Comité de salut public / par F.-A. Aulard. T. 4. P.: Imprimerie nationale, 1891.
32. Recueil des actes du Comité de Salut public / par F.-A. Aulard. T. 6. P.: Imprimerie nationale, 1891.
33. Recueil des actes du Comité de Salut public / par F.-A. Aulard. T. 13. P.: Imprimerie nationale, 1891.
34. *Rouget de Lisle*. Historique et souvenirs de Quiberon. Rennes: la Découvrance, 1995.
35. Souvenirs du Baron Hüe / publiés par le baron de Maricourt. P.: C. Lévy, 1903.
36. *Staël A.L.G.* Considérations sur la révolution française // Staël A.L.G. Ouvrage posthume / Publié en 1818 par M. le duc de Broglie et M. le baron de Staël. T. 1. P.: Charpentier, 1862.
37. *Tallien J.-L.* Discours prononcé à la Convention Nationale dans la Séance du 11 fructidor, l'an 2 de la République sur les principes du Gouvernement révolutionnaire. P.: Imprimerie Nationale, s.d.
38. *Tallien J.-L.* Discours sur les causes qui ont produit la Révolution française P.: impr. de Demonville, s.d.
39. *Tallien J.-L.* Eclaircissemens véridiques de Tallien en réponse aux Eclaircissements nécessaires de Collot, ancien membre du Comité de Salut Public. P., (S. l. n. d.).
40. *Tallien J.-L.* La vérité sur les événements du 2 septembre. P.: Impr. nationale, s.d.
41. *Tallien J.-L.* Projet de resolution sur un message du Directoire relatif aux abus introduits dans la vente des domaines nationaux. Séance du 16

- germinal, an 6. P., 1798.
42. *Tallien J.-L.* Rapport au nom d'une commission spéciale sur quelques parties de la législation concernant les prises maritimes. Séance du 24 germinal an 6. P., 1798.
43. *Tallien J.-L.* Rapport fait à la Convention Nationale dans la séance du 9 thermidor, an III. Besançon: Metoyer, 1795.
44. *Thibaudeau A.C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. T. 1. P.: Ponthieu, 1827.
45. *Villegourio de la, L.V.* Ma sortie de Quiberon. Saint-Brieuc: Prudhomme, 1815.
46. *Villeneuve, L.-G. de.* Mémoires sur l'expédition de Quiberon. P.: Le Normant, 1819.
47. Документы истории Великой Французской революции. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. А.В. Адо. М.: издательство МГУ, 1990.
48. Документы истории Великой французской революции. Т. 2. Отв.ред. А.В. Адо. М.: Издательство Московского университета, 1992.
49. *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. Т. 3. М.: АН СССР, 1956.
50. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794 гг. Сб. Документов и материалов / Под ред. Лукина Н.М. М.: издательство Коммунистической Академии, 1927.
51. *Робеспьер М.* Избранные произведения в 3-х томах. М.: Наука, 1965.
52. *Сен-Жюст Л.А.* Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995.

Пресса

53. *La Sentinelle*, 1792.
54. *L'Ami des citoyens*, 1791.
55. *Le Censeur des journaux*, 1795.
56. *Le Courrier des 83 départemens*, 1792.
57. *Le Figaro*, 1891.

58. Le Moniteur universel, 1791-1797.
59. L'Historien, 1796.
60. Révolutions de Paris, 1791.

Литература

1. *Beaurepaire P.-Y.* Atlas de la Révolution française : un basculement mondial, 1776-1815. P.: Éditions Autrement, 2021.
2. *Berriat-Saint-Prix C.* La justice révolutionnaire : A Paris, Bordeaux, Brest, Lyon, Nantes, Orange, Strasbourg: D'apres les documents originaux. P.: Cosse et Marchal, 1861.
3. *Bertaut J.* Madame Tallien, P.: Les éditions de Paris, 1946.
4. *Biard M.* Missionnaires de la République: les représentants du peuple en mission, 1793-1795. P.: Éditions du CTHS , 2002.
5. Biographie des hommes vivants ou histoire par ordre alphabétique / par Une Société de gens de lettres et de savants. T. 4. P.: Michaud, 1818.
6. *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. T. 10. P.: Pagnerre, 1867.
7. *Bluche F.* Septembre 1792: Logiques d'un massacre. P.: R. Laffont, 1986.
8. Bordeaux au XVIIIe siècle / Sous la dir. de F.-G. Pariset. Bordeaux: Fédération historique du Sud-Ouest, 1968.
9. *Boulant A.* La journée révolutionnaire : le peuple à l'assaut du pouvoir, 1789-1795. P.: Passés composés, 2021.
10. *Bourquin M.-H.* Monsieur et Madame Tallien. P.: Librairie Académique Perrin, 1987.
11. *Braesch F.* La Commune du 10 août 1792. Procès-verbal de l'assemblée générale de la section des Postes (4 décembre 1790-5 septembre 1792) [compte-rendu] // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. P.: Belin, 1912. P. 52-54.
12. *Braesch F.* La commune du dix août 1792. Genève: Mégariotis, 1978.

13. *Caron P.* Les massacres de septembre. P.: Maison du Livre, 1935.
14. *Castelnau J.* Madame Tallien. Révolutionnaire, favorite, princesse. P.: Librairie hachette, 1938.
15. *Champagnac J.-P.* Quiberon, la répression et la vengeance. P.: Perrin, 1989.
16. *Charles-Vallin T.* Tallien, le mal-aimé de la Révolution. P.: Picollec, 1997.
17. *Chavanette L.* Danton et Robespierre : le choc de la Révolution. P.: Passés composés, 2021.
18. *Conny F. de.* Histoire de la Révolution de France. T. 8. P.: Dentu, 1847.
19. *Cuneo d'Ornano E.* Hoche, sa vie, sa correspondance (avec douze croquis). P.: Librairie Militaire J. Dumaine, 1892.
20. *Durey M.* William Wickham, Master Spy. The Secret War Against the French Revolution. London: Pickering & Chatto, 2014.
21. *Duruy A.* Une page de la vie de Hoche // Revue des Deux Mondes. P.: Bureau de la Revue des deux mondes, 1884.
22. *Fauveau J.-C.* La Tallien, la Terreur à Bordeaux. Bordeaux: Editions Feret, 2016.
23. *Ferrus M.* Madame Tallien à Bordeaux pendant la Terreur. Bordeaux: Delmas Editeur, 1933.
24. *Fiechter J.-J., Tornare A.-J.* Révolution française et christianisme : l'exemple du réseau Chaffoy en Franche-Comté, 1794-1797. Gollion: Infolio, 2021.
25. *Forest A.* The French Revolution. Oxford: Blackwell Pub, 1995.
26. *Forrest A.* Society and politics in revolutionary Bordeaux. Oxford: Oxford University press, 1975.
27. *Forrest A.* The Death of the French Atlantic: Trade, War, and Slavery in the Age of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2020.
28. *Furet F.* Penser la Revolution française. P.: Gallimard, 1978.
29. *Gallinato B.* Les corporations à Bordeaux a la fin de l'Ancien Regime: vie et mort d'un mode d'organisation du travail: Thèse. Bordeaux: Presses

- Universitaires de Bordeaux, 1992.
30. *Gilles C.* Madame Tallien. Biarritz: Atlantica, 1999.
 31. *Granier de Cassagnac M.A.* Histoire des girondins et des massacre de septembre. P.: Dentu, 1860.
 32. *Gueniffey P., Lorrain F.-G.* Révolutions françaises, du Moyen Âge à nos jours. P.: Perrin, 2020.
 33. *Güttner-Sporzyński D. von.* French Revolution. London: Routledge, 2022.
 34. *Harder M.* Reacting to Revolution: the political career(s) of J.-L. Tallien // Experiencing the French Revolution / Ed. D. Andress. Oxford: David Andress, 2013. P. 87-112.
 35. *Hoefler J.C.F.* Nouvelle Biographie générale. T. 31. P.: Firmin Didot Frères, 1862.
 36. *Hollander E.* Conformity, Status and Idiosyncrasy Credit // Psychological Review. 1958. P. 117-127.
 37. *Hollander E.* Emergent Leadership and Social Influence // Leadership and Interpersonal Behavior. N.-Y., 1961.
 38. *Hollander E.* Leaders, groups and influence. N.-Y.: OXFORD UNIV PRESS, 1964.
 39. *Hollander E.* Leadership dynamics: a practical guide to effective relationships. N.-Y.: Free Press, 1978.
 40. *Houssaye A.* Notre-Dame de Thermidor. P.: H. Plon, 1895.
 41. *Huchet P.* Quiberon ou Le destin de la France. Rennes : Ouest-France, 1995.
 42. *Jaurès J.* Histoire socialiste de la Révolution française. T. 3. P., 1923.
 43. *Jones C.* The fall of Robespierre : 24 hours in revolutionary. Oxford: Oxford University Press, 2021.
 44. *Jourdan A.* La Révolution française : une histoire à repenser. P.: Flammarion, 2021.
 45. *Jourdan A.* Nouvelle histoire de la Révolution. P.: le Grand livre du mois, 2018.

46. *Lacap H.* Notice sur Jullien. Bordeaux: Taffard, 1958.
47. *Lacap H.* Notice sur Tallien. Bordeaux: Taffard, 1959.
48. *Lacretelle C.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P.: Dufart, 1842.
49. *Lacretelle C.* Reponse de Lacretelle le jeune à Tallien. P., s.d.
50. Le Directoire : forger la République, 1795-1799 / sous la dir. de L. Chavanette ; introduction d'A. Forrest. P.: CNRS éditions, 2020.
51. *Leuwers H.* La Révolution française, P.: PUF, 2020.
52. *Martin J.-C.* Infographie de la Révolution française. P.: Passés composés, 2021.
53. *Martin J.-C.* L'Exécution de Louis XVI. P.: Perrin, 2021.
54. *Martin J.-C.* Nouvelle histoire de la Révolution française. P.: Perrin, 2012.
55. *Mathan A., de.* Mémoires de Terreur: l'an II à Bordeaux. Bordeaux: Presses universitaires de Bordeaux, 2002.
56. *Mathiez A.* La Révolution française. T. 3. P.: Denoël, 1985.
57. *Mazauric C.* 1789 : sur la Révolution de France. Vauvert: Au diable Vauvert, 2021.
58. *Mitchell C.J.* The French Legislative Assembly of 1791. Leiden: E.J. Brill, 1988.
59. *Mugnier P.-H.* Le journalisme, l'autre carrière de Tallien // La Révolution française au miroir des recherches actuelles. P.: Société des études robespierristes, 2011.
60. *Ozouf M.* De Révolution en République : les chemins de la France. P.: le Grand livre du mois, 2015.
61. *Ozouf M.* Massacres de septembre : qui est responsable ? / L'Histoire. N° 342, mai 2009. P. 52-55.
62. *Saurel L.* Le jour où finit la Terreur. P.: R. Laffont, 1962.
63. *Secher R.* La Vendée-Vengé: le génocide franco-français. P.: Perrin, 2006.
64. *Serna P.* La République des girouettes. Seyssel: Champ Vallon, 2005.
65. *Shusterman N.* The French Revolution : faith, desire, and politics.

- Abingdon, Oxon: Routledge, Taylor & Francis Group, 2021.
66. *Sibenaler J.* Quiberon, pour le Roi et l'Autel. Coudray-Macouard: éditions Cheminements, 2007.
 67. *Simien C.* Les massacres de septembre 1792 à Lyon. Lyon: Aléas, 2011.
 68. *Simien C.* Rumeurs et Révolution : la saison des massacres de septembre 1792 / Annales historiques de la Révolution française. № 402, octobre-décembre 2020. P. 3-31.
 69. *Sonolet L.* Madame Tallien. P.: L'edition, 1909.
 70. *Tabeur J.* Paris contre la Province! Les guerres de l'Ouest, 1792-1796. P.: Economica, 2008.
 71. *Tackett T.* Anatomie de la Terreur : le processus révolutionnaire, 1787-1793. P.: Éditions du Seuil, 2020.
 72. *Ternaux M.* Histoire de la Terreur. T. 3. P.: Michel Lévy frères, 1863.
 73. *Tulard J.* Les Thermidoriens. P.: le Grand livre du mois, 2005.
 74. *Vergne M.* Le maréchal Brune: la toge et l'épée. Brive: Université du 3e âge de Brive-la-Gaillarde et de sa région, 1996.
 75. *Vivie A.* Histoire de la Terreur à Bordeaux. T. 1. Bordeaux: Feret et Fils, 1877.
 76. *Vivie A.* Histoire de la Terreur à Bordeaux. T. 2. Bordeaux: Feret et Fils, 1877.
 77. *Vovelle M.* La Révolution française. P.: A. Colin, 1992.
 78. *Waresquiel E. de,* Fouché: les silences de la pieuvre. P.: Fayard, 2014.
 79. *Waresquiel E. de,* Les derniers jours de Marie-Antoinette. P.: Éditions Tallandier, 2021.
 80. *Бачко Б.* Как выйти из террора? Термидор и революция. М.: BALTRUS, 2006.
 81. *Блуменау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII века (1945-1993 гг.). Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1995.

82. *Блуменау С.Ф.* Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. Брянск: Курсив, 2011.
83. *Бовыкин Д.Ю.* 1795 год: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник 2003. М.: Едиториал УРСС, 2003.
84. *Бовыкин Д. Ю.* «Охвостье Робеспьера» // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М.: ИВИ РАН. С. 68-94.
85. *Бовыкин Д.Ю.* 13 вандемьера: кто виноват? // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906-1976). М., 2006: ИВИ РАН. С. 80-129.
86. *Бовыкин Д.Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118-129.
87. *Бовыкин Д.Ю.* Доклад Комитету общественного спасения (миссия М.-А. Жюльена в Бордо) // Европа. Международный альманах. Т. 2. Тюмень, 2002. С. 215-223.
88. *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794—1799 гг. М.: РОССПЭН, 2016.
89. *Бовыкин Д.Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М.: Изд-во Московского университета, 2005.
90. *Бовыкин Д.Ю.* Роялисты в Национальном Конвенте // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (151). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 7–24.
91. *Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В.* Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
92. *Генифе П.* Политика революционного террора М.: Едиториал УРСС, 2003 г.
93. *Гладышев А.В.* Французская контрреволюция: взгляд из XXI века // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 406-420.

94. *Гладышев А.В.* Французская революция: взгляд из XXI века // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 66-73.
95. *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.
96. *Гордон А.В.* Падение жирондистов. М.: Наука, 1988.
97. *Гудман Д.* Социальные связи и формы общения // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003.
98. *Дарнтон Р.* Высокое Просвещение и литературные низы в предреволюционной Франции [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение / (Пер. с англ. Г. Дашевского). № 37. 1990. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/37/darnton.html>. (Дата обращения 02.03.2022).
99. *Добролюбский К.П.* Термидор: очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794-1795 гг. Одесса: издательство Одесского государственного университета, 1949.
100. *Зайцева Д.В.* «Он оказал огромную услугу человечеству»: о роли Ж.-Л. Тальена в демонтаже системы террора // Вестник Северного (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 4. С. 49–55.
101. *Зайцева Д.В.* «Черная легенда» о Ж.-Л. Тальене // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 464–475.
102. *Зайцева Д.В.* Миссия народного представителя Ж.-Л. Тальена в Бордо 1793-1794 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 10 (74) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840002430-2-1/> (дата обращения: 08.01.2021).
103. *Зайцева Д.В.* От клерка до депутата: начало политической карьеры Ж.-Л. Тальена // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М.: ИВИ РАН. С. 52-67.

104. *Зайцева Д.В.* Публичное пространство в Париже термидорианского периода // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 1 (45) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001339-1-1/> (дата обращения: 08.01.2021).
105. *Зайцева Д.В.* Сентябрьские убийства 1792 года в политической карьере Ж.-Л. Тальена // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 96-106.
106. *Зайцева Д.В.* Участие Ж.-Л. Тальена в разгроме Киберонской экспедиции роялистов // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 42–52.
107. *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. М.: КСП+, 1998.
108. *Киселёва Е.В.* Миссия Марка-Антуана Жюльена в Бордо (1794 год) // Французский ежегодник 1972. М.: Наука, 1974.
109. *Киселева Е.В.* Роль парижских секций в перевороте 9 термидора // Французский ежегодник 1987: 200 лет Великой Французской революции. М.: Наука, 1989.
110. *Кошен О.* Малый народ и революция / Пер. с франц. О.Е. Тимошенко. М.: Айрис-пресс, 2004.
111. *Кунов Г.* Политические кофейни. Парижские силуэты времен Великой французской революции. Л.: рабочее издательство «Прибой», 1926.
112. *Манфред А.З.* Великая французская революция XVIII века. М.: Наука, 1983.
113. *Манфред А.З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М.: Мысль, 1989.
114. *Матьез А.* Термидорианская реакция. М.-Л.: Соцэкгиз, 1931.
115. *Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А.* Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789-1814). М.: Политическая энциклопедия, 2019.

116. *Митрофанов А.А.* Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М.: РОССПЭН, 2020.
117. *Мягкова Е.М.* Необъяснимая Вандея. М.: Academia, 2006.
118. *Погосян В.А.* Марк-Антуан Жюльен и выборы VI года // Французский ежегодник 2009. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 119-138.
119. *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван: Нор-Дар, 2004.
120. *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016.
121. *Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб.: Издательство СЗАГС, Образование - Культура, 2003.
122. *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
123. *Сеше Р.* Вандея: от геноцида к «меморициду». Пер. с фр. Ю.В. Минеевой // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН. С. 36-54.
124. *Собуль А.* Первая республика (1792-1804). М.: Прогресс, 1974.
125. *Тарле Е.В.* Наполеон. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
126. *Тортароло Э.* Общественное мнение / Мир Просвещения. Исторический словарь под редакцией В. Ферроне и Д. Роша / Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003.
127. *Тэн И.* Происхождение современной Франции. Т. 3. СПб.: Типография П.О. Пантелеева, 1907.
128. *Черкасов П.П.* Лафайет. Политическая биография. М.: Мысль, 1991.
129. *Черкасов П.П.* Первые лица Франции: от Генриха IV до Эмманюэля Макрона. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.

130. *Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
131. *Чудинов А.В.* На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в. // Новое литературное обозрение № 86. 2007.
132. *Чудинов А.В.* Накануне «смены вех». Советская историография Французской революции в начале 1980-х гг. // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. ст., посвящённый 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им А.М. Горького. Екатеринбург: Екатеринбург: [НПМП «Волот»], 2008.
133. *Чудинов А.В.* Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг. М.: ИВИ РАН, 2000.
134. *Чудинов А.В.* Старый порядок во Франции и его крушение. СПб.: Наука, 2017.
135. *Чудинов А.В.* Террор Французской революции на земле Египта. 1798–1801 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 27-42.
136. *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007.
137. *Шартье Р.* Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения: Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003.
138. *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М.: Изд. дом "Искусство", 2001.